

ВЫБОРГСКИЙ
ОБЪЕДИНЁННЫЙ
МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК

Комитет по культуре правительства Ленинградской области

ГБУК ЛО «Выборгский объединенный музей-заповедник»

Институт истории Санкт-Петербургского
государственного университета

**Санкт-Петербург и страны
Северной Европы
20 (№1)**
тематический выпуск

**РОССИЯ, ФИНЛЯНДИЯ
И СКАНДИНАВИЯ:
КЛЮЧЕВЫЕ СОБЫТИЯ
В ИСТОРИИ**

*Материалы восьмых ежегодных
Барышниковских научных чтений*

Выборг
2019

Редакционная коллегия:
д.и.н., профессор В. Н. Барышников (ответственный редактор),
д.и.н., профессор В. Е. Возгрин, Д. Р. Лобанова,
к. и. н. А. В. Мельнов,
к.и.н. Ю. И. Мошник (зам. ответственного редактора)

Рецензенты:
к.и.н., доцент А. В. Лихоманов (Российская Национальная библиотека);
к.и.н. А. И. Терюков (Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого /Кунсткамера/ РАН)

ISSN 2411-8796

C18 Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 20 (№1). Тематический выпуск: «Россия, Финляндия и Скандинавия: ключевые события в истории». Материалы восьмых Барышниковских чтений (29 сентября 2018 г.). / Под ред. В. Н. Барышникова, Ю. И. Мошник. – Выборг: ГБУК ЛО «Выборгский объединенный музей-заповедник», 2019. – 200 с.

ISBN 978-5-91882-051-3

Тематический выпуск содержит научные статьи, подготовленные на основе материалов докладов международной научной конференции «Россия, Финляндия и Скандинавия: ключевые события в истории», проведенной в рамках восьмых Барышниковских чтений.

Книга адресована всем, кто интересуется проблемами взаимоотношений России с Финляндией и Скандинавией.

Книга является приложением к журналу «Санкт-Петербург и страны Северной Европы» (<http://novist.history.spbu.ru/sborniki.html>).

ISBN 978-5-91882-051-3

9 785918 820513

© ГБУК ЛО «Выборгский объединенный музей-заповедник», 2019.
© В. Н. Барышников, Ю. И. Мошник, сост., 2019.
© Центр Сохранения Культурного Наследия (макет, верстка), 2019.

Governmental Committee of the Leningrad Region for Culture
Vyborg's associated heritage museum
Institute of History of St. Petersburg State University

**Saint Petersburg and the countries
of Northern Europe
20 (№1)
special issue**

RUSSIA, FINLAND AND SCANDINAVIA: THE FUNDAMENTAL EVENTS OF HISTORY

*Proceedings of the 8th Annual Baryshnikov
Memorial Reading*

Vyborg
2019

The Editorial Board: PhD in History, professor V. N. Baryshnikov
(managing editor),
PhD in History, professor V. E. Vozgrin,
D. R. Lobanova,
PhD in History A. V. Melnov
PhD in History J. I. Moshnik (assistant editor)

Reviewers:

PhD in History A. V. Likhomanov
(The Russian National library);
PhD in History A. I. Terykov
(Peter the Great Museum of anthropology and ethnography/Kunstkamera/)

ISSN 2411-8796

Saint Petersburg and the countries of Northern Europe. 20 (№1). Special issue. «Russia, Finland and Scandinavia: The fundamental events of history». Proceedings of the 8th Annual Baryshnikov Memorial Readings (September 29, 2018). / Ed. V. N. Baryshnikov, J. I. Moshnik. Vyborg: Vyborg's associated heritage museum, 2019. – 200 c.

ISBN 978-5-91882-051-3

The special edition includes the papers delivered at the international academic conference «Russia, Finland and Scandinavia: The fundamental events of history». This conference was held within the framework of the eighth Baryshnikov Memorial Readings.

This issue is intended for those who are interested in problems of relations between Saint-Petersburg, North European countries and Scandinavian.

The issue is a supplement to the journal «Saint Petersburg and the countries of Northern Europe» (<http://novist.history.spbu.ru/sborniki.html>).

ISBN 978-5-91882-051-3

9 785918 820513

© Vyborg's associated heritage museum, 2019.

© V. N. Baryshnikov, J. I. Moshnik, ed., 2019.

© CSKN, 2019.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	11
ЭКОНОМИКА, ВОЙНА И ПОЛИТИКА.....	13
<i>Д. Ю. Козлов</i> «Шведский фактор» в планах применения Российского флота накануне Первой мировой войны (1907–1914).....	15
<i>В. Н. Барышников</i> Латышский большевик И. Т. Смилга и его роль в революции и гражданской войне в Финляндии.....	26
<i>А. В. Смолин</i> Советско-финские переговоры в Тарту. Первый этап 12 июня – 14 июля 1920 г.....	39
<i>О. В. Корчагин</i> Третьи пехотные финские командные курсы в Петрограде.....	57
<i>Е. А. Бочков</i> Особенности организации тылового обеспечения действующей Красной армии в советско-финляндской войне (1939–1940 гг.).....	65
<i>П. В. Петров</i> Создание военно-морских баз и береговой обороны Краснознаменного Балтийского флота в Выборгском заливе и Бьёркском архипелаге весной 1940 – весной 1941 гг.....	76
ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ: ВЗГЛЯДЫ И ОЦЕНКИ.....	85
<i>А. Г. Шкваров</i> Крепость Вильманstrand и ее гарнизон в 1750–1850-х гг.: по материалам Национального архива Финляндии.....	86
<i>М. А. Партала</i> Г.А. Кьяндский – офицер Финляндского радиотелеграфного дивизиона: портрет «в интерьере эпохи». (По материалам из фондов Мемориального музея А.С. Попова).....	94
<i>Ю. И. Мошник</i> «Дайте нам короля». Дискуссия о форме правления в выборгской прессе 1918 г.....	102
<i>Д. Р. Лобанова</i> Новый подход финских исследователей к изучению гражданской войны в Финляндии во второй половине XX века.....	110

<i>Н. И. Николаев</i> Советско-финляндские переговоры в Раяйоки в 1920 г. на страницах газет «Правда» и «Известия».....	120
<i>В. Е. Возгрин</i> Альма Сёдергельм, историк из Выборга – от апологии революции до участия в белом движении.....	126
<i>Е. Н. Наземцева</i> Российская послереволюционная эмиграция в Финляндии в советско-финляндских отношениях 1920-е гг. (по документам Архива внешней политики РФ).....	133
РЕЛИГИЯ, НАУКА И КУЛЬТУРА.....	143
<i>А. Н. Шувалова</i> Церковь во имя Рождества Христова в Выборге в середине XVIII столетия.....	144
<i>В. И. Мусаев</i> Финско-протестантская экспансия в православной Карелии в начале XX в.....	148
<i>Ю. Д. Балащенко</i> Судьба внуков И. Е. Репина Гая и Дия после 1917 г.....	157
<i>А. Г. Мартынова</i> Выражение тоски о потерянном городе в ностальгических работах выборгских финских художников эвакко (1939–1944).....	171
<i>А. В. Мельнов</i> Городской герб Выборга в контексте средневековой геральдики стран Северной Европы.....	179
<i>Е. Н. Метелкин</i> Монеты и медали шверинского мюнцкабинета как нумизматические источники по истории Балтийского региона.....	185
Резюме.....	188
Сведения об авторах.....	198

CONTENTS

PREFACE.....	12
ECONOMICS, WAR AND POLITICS.....	13
<i>D. Yr. Kozlov</i> «Swedish factor» in the operational plans of the Russian Baltic Fleet on the eve of the First World War (1907–1914).....	15
<i>V. N. Baryshnikov</i> The Latvian Bolshevik Smilga I.T. and his role in the Revolution and the Civil War in Finland.....	26
<i>A. V. Smolin</i> The talks between Soviet Russia and Finland in Tartu. First period 12 June – 14 July 1920.....	39
<i>O. V. Korchagin</i> The Third Finnish Officer Course of the Infantry in Petrograd.....	57
<i>E. A. Bochkov</i> Features of the logistics organization of the Red Army troops during the Soviet Finnish War (1939–1940).....	65
<i>P. V. Petrov</i> Creation of naval bases and coastal defenses of the Red Banner Baltic Fleet in the Vyborg Gulf and the Björkö archipelago in the spring of 1940 – spring of 1941.....	76
HISTORICAL SOURCES, OPINIONS AND ESTIMATIONS.....	85
<i>A. G. Shkvarov</i> Fortress Wilmanstrand and its garrison in 1750–1850: documents from the National Archive of Finland.....	86
<i>M. A. Partala</i> G.A. Kyandsky, an officer of Finland Wireless Telegraphy Division: a portrait «against the background of the epoch». Adapted from documents provided by the Memorial Museum of A.S. Popov).....	94
<i>J. I. Moshnik</i> «Give us a king». The discussion on the form of government in Vyborg press in 1918.....	102
<i>D. R. Lobanova</i> The new approach of Finnish researchers to study the Civil War in Finland in the second half of XX century.....	110

<i>N. I. Nikolaev</i> Soviet-Finnish negotiations in Rajajoki (April 1920) in the pages of «Izvestia» and «Pravda».....	120
<i>V. E. Vozgrin</i> Alma Söderjelm, a historian from Vyborg – From the apology of the revolution to participation in the White movement.....	126
<i>N. E. Nazemtseva</i> Russian military emigrants in Finland in the Soviet-Finnish relations 1920s (on documents of the Archive of the Russian Federation’s Foreign Policy.....	133
RELIGION, SCIENCE AND CULTURE.....	143
<i>A.N. Shuvalova</i> Church of the Nativity in Vyborg in the middle of the 18th century.....	144
<i>V. I. Musaev</i> Finnish-Lutheran Expansion in Orthodox Karelia in the Early 20th century....	148
<i>Jr. D. Balacenko</i> The fate of I. E. Repin’s grandsons Gaj and Dij after 1917.....	157
<i>A. G. Martynova</i> The expression of longing for the lost city in the nostalgic works of Vyborg Finnish evakko artists (1939–1944).....	171
<i>A. V. Melnov</i> Town’s coat of arms of Vyborg in the context of medieval heraldry of the North countries.....	179
<i>E. N. Metelkin</i> Coins and Medals of the Schwerin Münzcabinet as Numismatic Sources of History of the Baltic Region.....	185
Abstract.....	188
Information about authors.....	199

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сборник содержит материалы докладов международной научной конференции «Россия, Финляндия и Скандинавия: Ключевые события в истории». Конференция состоялась 29 сентября 2018 г. в рамках восьмых Барышниковских чтений в Выборгском объединенном музее-заповеднике. Она была организована Комитетом по культуре правительства Ленинградской области, ГБУК ЛО «Выборгский объединенный музей-заповедник», а также Институтом истории Санкт-Петербургского государственного университета (кафедра истории Нового и новейшего времени).

Барышниковские чтения имеют давнюю историю. Научные конференции, посвященные истории взаимоотношений России и Финляндии, проводятся с 2000 г. В работе этих научных чтений принимали активное участие известные историки из Санкт-Петербурга, Москвы, Петрозаводска, Выборга, а также исследователи из Финляндии и Швеции. По итогам прошедших конференций было уже выпущено два сборника – «105 дней “зимней войны”». К шестидесятилетию советско-финляндской войны 1939–1940 гг. Материалы международной научной конференции» и «1941 год: СССР–Финляндия. Материалы международной научной конференции»¹, а также коллективная монография «От войны к миру: СССР и Финляндия в 1939–1944 гг.»². Кроме этого, часть докладов затем публиковались в ежегодных сборниках «Санкт-Петербург и страны Северной Европы»³.

С 2011 г. конференция, решением ее участников, была преобразована в ежегодные «Барышниковские чтения», названные в память известного российского историка, изучавшего советско-финляндские отношения и одного из главных организаторов всех предшествовавших конференций, профессора Николая Ивановича Барышникова.

К настоящему времени Барышниковские чтения проводятся уже более семи лет. На них были рассмотрены весьма разнообразные проблемы российско-финляндских отношений⁴. При этом VIII-я конференция «Барышниковские чтения», материалы которой представлены в сборнике, уже расширила рамки обсуждаемых проблем, поскольку её участники исследуют вопросы взаимоотношений России, Финляндии и Скандинавии на протяжении их исторического развития.

1. 105 дней «зимней войны». К шестидесятилетию советско-финляндской войны 1939–1940 гг. СПб., 2000; 1941 год: СССР-Финляндия. Материалы международной научной конференции. СПб., 2003.

2. От войны к миру: СССР и Финляндия в 1939–1944 гг. СПб., 2006.

3. См.: <http://novist.history.spbu.ru/sborniki.html#spb>.

4. 30 июня 2011 г. прошла конференция «Россия и Финляндия: через века истории», которая была посвящена памяти профессора Н. И. Барышникова. Основная проблематика этой конференции касалась событий, приуроченных к семидесятилетию начала Великой Отечественной войны. Далее, 29 сентября 2012 г. на конференции «Россия и Финляндия» рассматривались вопросы истории взаимоотношений и противостояний двух государств, а также проблемы идентичности в истории. Этим же проблемам были посвящены конференции 12 октября 2013 г. и 27 сентября 2014 г. Пятая, юбилейная конференция «Барышниковские чтения» подводила определенный итог предшествующей работе, поскольку на ней рассматривались проблемы изучения и новых открытий в истории российско-финляндских отношений. Шестая конференция была посвящена проблемам взаимовосприятия в отношениях России, Финляндии и Скандинавии и была приурочена к столетию Великой русской революции и независимости Финляндии.

PREFACE

These proceedings include the papers delivered at the international academic conference «Russia, Finland and Scandinavia: The fundamental events of history». This conference, being a part of the eighth Baryshnikov Memorial Readings, was held on September 29, 2018 at the Vyborg's associated heritage museum. The conference was organized by the Governmental Committee of the Leningrad Region for Culture, Vyborg's associated heritage museum, and Modern History Department of the Institute of History of St. Petersburg State University.

The conferences dedicated to relations between Russia and Finland have been run since 2000 and therefore they share long history and uphold their own traditions. Their contributors included renowned historians of St. Petersburg, Moscow, Petrozavodsk, Vyborg, as well as the scholars from Finland and Sweden. The proceedings of previous conferences were issued in the volumes «105 days of the Winter War» and «1941: the USSR – Finland»¹, in multi-authored monograph «From War to Peace: the USSR and Finland in 1939–1944»², and, finally, a number of papers was published in the almanac «St. Petersburg and the Nordic Countries»³.

Since 2011, these annual conferences have been titled Baryshnikov Memorial Readings in the memory of the prominent Russian historian, Professor Nikolay Ivanovich Baryshnikov, who studied the Soviet-Finnish relations and was one of the main organizers of all the previous conferences.

Baryshnikov Memorial Readings have been held for more than seven years and quite a range of issues concerning Russian-Finnish relations were covered there⁴. The papers delivered at the 8th Baryshnikov Memorial Readings and published in this book, have already exceeded the scope of the topics previously discussed there, as its contributors are examining the issues of Russian, Finnish and Scandinavian relations throughout the whole history of these countries.

ЭКОНОМИКА, ВОЙНА И ПОЛИТИКА

1. 105 дней «зимней войны». К шестидесятилетию советско-финляндской войны 1939–1940 гг. СПб., 2000; 1941 год: СССР-Финляндия. Материалы международной научной конференции. СПб., 2003.

2. От войны к миру: СССР и Финляндия в 1939–1944 гг. СПб., 2006.

3. See: <http://novist.history.spbu.ru/sborniki.html#spb>.

4. June 30, 2011, the conference «Russia and Finland: Through the Centuries of History» was held and it was dedicated to the memory of Professor N. I. Baryshnikov. The main issues that were discussed at the conference related to the events of the beginning of the Great Patriotic War. Next, September 29, 2012, conference «Russia and Finland» addressed issues of the history of relations and confrontations between the two states, as well as problems of identity in history. The same issues were also considered the conferences on October 12, 2013 and September 27, 2014.

The fifth anniversary conference «Baryshnikovsky Readings» summed up a certain result of the previous work, because it dealt with the problems of studying and new discoveries in the history of Russian-Finnish relations. The sixth conference was devoted to the problems of mutual perception in relations between Russia, Finland and Scandinavia, coinciding with the centenary of the Great Russian Revolution and the independence of Finland.

**«Шведский фактор» в планах применения российского флота
накануне Первой мировой войны (1907–1914)**

После дальневосточной катастрофы и последовавшей за ней реформы флота и морского ведомства, важнейшими элементами которой стали учреждение в 1906 г. Морского генерального штаба (МГШ) и модернизация в 1908–1911 гг. системы управления непосредственно на будущих морских театрах, стратегическое и оперативное планирование в российском Морском министерстве приобрело новое качество, определяемое четкой институализацией и систематическим характером. В этот период Швеция в образе потенциального союзника Германии фигурировала во всех планах применения морских сил Балтийского моря, и российское командование полагало военно-морской потенциал шведов важным и притом неблагоприятным фактором обстановки¹.

Хотя морской министр вице-адмирал А. А. Бирилев в обосновании первой после Русско-японской войны судостроительной программы от 29 ноября (12 декабря) 1906 г. указал, что «Германия обладает столь могущественным флотом, что ей нет никакой надобности прибегать к содействию Швеции или Дании для нанесения нам самых губительных ударов»², МГШ был не склонен пренебрегать военно-морским потенциалом сопредельного королевства. Как указывалось в докладе генмора о необходимости учреждения должности военно-морского агента (атташе) в скандинавских странах, «в настоящее время (осенью 1906 г. – Д.К.), когда наш флот в Балтийском море настолько ослаблен... с морскими силами Швеции нам приходится считаться как с серьезным противником»³.

На состоявшемся 15 (28) декабря 1906 г. совещании начальников сухопутного и морского генеральных штабов генерал-лейтенанта Ф.Ф. Палицына и капитана 1 ранга Л. А. Брусилова «об установлении взаимных задач военно-сухопутного и морского ведомств», которое стало важной вехой в координации замыслов действий армии и флота, возможный союз Германии и Швеции был упомянут при оценке угрозы «посылки сильной эскадры и значительных десантных войск». При этом, как указывалось в журнале совещания, «стремиться ныне к господству над соединенными морскими силами Германии и Швеции или одной Германии в предстоящие два десятилетия невозможно, да и излишне»⁴.

Швеция в качестве потенциального союзника Германии была принята во внимание МГШ и при составлении «стратегических оснований» для «Большого плана войны 1907 года» («Плана № 18»), которые 19 марта (1 апреля) 1907 г. были доложены новым морским министром адмиралом И.М. Диковым государю и были им утверждены⁵. Альтернативный «Зимний вариант плана № 18», разработанный в 1909 г. штабом командующего соединенными отрядами Балтийского моря контр-адмирала Свиты Е.И.В. Н.О. фон Эссена, предусматривал активные действия в Средней и даже Южной Балтике с опорой на незамерзающую Либаву, в том числе ультиматив-

ную демонстрацию, призванную упредить выступление шведов. В случае, если Стокгольм все же ввяжется в войну, Николай Оттович предлагал разгромить шведский флот до его соединения с германским⁶.

МГШ, который усмотрел в замысле Н.О. фон Эссена некоторые черты авантюры, выступил, разумеется, категорически против, так как, среди прочего, весьма скептически оценивал перспективы успеха Балтфлота (в это время он насчитывал, не считая совершенно устаревших кораблей, два линкора-додредноута, шесть крейсеров, 40 эскадренных миноносцев и шесть канонерских лодок) в борьбе против шведских морских сил (12 броненосцев береговой обороны, броненосный крейсер, 10 минных крейсеров и эсминцев – и это не считая «сил для второстепенных операций» – старых мониторов и малых миноносцев) даже в открытом море, не говоря уже о прибрежных районах, где шведы имели безусловное превосходство вследствие «специальной конструкции их судов, приспособленных для действия в шхерах»⁷.

Таков один из выводов МГШ, где в январе того же 1909 г. было подготовлено подробное «исследование» (именно так определил жанр этого текста его автор⁸) под заголовком «Сосредоточение шведского флота». В этом документе «на основании донесений агентов и секретных документов» были сформулированы предположения о действиях морских сил короля Густава V в случае войны России, Франции и Англии против Германии и Швеции, когда «Германский флот будет сосредоточен против сильнейшего морского противника (т.е. англичан. – Д.К.)», а шведы, оставшись один на один с российским Балтфлотом, будут «оспаривать обладание морем или частными его районами у Русских».

Предполагалось, что на шведские вооруженные силы «будет возложена задача быстрого и решительного движения на столицу Империи – Петербург (так это было всегда при войнах Швеции с Россией)», а наиболее вероятным способом ее решения станет «морская перевозка шведской армии и высадка ее в Абосском районе и в северных портах Финляндии (речь шла об Або, Раумо и Бьернборге, имевших необходимое для высадки войск портовое оборудование и железнодорожное сообщение с внутренними районами Финляндии. – Д.К.)». При этом шведскому флоту будет предписано не допустить появления русского флота «в Абосско-Оландском шхерном районе, в Оландсгафе и севернее этих районов» путем «постановки минных заграждений (в проливе Оландсгаф, узкостях Ледсунд, Люм и Паргаспорт, соединяющих Ботнический залив с открытой частью моря. – Д.К.) и защиты их артиллерийским огнем маневрирующего за ними флота». Расчеты, выполненные с учетом соотношения сил шведского и русского флотов, удаленности района боевых действий от пунктов их базирования, сроков проведения мобилизационных мероприятий и ледового режима, привели МГШ к заключению, что «операция Шведов... может быть ими выполнена успешно»⁹.

Очевидно, для проверки этих выводов в 1910–1911 учебном году в Николаевской морской академии была проведена стратегическая военно-морская игра на тему «Война Швеции с Россией». Политическая обстановка для игры была смоделирована в МГШ (документ, датированный 8 (21) декабря

1909 г., подписан старшим лейтенантом М. И. Смирновым и лейтенантом графом П. Ф. Келлером) и состояла в том, что Германия придерживается прошведского нейтралитета, Дания и Норвегия – нейтралитета строгого, Финляндия «находится в вооруженном восстании против Империи», а собственно война «начинается действием Шведского флота против России»¹⁰. В рамках подготовки к игре слушателями академии были разработаны таблицы и диаграммы поражаемости и бронирования основных типов кораблей шведского флота. Любопытно, что среди разработчиков этих материалов оказались известные в будущем флагманы и командиры Первой мировой войны – А. С. Зарин, Б. П. Дудоров, К. В. Швелев, а также В. А. Сташевский, который после окончания основного (1911 г.) и дополнительного (1912 г.) курсов военно-морского отдела академии будет прикомандирован к МГШ и в феврале 1914 г. станет военно-морским агентом в скандинавских странах¹¹.

В рамках подготовки к игре в июле – августе 1910 г. старший лейтенант В. А. Сташевский и лейтенант Ю. Ф. Волковицкий совершили поездку в Швецию «с целью описания побережья и портов от Харгсхамна до Карлскроны в военно-географическом и военно-статистическом отношении». В ходе полуторамесячной командировки офицеры осмотрели все представлявшие интерес в военно-морском отношении районы и объекты, за исключением военного порта Карлскроны, куда им «проникнуть не удалось» из-за «усиленного надзора за иностранцами» (хотя в общем «все страхи, которые рассказывают о подозрительности шведов», оказались «чистейшим мифом»). Результатом поездки стало пространное «Описание побережья Швеции от Харсхамна (широта 60° 3', 4 N долгота 18° 35', 7 O) до Роннеби (широта 56° 10' N 0 долгота 15° 18', 5 O), островов Готланд и Эланд», содержащее подробные сведения о физико-географических условиях, навигационном оборудовании, режиме судоходства, судостроительных и судоремонтных предприятиях, портовом оборудовании, средствах сообщения и связи и т.д. Разумеется, путешествие русских морских офицеров, не скрывавших подданства и профессии, не могло дать исчерпывающей характеристики военно-морского потенциала Швеции, однако, бесспорно, его результаты при необходимости изрядно облегчили бы российскому флоту освоение этого района Балтики как театра военных действий (именно для этого, в частности, на побережье были намечены «места для высадки»). Из своих наблюдений В. А. Сташевский и Ю. Ф. Волковицкий сделали и некоторые выводы политического характера – например, о тенденции к «полной политической зависимости Швеции от могущественной Германии», которое «уже и в настоящее время сильно заметно»¹².

В этом контексте не удивительно, что Швеция как возможный союзник Германии присутствовала и в последующих вариантах плана применения Балтфлота – «Плане стратегического развертывания Балтийского флота на 1910 г. на случай Европейской войны», утвержденного царем 5 (18) апреля 1910 г.¹³, а также в «Плане операций морских сил Балтийского моря на случай Европейской войны» (высочайше утвержден 17 (30) июня 1912 г.)¹⁴, с которым флот вступил в Первую мировую войну.

Последний перед началом войны проект оперативного плана Балтфлота – «План операций Морских сил Балтийского моря на случай Европейской войны (план № 19) на 1914 год»¹⁵ – был подготовлен оперативной частью штаба морских сил Балтийского моря (исполняющий должность начальника оперативной части – капитан 1 ранга А. В. Колчак) под руководством начальника штаба контр-адмирала Л. Б. Кербера, но остался неутвержденным. Авторы документа вынуждены были констатировать дальнейшее ухудшение «нашего стратегического положения», вызванное опережающим ростом германского военно-морского потенциала и влекущее за собой, помимо прочего, усиление влияния немцев на Швецию и отчасти на Данию. Поэтому задача Балтфлота – «воспрепятствовать противнику проникнуть в восточную часть Финского залива, хотя бы временно» – осталась прежней.

Отметим, что опасения по поводу участия шведских вооруженных сил во враждебной коалиции вполне разделялись и «сухопутными» генштабистами. Осенью 1907 г. на совместном совещании представители Главного управления Генерального штаба (ГУГШ) и МГШ сошлись во мнении, что германцы высадят десант на северном берегу Финского залива (вероятно, в районе Гангэ – Порккала-Удд) и совместно со шведской армией предпримут наступление на Санкт-Петербург. Шведы (а «при известном раскладе политической обстановки – и норвежцы») высадятся чуть западнее – в районе Або – Гангэ – и, кроме того, возьмут под контроль Финляндию, «опираясь на несочувствующие России местные элементы». При этом, как значилось в протоколе совещания, «переброска всех указанных сил одновременно и притом в кратчайший срок не может встретить никаких затруднений. Соединенные военно-морские силы названных держав столь значительно превосходят современные силы нашего Балтийского флота, что производство названных операций не может встретить с его стороны во внешней части Финского залива сколько-нибудь существенного противодействия»¹⁶.

В последующие годы Швеция неизменно упоминалась в аналитических документах ГУГШ как потенциальный союзник Германии, имевший виды, среди прочего, на присоединение Финляндии или создание на ее территории буферного государства¹⁷.

Вероятно, в Санкт-Петербурге были осведомлены и о консультациях между германскими и шведскими дипломатами и военными, начавшихся в августе 1910 г. и завершившихся 17 ноября того же года встречей начальника «большого» прусского генштаба Х. фон Мольтке с его шведским коллегой К. Бильдтом в Берлине. Инициатором контактов выступила германская сторона. Немцы попытались вовлечь Стокгольм в свою военную орбиту, используя в качестве предлога полученные германским военным агентом сведения о строительстве русскими железной дороги от столицы до финляндского порта Ваза (Вааса) и истолковав этот факт как свидетельство агрессивных намерений Петербурга в отношении Швеции. Любопытно, что в ходе переговоров Х. фон Мольтке счел возможным ввести потенциальных союзников в заблуждение относительно германских стратегических планов. «Забыв» о существовании «плана Шлиффена», он обрисовал шведам перспективы войны на одном фронте – между Центральными державами

и Россией – и предложил К. Бильдту принять участие в походе на Петербург высадкой десантов на Аландских островах и в Финляндии. Суть германских домогательств впоследствии остроумно сформулировал А. В. Неклюдов: шведам следовало «пойти и укусить медвежье ухо со стороны Финляндии» («go and bite the bear's ear on the Finland side»)¹⁸. Рассудительные скандинавы, заинтересованные прежде всего в укреплении доверия держав к своему нейтральному статусу и, кроме того, успокоенные многократными мирными заверениями России (в апреле 1908 г. министр иностранных дел А. П. Извольский подставил подпись под декларацией прибалтийских государств о поддержке «теперешнего территориального порядка»¹⁹, а в июне 1909 г. российский император впервые в истории посетил Швецию с официальным визитом²⁰), отказались взваливать на себя всю тяжесть борьбы на Севере – а именно таков был подтекст германских инициатив – и воздержались от подписания военной конвенции²¹. Однако официальный Стокгольм выразил «принципиальное единодушие» с Германией по многим ключевым военно-политическим вопросам²².

Поэтому вполне естественно, что в «Записке о силах и вероятных планах наших западных противников», составленной в отделе генерал-квартирмейстера ГУГШ в апреле 1914 г., указывалось: «Швеция – хотя до сего времени и уклоняется от заключения союзного договора с Германией, однако приходится считаться с возможным выступлением ее против России, на что указывает ее недружелюбие, проявляемое в последнее время по отношению к нам». Операторы генштаба признавали весьма вероятным участие шведских войск в десантной операции противника на побережье Финского залива, учитывалась и возможность самостоятельной высадки шведами десанта с целью «захвата западного побережья Финляндии». «Главнейшим объектом для десантных операций» противника считался Санкт-Петербург, захват которого «несомненно, оказал бы огромное влияние на ход войны». Районами высадки могли стать Копорский и Нарвский заливы, а силы десанта оценивались в четыре германские пехотные дивизии и, возможно, одну кавалерийскую и шесть пехотных дивизий шведов²³.

Однако, несмотря на настороженное внимание к Швеции (лишнее тому подтверждение – перенос в 1912 г. штаб-квартиры русского военного агента в скандинавских странах из Копенгагена в Стокгольм²⁴), наступательных действий против северо-западного соседа в российском генштабе не планировали. Об этом свидетельствует содержание «Высочайших указаний командующим войсками на случай войны с державами Тройственного союза» от 1 (14) мая 1912 г. – стратегического плана, с которым русская армия вступила в мировую войну. Оба варианта этого документа («А» – сосредоточение большей части сил против Австро-Венгрии, «Г» – против Германии) предусматривали активные действия против армий Гогенцоллернов и Габсбургов, на северо-западном же стратегическом направлении – не более чем «обеспечение столицы Империи и наблюдение за Балтийским побережьем» войсками 6-й армии, сосредоточенными в районе Санкт-Петербурга (шесть пехотных и полторы кавалерийские дивизии, четыре стрелковых бригады, крепости Выборг, Кронштадт и Свеаборг)²⁵. При этом в Финлян-

дии находился только XXII армейский корпус, да и тот с началом военных действий был сосредоточен на подступах к столице для отражения неприятельского десанта. Русская армия, таким образом, не имела ни намерений, ни сил для агрессии против Швеции.

Любопытно, что в документах ГУГШ давались некоторые прогнозы и о возможных задачах шведского флота. Так, в записке о вероятных действиях Германии и Швеции против России (1908 г.) таковые задачи формулировались как блокада побережья Финляндии, захват Аландских островов, оборона коммуникаций на Балтике и «конвоирование шведского десанта». В «Проекте обороны при войне нашей со Швецией за 1909 г.» обосновывалась возможность ведения шведским флотом наступательных действий, во всяком случае в шхерных районах: «Причина этого... в специальной конструкции шведских судов и вообще средств ведения морской войны, приспособленных к использованию элемента местности и слабости таких средств у России»²⁶. Подготовленная управлением генерал-квартирмейстера генштаба «Записка о наиболее вероятном плане действий против России шведской армии совместно с германским десантным отрядом» (октябрь 1910 г.) содержала раздел «Морские силы союзников», завершавшийся весьма пессимистическим выводом: «При существующей политической обстановке борьба соединенного германо-шведского флота с русским за обладание Балтийским морем и, в частности, Финским заливом, решится в пользу Германии и Швеции, что обусловит возможность нашим противникам произвести высадку значительных сил, направляя удар на Петербург»²⁷.

В Санкт-Петербурге отдавали себе отчет в том, что шведские военные моряки видят в своем стремительно растущем «естественном союзнике» – флоте Гогенцоллернов – пример для подражания. В сентябре 1913 г. в речи, посвященной 25-летию присвоения Вильгельму II звания адмирала шведского флота, глава шведской делегации – инспектор боевой подготовки²⁸ вице-адмирал В. Дюрссен – недвусмысленно отметил, что «шведский флот восхищен творением Императора, т.е. его флотом, благодарит за постоянно оказываемое внимание и до сих пор вспоминает тот счастливый день, когда Император был назначен их адмиралом», а также «надеется, в серьезных случаях, оказаться достойным своего почетного адмирала». Хотя, как доносил в Петербург военно-морской агент в Германии капитан 2 ранга Е. А. Беренс, кайзер в своем ответном слове «был очень сдержан и говорил лишь о славном прошлом шведского флота... но настоящего и будущего совсем не касался»²⁹, флотское руководство Второго рейха рассчитывало на содействие морских сил короля Густава V. С. П. Шилов, исследовавший направленность германского военного планирования на Балтике, полагает, что «немцы готовы были использовать для борьбы против России шведский потенциал»³⁰.

Поэтому германцы всемерно заботились о поддержании своего морского престижа в глазах скандинавов и в мирное время, и с началом войны. Свидетельство тому – настойчивое стремление продемонстрировать нейтралам свои успехи, пусть иногда и мнимые, в борьбе с русским флотом. Так, первым же выходом немецкой корабельной группы контр-адмирала

Р. Мишке к устью Финского залива, предпринятым 27–31 июля (9–13 августа) 1914 г., командующий силами Балтийского моря гросс-адмирал принц Генрих Прусский намеревался «создать впечатление, что мы сохраняем восточную Балтику за собой»³¹, для чего предписывалось «подходить к... шведскому побережью, демонстрируя флаг в значимых прибрежных пунктах»³².

Однако в преддверии мировой войны российскому МГШ, причислившему Швецию к числу эвентуальных противников, было чрезвычайно сложно составить представление об интенсивности контактов шведского и германского флотов и степени координации их оперативных планов.

В Адмиралтействе учитывали тревожную информацию, поступавшую по дипломатическим каналам. Так, в августе 1911 г. товарищ министра иностранных дел А. А. Нератов получил отчет секретаря миссии в Стокгольме А. Н. Мясоедова о беседе с великобританским посланником С. Спринг-Райсом. Последний выразил уверенность в том, что «между шведским и германским морскими штабами существует гораздо более тесное общение, чем даже между сухопутными армиями этих стран, и что все справки надо наводить очень осторожно, так как «все сказанное здесь передается в Берлин». Английский дипломат, в частности, обратил внимание на годичное прикомандирование офицера шведского морского штаба (Marinstaben) К. Линдстрема к германскому флоту»³³.

Беспокойство по этому поводу разделял и французский посланник Э. Тьебо. Как докладывал в министерство у Певческого моста в апреле 1912 г. глава российской миссии в Стокгольме А. А. Савинский, его французский коллега «готов верить заверениям Шведского Правительства, категорически и неоднократно заявлявшего о несуществовании особого письменного соглашения между двумя Правительствами, но он более чем уверен, что отношения между ними регулируются не одними беседами двух Монархов; он убежден, что Генеральные сухопутные и морские штабы обоих государств находятся в постоянном общении и что образ действий их на случай военных осложнений заранее выработан и определен». Постоянное пребывание шведского офицера на немецком военном корабле весьма настораживало французского дипломата, так как «подобной любезности Германия не оказывала никогда никому, и... она может служить лишь новым подтверждением его основной мысли о существовании соглашения между морскими генеральными штабами двух Держав»³⁴.

Этот аргумент сочли убедительным и российские военно-морские агенты. В августе 1911 г. старший лейтенант А. К. Петров докладывал в МГШ, что «командирование» шведского офицера «служит одним из признаков сближения германского и шведского флотов», и обратил внимание на то обстоятельство, что «до своего зачисления в штаб флота этот офицер занимал должность адъютанта инспектора флота, т.е. того лица, которое во время войны будет командовать флотом»³⁵. А через год сменивший А. К. Петрова старший лейтенант граф П. Ф. Келлер высказал мнение, что «по принятым всюду правилам, иностранные офицеры не допускаются к службе на военные суда. Исключения делаются лишь в крайних случаях и только для союзников»³⁶.

Впрочем, в скором времени П. Ф. Келлер склонился к мысли об отсутствии у Швеции формальных военных обязательств перед Германией. В марте 1913 г. военно-морской агент в Париже капитан 1 ранга В. А. Карцов получил от французского морского генштаба информацию и якобы заключенном между Швецией и Германией соглашении, согласно которому «в случае войны последней с Россией Швеция обязуется ставить минные заграждения против Российских морских сил в Балтийском море»³⁷. А. А. Савинский, запрошенный по этому поводу Министерством иностранных дел, в письме С. Д. Сазонову подтвердил ранее неоднократно высказанный тезис о том, «что никакого соглашения между Швецией и Германией не существует и по известным соображениям существовать не может, и что единственно возможной и целесообразной международной политикой Швеции является политика нейтралитета, но нейтралитета реального, против нарушения которого у Швеции должны иметься соответствующие средства воздействия»³⁸. Свою аргументацию посланник усилил мнением состоящего при его миссии военно-морского агента П. Ф. Келлер, подробно проанализировав соотношение сил российского и шведского флотов и возможности последнего в части постановки активных минных заграждений, пришел к выводу о «полной несостоятельности» добытого французами документа «с оперативной точки зрения», хотя и не мог отрицать «известного взаимного тяготения между шведским и германским военными мирами»³⁹.

Одновременно П. Ф. Келлер поручил своему помощнику старшему лейтенанту Б. С. Безкровному, постоянно пребывавшему в Дании, навести справки об обстоятельствах получения французским морским командованием документа о шведско-германском соглашении, содержание которого, по оценке Келлера, «граничит с абсурдом». В апреле 1913 г. он доложил начальнику МГШ вице-адмиралу А. А. Ливену, что «все имеющиеся данные указывают на отсутствие каких-либо планов со стороны Швеции против нас», приведя в качестве аргументов «события в жизни шведского флота за последние месяцы» – например, перемены в дислокации его соединений, явно не соответствовавшие «мерам, которые Швеция должна была бы предпринять, готовясь воевать с Россией»⁴⁰.

Таким образом, накануне Первой мировой войны в предвоенных стратегических калькуляциях обоих оборонных министерств Российской империи учитывалась возможность того, что Швеция может примкнуть к враждебной России коалиции. Свидетельством тому – активное и внимательное изучение Швеции как вероятного неприятеля, многочисленные справочно-аналитические материалы и оперативные наработки ГУГШ и МГШ на «шведскую» тему. Однако официальный Санкт-Петербург, отдававший себе отчет в тяжелых, а возможно катастрофических последствиях появления на «северном театре» нового противника, агрессивных планов в отношении сопредельного королевства не строил и был заинтересован в сохранении нейтрального статуса Швеции в большой европейской войне.

Шведы же, хотя и продолжали смотреть на великого восточного соседа как на источник военной угрозы, уклонились от заключения военного союза с Германией и нацеливали свои вооруженные силы на «силовое»

обеспечение своего нейтралитета в грядущем конфликте. Лишнее тому подтверждение – изданный 21 июля (3 августа) 1914 г. мобилизационный акт, предписывавший королевскому флоту «противостоять любой реальной угрозе, могущей возникнуть по отношению к статусу нейтральной морской державы у ее берегов и предусматривающей нарушение ее международных обязательств, связанных с этим статусом»⁴¹.

1. Петров М. А. Подготовка России к мировой войне на море. М.; Л., 1926. С. 200–233; Его же. О планах развертывания Балтийского флота в период между Крымской и империалистической войнами (Составлено по материалам архива Морискома и главного морского архива) // Морской сборник. 1925. № 4. С. 75–96.
2. Российский государственный архив военно-морского флота (РГАВМФ). Ф. Р-1529. Оп. 2. Д. 154. Л. 12.
3. Цит. по: Емелин А. Военно-морские агенты России // Морской сборник. 2007. № 2. С. 66.
4. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 138. Оп. 467. Д. 250. Л. 5, 5 об.
5. РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 2. Д. 215. Л. 2–9.
6. Петров М. О планах развертывания Балтийского флота... С. 89–91.
7. РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3965. Л. 17–21, 28.
8. Документ от 10 (23) января 1909 г. подписан «Обер-Офицер Морского Генерального Штаба Старший Лейтенант» без фамилии или росписи. По смежным документам дела можно предположить, что автором «исследования» является М.И. Смирнов.
9. РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3965. Л. 17–32.
10. Там же. Ф. 433. Оп. 1. Д. 510. Л. 2.
11. Там же. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3973. Л. 1–17а; Владимирцов О.В., Могильников В.А. «Я – русский, я – военный, я – патриот». Деятельность отечественной военной разведки на примере службы российского морского агента в Швеции, Норвегии и Дании капитана 1 ранга В.А. Сташевского // Военно-исторический журнал. 2004. № 4. С. 31.
12. РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3971. Л. 2–129.
13. Там же. Оп. 2. Д. 215. Л. 14–20.
14. Там же. Оп. 1. Д. 5534. Л. 120–144 об.; Оп. 2. Д. 215. Л. 36–60.
15. Там же. Ф. 479. Оп. 4. Д. 35. Л. 1–36; Д. 36. Л. 1–16 об.; Д. 38. Л. 42–64.
16. Цит. по: Табаровская К. А. Российско-шведские отношения накануне Первой мировой войны (1905–1917 гг.). Политический, экономический, военный аспекты. По материалам российских архивов: дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. С. 140.
17. Там же. С. 141–145.
18. Nekludoff A. Diplomatic Reminiscences before and during World War, 1911–1917 / Translated from the French by A. Paget. 2nd ed. London, 1920. P. 261.
19. Мировые войны XX века. Кн. 2: Первая мировая война. Документы и материалы. 2-е изд. / отв. ред. В.К. Шаццлло. М., 2005. С. 25.
20. Кан А. С. Швеция и Россия в прошлом и настоящем. М., 1999. С. 177.
21. Любопытно, что одним из выдвинутых шведами условий заключения соглашения являлось требование обороны всего шведского побережья и судоходства германским флотом, что в условиях коалиционной войны являлось невозможным. (Рупасов А.И. Германско-шведские контакты о заключении военного союза (1910–1915 гг.) // Первая мировая война и международные отношения. Сборник. СПб., 1995. С. 33.)
22. См.: подробнее: Новикова И. Н. «Между молотом и наковальней». Швеция в германско-русском противостоянии на Балтике в годы Первой мировой войны. СПб., 2006. С. 56–59; Табаровская К.А. Российско-шведские отношения накануне Первой мировой войны (1905–1917 гг.). С. 149, 150; Айрапетов О. Р. Контекст одной пропагандистской акции 1914 года // Русский сборник. Исследования по истории России XIX–XX вв. Том I (2004). С. 116, 117.
23. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2003. Оп. 1. Д. 36. Л. 133–226.
24. Сергеев Е., Улуния Ар. Не подлежит оглашению. Военные агенты Российской империи в Европе и на Балканах. 1900–1914. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2003. С. 328.
25. Высочайшие указания командующим войсками на случай войны с державами

- Тройственного союза, 1 (14) мая 1912 г. // Вооруженные силы России в Первой мировой войне (1914–1917). В 2 т. М., 2014. Т. 1. С. 621–634.
26. *Табаровская К. А.* Российско-шведские отношения накануне Первой мировой войны (1905–1917 гг.). С. 141, 142.
27. РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3965. Л. 40 об.
28. Наименование этой должности (inspektörer av flottans övningar till sjöss) дословно переводится как «инспектор флотских учений в море», в российских документах встречаются переводы «инспектор обучения флота» (РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3968. Л. 19 – рапорт старшего лейтенанта графа П. Ф. Келлера в МГШ от 6 (19) ноября 1911 г. № 9) и «инспектор флота» (РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3992. Л. 1 об. – то же от 9 (22) марта 1914 г. № 1). В военное время занимавший этот пост адмирал становился командующим «прибрежным флотом» (chefen för kustflottan). (Svenska flottans historia. Tredje bandet. Malmö, 1945. S. 659.).
29. АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1913 г. Полит. архив. Д. 136. Л. 15, 15 об. Вильгельм II являлся последовательным апологетом «нордической идеи» и неоднократно высказывался о своем стремлении «прочнее связать германские племена во всем мире, особенно в Европе, для того, чтобы лучше защитить нас от славянско-греческого нашествия, перед которым мы все находимся в высшей степени под угрозой». Сдержанность кайзера на упомянутой церемонии была, по-видимому, вызвана недавним дипломатическим казусом. В марте 1913 г. германский император в беседе с королем Густавом V со свойственным ему темпераментом заявил, что «малые страны в случае большой войны не смогут остаться нейтральными», и Швеции следует готовиться к ультиматуму с требованием занять определенную позицию. Реплика кайзера вызвала вполне объяснимое беспокойство в Стокгольме, и германскому статс-секретарю по иностранным делам Г. фон Ягову пришлось дезавуировать заявление своего патрона, объяснив его импульсивностью природы кайзера. (См. подробнее: *Новикова И. Н.* «Между молотом и наковальней»... С. 60–62.).
30. *Шилов С. П.* Военно-морская политика кайзеровской Германии и Россия (1897–1914 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. Тюмень, 2004. С. 317.
31. Das Bundesarchiv (BArch). RM 28/223; Abschriften in: BArch, RM 60-II/92 und RM 92/2985.
32. bid. RM 60-II/68, Bl. 17; Abschriften in: BArch, RM 28/223, RM 60-II/92 und RM 92/2985.
33. *Табаровская К. А.* Российско-шведские отношения накануне Первой мировой войны (1905–1917 гг.). С. 150.
34. АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1912 г. Д. 118. Л. 85 об., 87.
35. РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3966. Л. 9.
36. *Табаровская К. А.* Российско-шведские отношения накануне Первой мировой войны (1905–1917 гг.). С. 150.
37. АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1913 г. Полит. архив. Д. 136. Л. 4; РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3988. Л. 1.
38. АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1913 г. Полит. архив. Д. 136. Л. 7, 7 об.; РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3988. Л. 6.
39. АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1913 г. Полит. архив. Д. 136. Л. 10 об., 11; РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3988. Л. 8 об., 9.
40. АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1913 г. Полит. архив. Д. 136. Л. 14; РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3988. Л. 2–4.
41. Svenska flottans historia. Tredje bandet. S. 568.

Литература

- Айрапетов О. Р.* Контекст одной пропагандистской акции 1914 года // Русский сборник. Исследования по истории России XIX–XX вв. Том I. М.: Модест Колеров, 2004. С. 93–134.
- Балтийский регион в Новое и новейшее время: история и региональная политика. Калининград: Издательство Балтийский федеральный университет им. Канта, 2016. 322 с.

Владимиров О. В., Могильников В. А. «Я – русский, я – военный, я – патриот». Деятельность отечественной военной разведки на примере службы российского морского агента в Швеции, Норвегии и Дании капитана 1 ранга В. А. Сташевского // Военно-исторический журнал. 2004. № 4. С. 31–37.

Вооруженные силы России в Первой мировой войне (1914–1917). В 2 т. М.: Мегполис, 2014. 744, 786 с.

Дубровская Е. Ю. Сведения о Швеции в годы Первой мировой войны (по донесениям русских военных властей в Финляндии) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2001. № 2. С. 43–46.

Емелин А. Военно-морские агенты России // Морской сборник. 2007. № 2. С. 64–70.

Кан А. С. Швеция и Россия в прошлом и настоящем. М.: Российский государственный гуманитарный институт, 1999. 357 с.

Мировые войны XX века. Кн. 2: Первая мировая война. Документы и материалы. 2-е изд. М.: Наука, 2005. 581 с.

Михайловская А. А. Шведский активизм в начале Первой мировой войны // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2018. № 19 (1). С. 82–86.

Николаев Н. И. Проблема датских проливов в военно-морском планировании Великобритании и России накануне и годы Первой мировой войны // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Выборг, 2018. № 19 (2). С. 126–134.

Новикова И. Н. Донесения военных агентов как источник для изучения российско-скандинавских отношений периода Первой мировой войны // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2005. № 6. С. 254–264.

Новикова И. Н. «Между молотом и наковальней». Швеция в германо-русском противостоянии на Балтике в годы Первой мировой войны. СПб.: Издательство СПбГУ, 2006. 450 с.

Петров М. О планах развертывания Балтийского флота в период между Крымской и империалистической войнами (Составлено по материалам архива Морискома и главного морского архива) // Морской сборник. 1925. № 4. С. 75–96.

Петров М. А. Подготовка России к мировой войне на море. М.; Л.: Госвоениздат, 1926. 260 с.

Подсобляев Е. Ф. Развитие планов морской обороны Санкт-Петербурга накануне Первой мировой войны // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2006. № 7. С. 200–213.

Рупасов А. И. Германо-шведские контакты о заключении военного союза (1910–1915 гг.) // Первая мировая война и международные отношения. Сборник. СПб.: АОЗТ «Издательство KN», ФМО СПбГУ, 1995. С. 30–40.

Сергеев Е., Улуян Ар. Не подлежит оглашению. Военные агенты Российской империи в Европе и на Балканах. 1900–1914. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Реалии-Пресс, 2003. 478 с.

Табаровская К. А. Российско-шведские отношения накануне Первой мировой войны (1905–1917 гг.). Политический, экономический, военный аспекты. По материалам российских архивов: дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. 227 с.

Шилов С. П. Военно-морская политика кайзеровской Германии и Россия (1897–1914 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. Тюмень, 2004. 361 с.

Nekudoff A. Diplomatic Reminiscences before and during World War, 1911–1917. London: John Murray, 1920. XIII, 541 с.

Svenska flottans historia. Tredje bandet. Malmö: A.-B. Allhems Förlag, 1945. 676 s.

**Латышский большевик И. Т. Смилга
и его роль в революции и гражданской войне в Финляндии***

О деятельности в Финляндии латышского революционера, представителя партии РСДРП(б) И. Т. Смилга написано весьма мало. Его имя фактически ушло в тень бурных исторических событий, которые захлестнули Финляндию в 1917–1918 гг. Известны лишь определенные очень краткие его собственные воспоминания об этом периоде¹, а также воспоминания его дочери². Кроме того, финский историк А. Луукконен подготовил небольшой материал о финском отрезке жизни этого революционера³. Однако появление новых документов⁴ позволяет все же более обстоятельно взглянуть на деятельность в Финляндии латышского большевика, поскольку его роль в развитии российско-финляндских революционных связей была весьма значительна и требует специального рассмотрения.

Прежде всего, вероятно, следует учитывать, что Ивар Тенисович Смилга (1892–1937) накануне крушения Российской империи являлся уже достаточно сложившимся и заметным революционером. Трудно поверить, но, как он сам пишет в своей автобиографии, «моя революционная совесть была разбужена уже в 1901 г.»⁵, то есть тогда, когда ему шел всего девятый год. Тем не менее, действительно в возрасте 14 лет, т.е. в январе 1907 г., он вступил в РСДРП⁶ и весьма твердо стал придерживаться большевистских взглядов. С этого времени началось активное участие Смилга и в революционном движении. Тогда же он впервые был задержан полицией и далее в последующем еще дважды арестовывался.

В целом, несмотря на достаточно юный возраст, Смилга регулярно задерживался и приговаривался к различным срокам тюремного заключения. В конечном итоге в 1915 г. его даже сослали в Сибирь⁷. В результате, к своим 25-ти годам он провел в общей сложности в ссылке почти целых пять лет⁸. Причем по признанию самого Смилга, это стало «для меня настоящими университетами»⁹. Однако начавшаяся в феврале 1917 г. революция создала условия, чтобы Смилга освободили и он прибыл в революционный Петроград. Более того, в апреле 1917 г. Смилга был избран в качестве делегата от Кронштадтского комитета на VII-ю партийную конференцию и даже был введен в состав ЦК РСДРП (б), который тогда состоял всего из девяти человек¹⁰.

Далее же, с августа 1917 г. Смилга получает весьма ответственное партийное задание. Он должен был развернуть революционную деятельность в Финляндии, где стал непосредственным представителем руководства партии¹¹. Именно с данного периода и начинается его активная работа в этой стране, поскольку уже в сентябре 1917 г. Смилга возглавил важный револю-

ционный орган края – Областной исполком армии, флота и рабочих Финляндии¹², где тогда большевики получили абсолютное влияние. Это сделало Смилга ключевой фигурой на революционном пространстве княжества, а сам он в результате оказался способным оказывать непосредственное влияние на дальнейшее развитие здесь революционных событий¹⁵.

В итоге, возглавляемый И. Смилга исполком «объявил фактическую войну Временному правительству, предложив всем воинским организациям не исполнять ни одного распоряжения коалиционного правительства»¹⁴. Более того, было объявлено, что Областной исполком берет на себя «верховную власть» в Финляндии¹⁵. Конкретно, 3 октября [н.с.] 1917 г. им было объявлено, что исполком приступает в Финляндии к контролирующим действиям в отношении всех российских правительственных учреждений. В результате по принятому тогда решению без согласия исполкома никакие распоряжения Временного правительства не должны были теперь в Финляндии выполняться.

Далее, 10 октября [н.с.], исполком начал контролировать в Финляндии российскую службу безопасности, т.н. «охрану народной свободы». Под его наблюдением также были поставлены финские границы, а также весь существующий порядок по воинским частям, железным дорогам и вообще среди всего русского населения края. С данного периода везде начали приниматься решения «соблюдать только те законы и постановления, которые не противоречили бы решениям Областного исполкома»¹⁶. В итоге власть Смилга оказалась некой альтернативой власти генерал-губернатора. Как заметил известный русский революционер, работавший тогда в Финляндии, В. М. Смирнов: «Таким образом еще до победы пролетариата в России для русских революционных организаций в Финляндии фактически не существовало более Временного правительства»¹⁷. Это мнение также разделял и известный финский историк Э. Кетола, который прямо подчеркнул, что «в результате деятельности финского Областного исполкома, можно утверждать, что Октябрьская революция в России началась не с захвата Зимнего дворца, а с деятельности в Финляндии российских солдат». Далее же историк еще уточнил, что все «это было сделано с хирургическим мастерством...» и «это был сознательный шаг к власти Советов в России»¹⁸. Да и сам Смилга, без всякой ложной скромности, прямо записал в своей автобиографии, что «был председателем областного комитета русских советов в Финляндии» и «принимал самое деятельное участие в свержении Временного правительства»¹⁹.

В целом, деятельность И. Смилга в Финляндии оказалась весьма эффективной, и именно благодаря этому большевики четко рассматривали Великое княжество в качестве ближайшего тыла подготовки в Петрограде вооруженного восстания. Причем, об этом свидетельствует достаточно хорошо известное письмо В. И. Ленина, направленное ему 10 октября [н.с.]. В нем И. Смилга получил конкретные указания для его дальнейшей деятельности. Ленин прямо подчеркнул, что именно Смилга находился «во главе “власти” в Финляндии». В целом В. И. Ленин призывал его усилить работу среди русских войск. Они, как он считал, должны были затем сыграть «серьезную

* Статья подготовлена в рамках гранта на исходящую академическую мобильность «Exchange 2018: Центральная и Северная Европа в системе международных отношений в XX веке», Id: 3537673. Руководитель Барышников В. Н.

военную роль... для предстоящего свержения Керенского»²⁰. Иными словами, речь шла о подготовке вооруженного восстания, где от русской армии и флота, дислоцирующихся в Финляндии, требовалось выполнения важной миссии уже в столице России.

При этом очевидно, что связь Смилга с Лениным, как указывают некоторые исследователи, была тогда вообще очень тесной²¹. Известно, что в это время, с 23 августа по 7 октября [н.с.], лидер большевиков, находясь на нелегальном положении, сам проживал в Великом княжестве. Более того накануне начала подготовки вооруженного восстания Ленин вообще предполагал личную встречу со Смилга²². Это явно указывало на то, какое тогда положение в партии занимал данный человек. Показательно также и то, что его жена, которая тоже примкнула к революции, оказалась, по мнению дочери Смилга, в это время одной из непосредственных связных у Ленина²³.

В целом, заметная роль Смилга в революционных событиях не вызывает никаких сомнений. Это, кстати, можно проиллюстрировать еще и тем, что он тогда был даже избран депутатом в Учредительное собрание России²⁴.

Но, естественно, Смилга был сторонником не парламентской борьбы, а решительных, революционных действий. И, как известно, в ночь с 6 на 7 ноября [н.с.] из Гельсингфорса в Петроград действительно было отправлено несколько эшелонов балтийских моряков²⁵. Очевидно, что это имело достаточно важное значение для организации успешного завершения начавшегося вооруженного восстания.

Тем не менее, после Октябрьского восстания и возникновения советского правительства, значение революционной деятельности в Финляндии И. Смилга отнюдь не снизилось. Теперь для большевиков он был нужен уже как представитель новой власти, занимающийся проблемами дальнейшего развития российско-финляндского революционного сотрудничества. Поэтому 4 декабря [н.с.] Совнарком принимает постановление «о признании Областного комитета армии, флота и рабочих Финляндии единственным представителем Совета Народных Комиссаров в Финляндии»²⁶. Таким образом, Смилга стал продолжать свою прежнюю деятельность, но уже в новом качестве и в условиях, когда в Финляндии, при сохранении внутреннего революционного напряжения, одновременно начал разворачиваться процесс ее отделения от России. За всем этим Смилга, разумеется, стремился наблюдать и, естественно, по мере своих сил, влиять²⁷.

Более того, показательно, что в этот момент в определенных финских кругах Смилга уже стали даже рассматривать в качестве некоего нового, от советской власти, русского генерал-губернатора. В Гельсингфорсе не могли не замечать, что в советской России пост генерал-губернатора формально так и не был ликвидирован²⁸. Более того прежний генерал-губернатор Н. В. Некрасов уже покинул Финляндию, а временно исполняющий его обязанности барон С. А. Корф подал в отставку²⁹. Это с точки зрения финско-российских взаимоотношений создавало достаточно запутанную ситуацию.

В целом в Финляндии, естественно, пытались разобраться в явно динамично меняющейся ситуации. Здесь четко понимали, что должность председателя Областного исполкома армии, флота и рабочих, таит в себе

угрозу ее трансформации в должность высшего руководителя Финляндии, но уже от новой России. Данная перспектива хорошо подкреплялась еще и тем, что исполком имел очевидную возможность руководить находящимися на финской территории вооруженными силами, да и практически всем русским населением края. В итоге, как тогда полагали, это не могло не создать условий для реанимации прежнего института русского генерал-губернаторства³⁰, а Смилга в данном отношении оказывался бы наиболее вероятным кандидатом на этот пост.

В такой ситуации 27 ноября [н.с.] финляндский парламент срочно принимает постановление о необходимости образовать новое финское правительство. Причем, что являлось наиболее важным, данному правительству передавалось значительно больше власти, чем это было ранее. Оно должно было «принять на себя осуществление... власти, принадлежащей согласно действовавшим законоположениям государю императору и великому князю»³¹. Как по этому поводу заметил известный финский историк, профессор М. Клинге, «так как генерал-губернатора де-факто уже не было, а представитель большевистского правительства таковым признан не был, 27 ноября парламент решил, что Свинхувуд... мог бы стать главой “правительства”»³². Таким образом, в финском руководстве постарались, не испытывая судьбу, утвердить «своего», буржуазного политического деятеля в качестве руководителя государства.

Более того, достаточно стремительно, в тот же самый день, 4 декабря, когда Областной комитет был определен в качестве единственного представителя Совета Народных Комиссаров в Финляндии, кабинет Свинхувуда принимает решение об отделении от России. Далее уже 6 декабря [н.с.] 1917 г., финский парламент подтверждает это решение декларацией о независимости страны.

Характерно, что некоторые исследователи эти действия вообще стали расценивать как «настоящее бегство» Финляндии из состава нового российского государства, поскольку считалось, что «оставаться в составе России автоматически означало бы признать большевистскую власть в Финляндии»³³, т.е. согласиться с деятельностью в стране Смилга. Однако показательно, что Смилга, также как и советское руководство в целом, на это никак не отреагировал. Точнее, со стороны России никаких контрмер, продиктованных ответными действиями на финскую декларацию, не стали осуществлять.

С другой стороны, принятая декларация требовала от нового руководства Финляндии дальнейших, не менее решительных, действий. Прежде всего, в Гельсингфорсе должны были добиться признания страны в качестве суверенного государства за рубежом. Также отделение от России предполагало необходимость урегулирования всех возникающих спорных межгосударственных вопросов.

Однако, как известно, общее «недоверие к большевикам в буржуазных кругах Финляндии было более чем достаточным»³⁴. К тому же, подчеркивает историк Э. Кеттола, там уже сложилось твердые представления, что нужно еще и «избавиться от подрывной деятельности российских войск»³⁵. В итоге, деятельность И. Смилга в Финляндии постарались максимально блокиро-

вать. Более того, даже до официального обращения в Смольный с просьбой о признании независимости страны, было, в форме заявления, выражено лишь общее требование, обращенное к советской власти, о необходимости вывода из Финляндии российских войск.

Данное обращение в Петроград последовало не позднее 18 декабря [н.с.] 1917 г. В нем четко указывалось, что в российских войсках «дисциплина совершенно ослабла» и они лишь «распространяют... анархию». В результате выдвигалось требование, «чтобы эти войска немедленно были выведены» из Финляндии³⁶. Поразительно, но именно этим документом финское руководство впервые официально проинформировало советское руководство о своем решении отделиться от России. В доставленном в Смольный документе четко констатировалось, что уже «не существует сомнений относительно правомерности... объявления независимости Финляндии»³⁷.

Естественно, подобное обращение было немедленно рассмотрено на заседании Совнаркома. Причем в момент его обсуждения, судя по протокольной записи, в советском правительстве стали раздаваться достаточно жесткие требования дать решительный ответ, в котором указать, «чтобы Финляндия ультиматума не предъявляла», т.к. иначе она будет наказана. Но в итоге, тем не менее, договорились обсудить данный вопрос непосредственно именно с И. Смилга³⁸. Таким образом, для советского руководства значение его деятельности в Финляндии на практике действительно еще возросло.

Это подтверждает и то, что когда 8 декабря [н.с.] финские социал-демократы решили со своей стороны также выяснить мнение советского руководства в отношении Финляндии, В. И. Ленин незатейливо им посоветовал, прежде всего, «связаться» по данному вопросу со Смилга, поскольку, как он намекнул, в Финляндии «армия находится на стороне большевиков»³⁹. В целом «армейский фактор» в Петрограде, очевидно, считали определяющим. Также полагал и сам Смилга, который прямо сообщил финским социал-демократам, что «если они хотят захватить власть, это нужно будет сделать, пока в стране все еще находятся российские войска»⁴⁰.

Действительно, как справедливо отметил известный финский историк профессор Т. Вихавайнен, тогда «единственной серьезной военной силой... были находившиеся в стране русские воинские части»⁴¹. И в этом плане значение влияния И. Смилга на армейскую среду становилось, несомненно, очень важным. Что же касается его позиции в отношении идеи вывода русских войск из Финляндии, то он ее отнюдь не собирался каким-то образом скрывать. Смилга вполне открыто выступал за необходимость усиления в Финляндии революционного процесса и даже подготовил 20 декабря [н.с.] газетную статью «Россия и Финляндия». В ней он, естественно, четко выступил против вывода войск и таким образом публично ответил на требования финского сената. Смилга написал: «До тех пор пока не заключен мир, мы не можем оголить подступы к Петрограду», а далее жестко заметил: «...Требование сената считаем озорством, недостойным ни малейшего внимания». В этой статье Смилга также еще указал, что «мы сами уйдем, как только к этому представиться возможность»⁴².

Весьма важным являлось и то, что в статье совершенно открыто сообщалось, что «наши симпатии на стороне финляндского пролетариата»⁴³. Более того, автор, обращаясь к финскому населению, подчеркнул: «...Наша революция привела к победе рабочих... призываем и вас победить буржуазию»⁴⁴. Развивая идеи интернационализма, далее, уже в другой статье, опубликованной в середине января 1918 г., Смилга призвал и российских военнослужащих в Финляндии тоже включиться в «борьбу с белой бандой»⁴⁵. В целом политическая линия Смилга заключалась в том, чтобы, опираясь на русскую армию, склонить финских социал-демократов к началу революции. Как отмечает исследователь А. Луукканен, «здесь роль Смилга была особенно важной». Он даже назвал его одним из «большевистских акушеров финской революции»⁴⁶.

Действительно, Смилга был горячим сторонником начала в Финляндии революции. И его мнение, естественно, полностью совпадало с представлениями руководства РСДРП(б). Как указывают отдельные финские исследователи, в Петрограде тогда полгали, что «революция необходима в Финляндии не только для поддержки власти большевистского правительства, но и для того, чтобы вообще доказать правильность теории мировой революции»⁴⁷.

Тем не менее, существовал еще один важный для Ленина и его окружения момент, который требовал своего решения. До конца 1917 г. ни одно из зарубежных государств советское правительство в Петрограде не признало. Поэтому для большевиков было крайне выгодно, чтобы кто-то все-таки это сделал первым. В данном отношении возможное официальное обращение буржуазного руководства Финляндии в Совнарком с просьбой о признании Россией независимости Финляндии было весьма полезным. Это, по крайней мере, означало подтверждение легитимности советской власти. Поэтому решение возникшей тогда проблемы тоже во многом легло на плечи И. Смилга. И он, как указывают исследователи, «с радостью договорился» о встрече с советским руководством в Петрограде финских официальных представителей⁴⁸. В целом, для Смилга, как представляется, это был очень большой успех. Более того, именно он сопровождал финскую правительственную делегацию, которая направилась в Смольный, и лично сам непосредственно организовал ей там встречу с Лениным⁴⁹. Действительно, в ночь на Новый год, 31 декабря [н.с.] 1917 г., Совнарком преподнес Финляндии подарок, советское правительство признало независимость Великого княжества.

Но, одновременно с этим, для самого И. Смилга его деятельность на территории молодого и уже независимого государства становилась весьма неоднозначной. Поэтому он сразу же постарался четко уяснить у своего руководства его новый статус. Однако из Смольного его быстро успокоили... Там твердо указали, что Областной комитет, который он возглавляет, пока остается «представителем власти как внутри, так и на границах Финляндии». Таким образом, советское правительство полномочия Смилга ничуть не уменьшило, и прежняя политическая линия явно сохранилась. Так же как и раньше в Петрограде надежды на то, что в Финляндии все же начнется революция, четко сохранились.

И, как известно, революция в Финляндии действительно началась. Причем после захвата власти в Петрограде большевиками это оказалось первым подобного характера восстанием. В конце января 1918 г. финским левым социал-демократам удалось взять в свои руки власть в Гельсингфорсе. По мнению некоторых исследователей, И. Смилга лично принимал участие в «техническом проектировании государственного переворота»⁵⁰. Косвенным подтверждением данного утверждения является еще и то, что, сразу же после случившегося, 28 января в 10 часов 20 минут утра, Смилга срочно телеграфировал в Смольный о начале революции в Финляндии и твердо утверждал, что вся «власть в Финляндии перешла в руки социал-демократической рабочей партии». Очевидно, что этим сообщением Смилга стремился усилить перспективу оказания помощи «красным финнам» и, более того, запрашивал у советского правительства «необходимые инструкции и деньги», подчеркнув при этом, что в Финляндии все же «положение тревожное»⁵¹.

Не вызывает никаких сомнений, что инструкции Смольного заключались в том, чтобы стремиться всемерно поддержать начавшуюся революцию. Это видно даже из того, что 29 января, сразу в ответ на обращение Смилга, постановлением Совнаркома, в Гельсингфорс отбыл член советского правительства (нарком почт и телеграфа) П. П. Прошьян. Этот человек неплохо разбирался в финской политической ситуации, поскольку до этого в 1917 г. являлся руководителем комитета и фракции левых эсеров в Гельсингфорском Совете депутатов армии, флота и рабочих в Финляндии. Прошьян прибыл в финскую столицу уже на следующий день и, выступая от имени СНК, заявил, что «братское правительство России надеяться, что финские товарищи смогут довести начатую борьбу до счастливого конца». Он также торжественно дал обещание оказать финскому пролетариату «всяческую поддержку в борьбе против буржуазии»⁵².

Показательно при этом то, что пришедшие к власти финские социал-демократы о начавшейся революции Смольный проинформировало лишь 30 января 1918 г. Причем это было сделано даже несколько неофициально, в виде «личной ноты», подписанной председателем «красного правительства» К. Манером, а также отвечавшим в нем за международные вопросы Ю. Сиrolа. Таким образом, финский Совет народных уполномоченных проинформировал Совнарком, что «революционное движение рабочих Финляндии низвергло свое буржуазное правительство»⁵³ только спустя два дня после прихода «красных финнов» к власти и значительно позже, чем это уже сделал Смилга.

И. Смилга оказался именно тем человеком, который смог раньше всех представителей Советской России реагировать на происходившие в Финляндии процессы. Неслучайно 3 февраля Смилга, постановлением СНК, был официально назначен главным уполномоченным в Финляндии от Петрограда⁵⁴. Таким образом, он фактически оказался первым советским полпредом в этой стране, а также, естественно, ключевой во многом фигурой в отношении самых первых шагов в развитии новых советско-финляндских отношений.

Что же касается представления о том, чем собственно Смилга должен был непосредственно заниматься, то это становится предельно понятно

уже 4 февраля. В этот день, находясь в столице России и участвуя в заседании Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, он заявил, что «мы, русские, поняли нашу задачу в Финляндии так, чтобы всеми силами способствовать победе финляндского пролетариата»⁵⁵. Действительно, Областной исполком в это время старался, прежде всего, контролировать различные стороны жизни русских войск в Финляндии. Также он стремился оказывать содействие в снабжении оружием финских красновардейцев и в пополнении ее рядов русскими добровольцами⁵⁶. Данные действия исполкома были вполне официальными и их никто не собирался скрывать. Это хорошо заметно, скажем, из того, что созданный при Областном исполкоме Военный отдел еще 1 февраля отдал приказ российским военнослужащим «без колебания выступить на защиту своих финских товарищей»⁵⁷.

В итоге, один из главных организаторов финской красной гвардии полковник М. С. Свечников впоследствии отметил, что лично он все свои действия «координировал исключительно с Военным Отделом»⁵⁸, который собственно его и назначил исполняющим обязанности «командующего русскими добровольческими войсками, действующими в Финляндии»⁵⁹.

Однако очевидно, что решение чисто военно-организационных проблем для Смилга оказалось наиболее сложным вопросом. Он не мог эффективно влиять на военно-политическую составляющую, прежде всего, самого финского революционного движения⁶⁰. Что же касается русских военнослужащих, то среди них явно не проявлялось широкого стремления вмешиваться в «финские дела». У многих из них «тяга домой... брала верх над их интернациональными тенденциями»⁶¹. Да и сам Смилга это хорошо понимал. Он еще в ноябре 1917 г. пришел к выводу, что русские части, размещенные в Финляндии, «абсолютно к войне неспособны»⁶².

Фактически он стал лишь своего рода посредником между советской властью в России и финским революционным правительством, т.е., действительно, стал выполнять функции полпреда. Причем и здесь у него тоже начали возникать проблемы. Дело в том, что представители Совета народных уполномоченных Финляндии стремились обращаться «непосредственно в Москву», добиваясь «разрешения там на месте сложившихся вопросов»⁶³. Острые же проблемы, которые тогда стали возникать у «красных финнов» и советского правительства выражались, прежде всего, в выработке уже готовившегося тогда текста межгосударственного договора, устанавливающего официальную советско-финляндскую границу и определяющего будущую специфику отношений двух «братских государств».

Более того, обозначилась еще одна проблема, которая была связанная с судьбой российской собственности в Финляндии и – параллельно – всего того, что принадлежало финнам в России. С целью ее решения была даже образована специальная Ликвидационная комиссия. Однако в ходе ее работы тоже проявились многочисленные российско-финляндские разногласия. Причем, по мнению руководителя этой комиссии председателя исполкома гельсингфоргского совета А. Л. Шейнмана, с финской стороны стало наблюдаться «стремление приобрести, и если не даром, то хоть по дешевке... всякое имущество, никогда в Финляндии и не бывшее»⁶⁴.

Что же касается И. Смилга, то показательно, что он тогда четко встал на сторону финляндских представителей. Он 31 марта 1918 г. направил Ленину докладную записку, в которой утверждал, что противоречия и споры в этом вопросе ведут лишь к возникновению конфликтов, причем, как указано в документе, по своей форме «нелепых» и «не политического свойства»⁶⁵. В результате Смилга выразил готовность сам возглавить данную комиссию для разрешения спорных вопросов.

Но к этому времени военно-политическое положение «красных» в Финляндии уже становилось весьма критическим. Спустя буквально несколько дней, 3 апреля, на территорию Финляндию десантировались регулярные части германской армии. Это привело, как известно, для «красных» к катастрофе и к победе в финской гражданской войне белого движения⁶⁶. Иными словами, миссия Смилга в Финляндии на этом этапе уже, несомненно, заканчивалась, а он в результате так и не сумел оказать действенной помощи в развитии революции в этой стране.

Тем не менее, при всей революционной энергии, которую Смилга прикладывал для победы финского красного движения, становиться предельно очевидным, что у него победа «красных» в Финляндии не являлась главной целью всей его деятельности. Если это было бы не так, то вероятно Смилга не оказался среди 7-ми членов ЦК РКП(б) из 15-ти, которые 23 февраля 1918 г. проголосовали за немедленное подписание Брест-Литовского мирного договора с Германией⁶⁷. Одним из условий этого договора, как известно, являлось требование о незамедлительном выводе русских войск из Финляндии, а это неминуемо означало передачу Россией Финляндии в сферу интересов Германии,⁶⁸ что собственно и произошло.

Для И. Смилга, также как и для В. И. Ленина и для всех тех, кто настаивал на необходимости заключения Брестского мирного договора, важно было любым способом сохранить в России советскую власть. Как заявил тогда В. И. Ленин, «если мы отдадим Финляндию, Лифляндию и Эстляндию – революция не потеряна»⁶⁹.

В данном отношении, однако, вероятно прав был один из организаторов финской красной гвардии полковник М. С. Свечников, который задал тогда риторический вопрос: «Чем же могла противостоять маленькая Красная Финляндия, когда большой сосед — Советская Россия – спасовал перед немцами?»⁷⁰. Вероятно, соглашаясь с условиями Берст-Литовского мирного договора, понимал это и И. Смилга...

1. Смилга И. Историческая ночь // Красноармеец, 1919, № 10-15; Смилга Ивар Тенисовач (автобиография) // Энциклопедический словарь Гранат. Т. 41: Ч. III: Союз Советских Социалистических Республик (окончание). М.: Рус. библиогр. ин-т Гранат, 1925. Столб. 62–64.

2. Смилга Т. Мой отец Ивар Смилга. М, 2013.

3. См: Luukkainen A. Smilga Ivar (1892–1937) // Режим доступа – <https://kansallisbiografia.fi/kansallisbiografia/henkilö/4208> Дата обращения: 4.09.2018 г.

4. Россия и Финляндия: от противостояния к миру. 1917–1920. Сборник документов. М, 2017.

5. Смилга Ивар Тенисовач (автобиография). Столб. 63.

6. Там же.

7. Там же.

8. Там же; Абрамович И. Л. Книга воспоминаний. Ч. I. Режим доступа – <http://bo0k.net/index.php?p=chapter&bid=4919&chapter=16> Дата обращения: 4.09.2018.

9. Смилга Ивар Тенисовач (автобиография). Столб. 63–64.

10. См: История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 3. Кн. 1. М.: Издательство политической литературы, 1967. С. 80. В ЦК тогда входили: Ленин, Зиновьев, Каменев, Сталин, Милютин, Ногин, Свердлов, Смилга, Федоров.

11. Там же. С. 249.

12. Смирнов В. Из революционной истории Финляндии 1905, 1917, 1918 гг. Л, 1933. С. 90; Свечников М. С. Революция и гражданская война в Финляндии 1917–1918 гг. (Воспоминания и материалы). М. –Пр., 1923. С. 12.

13. См: Ketola E. Kansalliseen Kansanvaltaan. Suomen itsenäisyys, sosialidemokratit ja Venäjän vallankumous 1917. Helsinki, 1987. S. 291.

14. Смирнов В. Из революционной истории Финляндии 1905, 1917, 1918 гг. С. 102.

15. Клинг М. Имперская Финляндия. СПб., 2005. С. 577.

16. Ketola E. Kansalliseen Kansanvaltaan. Suomen itsenäisyys, sosialidemokratit ja Venäjän vallankumous 1917. S. 330. См.: также: Кетала Э. Революция 1917 года и обретение Финляндией независимости. // Отечественная история. 1993. № 6. С. 29.

17. Смирнов В. Из революционной истории Финляндии 1905, 1917, 1918 гг. С. 103; См.: также: Дубровская Е. Ю. Российские военнослужащие и население Финляндии в годы Первой мировой войны (1914–1918). Петрозаводск, 2008. С. 109.

18. Ketola E. Kansalliseen Kansanvaltaan. Suomen itsenäisyys, sosialidemokratit ja Venäjän vallankumous 1917. S. 330.

19. Смилга Ивар Тенисовач (автобиография). Столб. 64.

20. Ленин В. И. Сочинения. Т. 26. Издание четвертое, М.: Издательство политической литературы, 1953. С. 48.

21. См: Дашков Ю. Ф. Его знали под именем Паульсон. М., 1984. С. 280.

22. Ленин В. И. Сочинения. С. 50.

23. Смилга-Полуен Т. В. Дух оппозиции // Лица Октябрь 1917. – Режим доступа: <http://rulife.ru/mode/article/374/> Дата обращения: 9.08.2018.

24. См: Члены Всероссийского Учредительного Собрания. Биографический справочник – Режим доступа: http://www.hrono.ru/biograf/bio_u/uchredits.php Дата обращения: 7.09.2018.

25. Сюкияйнен И. И. Революционные события 1917–1918 гг. в Финляндии. С. 103.

26. Армия и Флот. 1917. № 9. 1 декабря; 21 ноября (4 декабря). Постановление о признании Областного комитета армии, флота и рабочих Финляндии единственным представителем Совета Народных Комиссаров в Финляндии // Электронная библиотека исторических документов // Режим доступа – <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/9678-21-noyabrya-4-dekabrya-postanovlenie-o-priznanii-oblastnogo-komiteta-armii-flota-i-rabochih-fin-lyandii-edinstvennym-predstavitelem-soveta-narodnyh-komissarov-v-finlyandii> Дата обращения: 7.09.2018.

27. См: Ketola E. Kansalliseen Kansanvaltaan. S. 371, 384; Lenin ja Suomi. Osa II, Helsinki, 1989. S. 107–108.

28. Пост генерал-губернатора упразднили лишь летом 1918 г. См: Клинг М. Имперская Финляндия. С. 570.

29. Петров Е. В. Последний исполняющий обязанности генерал-губернатора Великого княжества Финляндского и первый русский лектор Джорджтаунского университета – барон С. А. Корф // Гельсингфорс – Санкт-Петербург страницы истории. СПб., 2012. С. 194.

30. Ketola E. Kansalliseen Kansanvaltaan. S. 441.

31. Россия и Финляндия: от противостояния к миру. 1917–1920. Сборник документов. С. 159.

32. Клинг М. Имперская Финляндия. С. 579.

33. Вихавайнен Т. Сталин и финны. СПб., 2000. С. 45.

34. Ketola E. Kansalliseen Kansanvaltaan. S. 441. См.: также: Вихавайнен Т. Столетия соседства. Размышление о финско-русской границе. СПб., 2017. С. 109, 119.

35. Ketola E. Kansalliseen Kansanvaltaan. S. 441.

36. Россия и Финляндия: от противостояния к миру. 1917–1920. Сборник документов. С. 168.

37. Там же. С. 167.

38. Там же. С. 169; См.: также: Протоколы заседаний Совета народных комиссаров РСФСР. Ноябрь 1917 – март 1918 г. М., 2006. С. 89.
39. *Ketola E.* Kansalliseen Kansanvaltaan. S. 410–411; См.: также: *Сюккяйнен И. И.* Революционные события 1917–1918 гг. в Финляндии. Петрозаводск, 1962. С. 150.
40. Цит. по: *Lenin ja Suomi.* S. 98; См.: также: *Ibid.* S. 159.
41. *Вихавайнен Т.* Столетия соседства. Размышление о финско-русской границе. С. 111.
42. *Смилга И.* Россия и Финляндия // *Известия Гельсингфорского совета*, 1917. 20 дек. См.: также: *Смирнов В.* Из революционной истории Финляндии 1905, 1917, 1918 гг. С. 112.
43. Там же.
44. Цит. по: *Ketola E.* Kansalliseen Kansanvaltaan. S. 457.
45. *Смилга И.* Финляндская революция и русские войска // *Известия Гельсингфорского Совета*. 1918 г. 19 января. См.: также: *Дубровская Е. Ю.* Российские военнослужащие и население Финляндии в годы Первой мировой войны (1914–1918). С. 223.
46. *Luukkanen A.* Smilga Ivar (1892–1937).
47. *Lenin ja Suomi.* S. 98.
48. *Ibid.* S. 142.
49. *Идман К. Г.* Мой первый визит в Смольный // *Ленин в воспоминаниях финнов*. М., 1979. С. 123.
50. *Ketola E.* Kansalliseen Kansanvaltaan. S. 459.
51. Россия и Финляндия: от противостояния к миру. 1917–1920. С. 183.
52. Цит. по: *Холодковский В. М.* Революция в Финляндии и германская интервенция. М., 1967. С. 122.
53. Россия и Финляндия: от противостояния к миру. 1917–1920. С. 184.
54. Там же. С. 187; Протоколы заседаний Совета народных комиссаров РСФСР. С. 339–340.
55. Цит. по: *Холодковский В. М.* Революция в Финляндии и германская интервенция. С. 127.
56. *Дубровская Е. Ю.* Русские военнослужащие в Финляндии и вопрос о финляндской независимости // *Россия и Финляндия в XX веке. К 80-летию независимости Финляндской Республики*. СПб.: Vadus-Liechtenstein, 1997. С. 56; См.: также: *Бажанов Д. А.* Гражданская война в Финляндии и русские военные моряки: реакция, участие, мотивы (на материалах экипажей кораблей Гельсингфорской военно-морской базы) // *Санкт-Петербург и страны Северной Европы*. СПб., 2015. С. 52–53.
57. См.: *Дубровская Е. Ю.* Русские военнослужащие в Финляндии и вопрос о финляндской независимости // *Россия и Финляндия в XX веке*. С. 128. *Свечников М. С.* Революция и гражданская война в Финляндии 1917–1918 гг. С. 53.
58. *Свечников М. С.* Революция и гражданская война в Финляндии 1917–1918 гг. С. 58.
59. Там же. С. 72.
60. Там же. С. 109.
61. Там же. С. 73.
62. Цит. по: *Холодковский В. М.* Революция и германская интервенция в Финляндии. С. 128.
63. Россия и Финляндия: от противостояния к миру. 1917–1920. С. 221.
64. Там же. С. 222.
65. Там же. С. 224.
66. *Baryshnikov V. N., Borysenko V. N.* Civil War in Finland and Colonel Svechnikov // *Вестник СПбГУ. История*. 2018. Т. 63. Вып. 3. С. 917–934.
67. История Коммунистической партии Советского Союза. С. 534.
68. *Клинге М.* Очерк истории Финляндии. Хельсинки, 1990. С. 100.
69. Седьмой экстренный съезд РКП (б). Март 1918 г. Стенографический отчет. М, 1962. С. 261.
70. *Свечников М. С.* Революция и гражданская война в Финляндии 1917–1918 гг. С. 90.

Литература

Бажанов Д. А. Гражданская война в Финляндии и русские военные моряки: реакция, участие, мотивы (на материалах экипажей кораблей Гельсингфорской военно-морской базы) // *Санкт-Петербург и страны Северной Европы*. СПб., 2015. С. 50–61.

Барышников В. Н. Проблема изучения в СССР в 1920–1930-е гг. истории революции и гражданской войны в Финляндии // *Санкт-Петербург и страны Северной Европы*. Выборг, 2018. № 19 (2). С. 56–67.

Васара В.-Т. Советская Карелия глазами участников «карельских походов» 1918–1922 гг. // *Санкт-Петербург и страны Северной Европы*. Выборг, 2018. № 19 (2). С. 49–55.

Вихавайнен Т. Сталин и финны. СПб.: Журнал «Нева», 2000. 286 с.

Вихавайнен Т. Столетия соседства. Размышление о финско-русской границе. СПб.: Нестор-История, 2017. 247 с.

Дашков Ю. Ф. Его знали под именем Паульсон. М.: Издательство политической литературы, 1984. 303 с.

Дубровская Е. Ю. Историографические и источниковедческие проблемы истории Гельсингфорского совета депутатов армии, флота и рабочих в 1917г. Петрозаводск: КФ АН СССР, 1987. 22 с.

Дубровская Е. Ю. Российские военнослужащие и население Финляндии в годы Первой мировой войны (1914–1918). Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2008. 125 с.

Дубровская Е. Ю. Русские военнослужащие в Финляндии и вопрос о финляндской независимости // *Россия и Финляндия в XX веке. К 80-летию независимости Финляндской Республики*. СПб.: Vadus-Liechtenstein: Европейский дом; Topos Verlag, 1997. С. 47–61.

Идман К. Г. Мой первый визит в Смольный // *Ленин в воспоминаниях финнов*. М.: Издательство политической литературы, 1979. С. 123–125.

История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 3. Кн. 1. М.: Издательство политической литературы, 1967. 608 с.

Кеттола Э. Революция 1917 года и обретение Финляндией независимости. // *Отечественная история*. 1993. № 6. С. 27–45.

Клинге М. Имперская Финляндия. СПб.: Издательский дом «Коло», 2005. 615 с.

Клинге М. Очерк истории Финляндии. Хельсинки: Otava, 1990. 161 с.

Ленин В. И. Сочинения. Т. 26. Издание четвертое. М.: Издательство политической литературы, 1953. 531 с.

Лобанова Д. Р. Гражданская война в Финляндии в финской историографии в первой половине XX-го века // *Санкт-Петербург и страны Северной Европы*. Выборг, 2018. № 19 (2). С. 68–80.

Моряки-балтийцы в Гельсингфорсе в 1917 г. Вступительная статья, подготовка текста и комментарии А. В. Смолина // *Труды кафедры истории Нового и новейшего времени*. СПб., 2014. № 12. С. 246–251.

Новикова И. Н. Деятельность русских организаций в Финляндии в 1918 г. // *Санкт-Петербург и страны Северной Европы*. СПб., 2001. С. 47–51.

Петров Е. В. Последний исполняющий обязанности генерал-губернатора Велико-го княжества Финляндского и первый русский лектор Джорджтаунского университета – барон С. А. Корф // *Гельсингфорс – Санкт-Петербург: Страницы истории*. СПб.: Нестор-История, 2012. С. 189–198.

Петров П. В. Документы об участии Финляндии в событиях революции и Гражданской войны в России в фондах ЦГАИПД СПб // *Санкт-Петербург и страны Северной Европы*. Выборг, 2018. № 19 (2). С. 81–86.

Протоколы заседаний Совета народных комиссаров РСФСР. Ноябрь 1917 – март 1918 г. М.: РОССПЭН, 2006. 519 с.

Россия и Финляндия: от противостояния к миру. 1917–1920. Сборник документов. М.: Научно-политическая книга; Политическая энциклопедия, 2017. 502 с.

Свечников М. С. Революция и гражданская война в Финляндии 1917–1918 гг. (Воспоминания и материалы). М.-Пг.: Государственное издательство, 1923. 112 с.

Седьмой экстренный съезд РКП (б). Март 1918 г. Стенографический отчет. М.: Госполитиздат, 1962. XLI + 402 с.

Смилга И. Историческая ночь // *Красноармеец*, 1919, № 10–15.

Смилга Ивар Тенисовач (автобиография) // *Энциклопедический словарь Гранат*.

Т. 41: Ч. III: Союз Советских Социалистических Республик (окончание). М.: Рус. библиогр. ин-т Гранат, 1925. Столб. 62–64.

Смилга Т. Мой отец Ивар Смилга. М.: Изд. Т.Исаева; Сам Полиграфист, 2013. 109 с.
Смирнов В. Из революционной истории Финляндии 1905, 1917, 1918 гг. Л.: Лоиз., 1933. 230 с.

Смолин А. В. Независимость, рожденная в противостоянии // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. СПб., 2018. № 18 (1). С. 219–227.

Смолин А. В. Русские в Финляндии в 1918–1919 гг. (Рапорт лейтенанта Дихта морскому атташе в Швеции В. А. Сташевскому) // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. СПб., 2011. № 7. С. 165–172.

Смолин А. В. «Первая советско-финляндская война 1918–1920 гг.» историографические мифы или реальность? // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2009. С. 271–278.

Смолин А. В. Формирование антифинляндских настроений среди русских беженцев в Финляндии в 1918–1920 гг. // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. СПб., 2012. № 9. С. 80–93.

Сюкияйнен И. И. Революционные события 1917–1918 гг. в Финляндии. Петрозаводск: Карельское книжное издательство, 1962. 312 с.

Терашкевич А. С. Русские в гражданской войне в Финляндии // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Т. 17 (№ 2). Выборг, 2016. С. 70–73.

Холодковский В. М. Революция в Финляндии и германская интервенция. М.: Наука, 1967. 289 с.

Шкваров А. Г. Население Финляндии и русские гарнизоны в годы Первой мировой войны (1914–1918): проблемы взаимоотношений // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2012. С. 109–119.

Baryshnikov V. N., Borysenko V. N. Civil War in Finland and Colonel Svechnikov // Вестник СПбГУ. История. 2018. Т. 63. Вып. 3. С. 917–934.

Ketola E. Kansalliseen Kansanvaltaan. Suomen itsenäisyys, sosialidemokratit ja Venäjän vallankumous 1917. Helsinki: Tammi, 1987. 521 s.

Lenin ja Suomi. Osa II. Helsinki: Opetusministeriö valtion painatuskeskus, 1989. 320 s.

А. В. Смолин

Советско-финские переговоры в Тарту. Первый этап: 12 июня – 14 июля 1920 г.*

12 июня 1920 г. в эстонском городе Тарту начались мирные переговоры между советской Россией и Финляндией. Первой мир был нужен для того, чтобы обезопасить себя на случай нападения Финляндии, так как в это время шла война с Польшей, и советское руководство не исключало договорённости о взаимопомощи между двумя этими странами. Без мира с Финляндией не представлялось возможным восстановить морскую торговлю по Балтийскому морю и возродить боевую мощь Балтийского флота. Приступая к переговорам, по словам председателя советской делегации Я. А. Берзина, «мы не исходим (или не должны исходить) главным образом из соображений о непосредственной военной опасности, а из соображений о выгодности и необходимости мира с Финляндией для получения открытого доступа в Балтийское море»¹.

Финляндия также стремилась к миру, но не любой ценой и «не жертвуя государственными и национальными интересами»². Финны исходили из того, что Советской России мир был нужен в большей степени, чем им, поэтому уступок ждали, прежде всего, от русских. Так, министр иностранных дел Р. Холсти считал, что на уступки во время переговоров следует идти только в том случае, если над ним нависнет угроза срыва³. К тому же в Финляндии имелись силы, выступавшие против мира с Советской Россией⁴.

Первое пленарное заседание открылось в Тарту 12 июня. Перед его началом прошла проверка мандатов. В делегацию Советской России входили: секретарь Коминтерна, член РКП(б) Я. А. Берзин (председатель), руководитель РОСТА, журналист, член РКП(б) П. М. Керженцев⁵. Экспертом по военным вопросам выступал бывший полковник Е. А. Егорьев и его помощник П. К. Удалов, по морским вопросам бывший капитан 1-го ранга Е. А. Беренс, позже к нему присоединился бывший контр-адмирал А. П. Зеленой, пограничные вопросы курировал А. М. Смирнов. Секретарем делегации был А. С. Черных, который ранее закончил юридический факультет Московского университета и также являлся членом РКП (б).

В Финляндскую делегацию вошли представители коалиционной партии Ю. К. Паасикиви, возглавлявший финскую делегацию, а также генерал К. Р. Вальден. Кроме того, социал-демократическую партию в делегации представляли В. А. Таннер и В. Войонмаа, прогрессивную партию – Ю. Х. Веннола, Аграрный союз – В. Г. Кивилинна и А. Фрей. Экспертами делегации по международному праву являлся К. Г. Идман, по военным вопросам майор – А. С. Сомерсало и по вопросам Восточной Карелии – Л. Ханникайнен⁶.

Оценивая состав и подготовку финской делегации, Берзин писал 17 июня наркому Г. В. Чичерину: «Финны отнеслись к составу делегации очень серьёзно – он у них весьма солидный: все директора банков, да бывшие премьеры, да профессора»⁷. В письме 3 июля он добавлял: «...Финны несравненно лучше подготовлены к переговорам, чем мы. У них вся теперешняя

делегация (7 человек) вместе со специалистами работала по подготовке переговоров с апреля месяца, у них великолепно подобран материал (пример тому – внушительная коллекция наших военных приказов и проч[их] документов 19 года), выработаны точнее конкретные предложения в различных редакциях по всем пунктам договора»⁸.

Действительно, советская делегация по качеству и количеству членов уступала финской. По состоянию здоровья Я. А. Берзин не мог работать в комиссиях, и в связи с этим П. М. Керженцеву пришлось работать сразу в трёх. В целом, в области решения экономических вопросов советская делегация была явно наименее подготовлена. Здесь очевидно не хватало конкретных материалов, в частности, сколько-нибудь удовлетворительного списка оставленного в Финляндии государственного имущества. Но главное – в делегации отсутствовал профессионально подготовленный экономист-практик⁹. На хорошем уровне находились только эксперты, но их влияние ограничивалось подачей советов, а не принятием решений.

В ходе же самих переговоров делегации обсудили ряд конкретных организационных вопросов. Была достигнута договоренность, что на пленарных заседаниях поочередно будут председательствовать главы делегаций, а ведение стенограмм каждая делегация должна была осуществлять на родном языке. Также на русском и финском языках должны были составляться протоколы заседаний. Причем все они затем сверялись и подписывались каждой из сторон. Для решения конкретных вопросов финны предложили еще создать две, территориальную и экономическую, комиссии. В их обязанность входила подготовка вопросов для пленарных заседаний. Комиссия по территориальным вопросам с финской стороны состояла из Ю. Х. Веннола, В. Войонмаа, В. Г. Кивилинна, К. Р. Вальдена. В экономическую же комиссию вошли Ю. К. Паасикиви, А. Фрей, В. А. Таннер¹⁰. С советской стороны в обеих комиссиях присутствовал только П. М. Керженцев.

Первая дискуссия разгорелась по поводу присутствия прессы: советские представители предлагали допустить журналистов к участию в работе конференции, чтобы сделать её гласной. Финская же делегация считала, что наличие представителей печати неблагоприятно скажется на спокойной работе¹¹. В конце концов, советская делегация пошла навстречу финскому требованию.

Затем главы делегаций обменялись приветственными речами. Речь Я. А. Берзина носила общий характер. В ней он остановился на значении Октябрьской революции и получении Финляндией независимости, а также говорил о борьбе с политикой интервенции империалистических держав, которую поддерживала Финляндия и о неоднократных предложениях мира со стороны Советской России. Особо Берзиным подчеркивалось желание советского правительства установить дружеские отношения с соседней страной¹².

В выступлении Ю. К. Паасикиви, помимо общих выражений о необходимости укрепления добрососедских отношений, отчётливо прозвучала еще мысль о том, что его страна предполагала их строить на идее справедливости и самоопределения. Под этим Финляндия понимала, очевидно, пере-

дачу ей района Печенги, дававшей выход к Северному Ледовитому океану, поскольку, как подчеркивал глава финляндской делегации, «с давних времён» его страна имеет на него «неоспоримое право». Кроме того, по мнению Паасикиви, «финский народ не может равнодушно относиться к вопросу о том, какая участь постигнет живущих по ту сторону восточной границы, родственной финскому народ, который в своё время имел важное значение для финской культуры». Поэтому этот вопрос, как считалось, так же будет активно обсуждаться на конференции, как и проблемы имущественно правового характера¹³. Таким образом, финская делегация сразу обозначила три главных вопроса, которые она собиралась для себя решить, чтобы установить дружественные отношения.

Неслучайно поэтому уже на следующем пленарном заседании финская делегация конкретно предложила обсудить вопрос о Печенге. Но в ответ на это, несколько неожиданно для финнов, советская сторона заявила другое. Она предложила, прежде всего, обсудить вопрос о необходимости заключения перемирия, что явно требовало уже образования по данному вопросу специальной комиссии. Это вызвало некоторую растерянность с финской стороны. Для новой комиссии потребовалось выписывать специалистов из Финляндии и дожидаться новых инструкций от правительства. По словам П. М. Керженцева, данные действия были весьма хорошо подуманы и советская сторона пошла на это, чтобы выиграть время, что ей это явно удалось¹⁴.

Второе пленарное заседание состоялось 14 июня. Оно опять началось с обсуждения вопроса о Печенге. Финские требования изложил Ю. Х. Веннола, и они сводились к необходимости выхода Финляндии к Северному Ледовитому океану, поскольку эта территория позволяла финскому населению осуществления необходимой для них хозяйственной деятельности. В целом, претензии на эти земли Веннола обосновывал нарушением финских прав на эти территории договором между Россией и Норвегией, заключенным в 1826 г. Как он заметил, с этого периода Финляндия лишилась права выхода к океану, хотя, как подчеркнул финский участник переговоров, в 1864 г. Александр II обещал за землю, на которой был построен Сестрорецкий оружейный завод, передать все же Финляндии участок побережья Северного Ледовитого океана. Тем не менее, как отметил Веннола, это обещание оказалось не выполненным.

Кроме того, Веннола, обращаясь к судьбе финно-угорского населения России, также потребовал, на основании принципа самоопределения народов, предоставить «финскому населению Карелии» право решить – «желает ли оно принадлежать к Финляндии или к России». В итоге финские участники переговоров начали демонстрировать, что само установление прочного мира между обоими государствами должно было связываться с новыми государственными границами, которые, как отметил Веннола, следовало провести по естественным рубежам¹⁵.

Отвечая на выдвинутые Ю. Х. Веннолой предложения, Я. А. Берзин характеризовал их в качестве декларации по перестройке всей границы между двумя государствами. Тогда как, в свою очередь, советская сторона предложила все же исходить из старой административной границы. Тем не

менее, Я. А. Берзин, для более обстоятельного ответа на речь Веннолы, предложил предоставить финской делегацией письменный ее текст¹⁶.

На следующий день, 15 июня состоялось третье пленарное заседание. На нём уже согласовали вопрос о начале переговоров по перемирию. Но обусловили это тем, чтобы они не мешали переговорам о мире¹⁷. Только после этого Я. А. Берзин изложил советскую точку зрения на поднятые финской делегацией вопросы. Он повторил озвученный на прошлом заседании тезис о необходимости придерживаться старой административной границы. Установление же границы «по естественным рубежам», по его мнению, не представлялось возможным осуществить, поскольку никаких бесспорных «естественных рубежей» между странами не существовало.

Берзин так же отверг «исторические права» Финляндии на Печенгу, как и ссылку «на неопределённые обещания Александра II», поскольку в новых условиях все это, по его мнению, уже являлось бессмысленным. Более того, как заметил тогда Берзин, поскольку Печенга граничит с Норвегией, то это создает еще и дополнительную трудность для выполнения финляндских требований. Вместе с тем, в качестве компромиссного предложения, Берзин, предлагая оставить границу в районе Печенги прежней, мог предложить обеспечить права финского рыболовства и судоходства на данном направлении, без изменения существующих уже границ. При этом само население Печенги, по словам Берзина, не желало присоединения к Финляндии.

Обращаясь к вопросу Восточной Карелии, он также заявил, что поскольку эта территория находится в составе Советской России, то обсуждение на конференции данного вопроса, вероятно, вообще не возможно. К тому же, как напомнил Берзин участникам переговоров, 8 июня 1920 г. декретом ВЦИК уже создавалась на данной территории Карельская Трудовая Коммуна. Причем, как подчеркивалось, в качестве самоуправляющейся единицы¹⁸.

В ответном слове Ю. К. Паасикиви, тем не менее, вынужден был констатировать резкое расхождение российской и финляндской позиций, что, по его мнению, вряд ли могло привести к благополучному исходу начавшихся переговоров.

Действительно, после этого на переговорах разгорелась дискуссия. На это замечание председателя финской делегации Я. А. Берзин заявил, что Россия никаких претензий на финляндскую территорию не предъявляет, в то время как от претензий партнёров «отдаёт аннексионистским духом». В целом, чтобы не продолжать на пленарном заседании дальнейшие бесплодные по данному вопросу обсуждения, Берзин внес предложение передать данный вопрос на обсуждение в территориальную комиссию, для того, чтобы там, как он заметил, уже постараться найти компромиссные предложения. С этим финская сторона полностью согласилась¹⁹.

В данном отношении, стоит заметить, что на начальном этапе работы конференции деятельность советской делегации затруднялась отсутствием прямой телеграфной связи с Москвой. Эту коммуникационную линию обязывалась предоставить Эстония. Но по не вполне понятным причинам этого не было сделано, что поставило переговоры под угрозу срыва. В тоже время финны таких неудобств не испытывали²⁰. Однако вскоре положение

исправилось и жалоб от главы советской делегации на отсутствие связи больше не поступало.

В этот же день, 15 июня начала работу комиссия по перемирию. Председателем её с советской стороны стал П. М. Керженцев, а с финской – К. Р. Вальден. Учитывая неудачный опыт переговоров в Раййоки, советская делегация предложила заключить договор о перемирии на основании военного статус-кво. В качестве демаркационной линии Керженцев предложил принять сухопутную границу 1914 г. для войск, военных судов и летательных аппаратов на Ладожском озере. При этом, по его мнению, войска должны были отойти от линии разграничения на 5 км, причем на Карельском перешейке, по понятным причинам, предлагалось войска оставить на занимаемых позициях. Кроме того, на Финском заливе военным судам и воздушным судам запрещалось пересекать линию «южная оконечность острова Сескар – южная оконечность острова Лавенсаари». Договор о перемирии устанавливался на один месяц. Уведомление об отказе от него должно поступать за 5 суток до его прекращения одной из сторон. На перемещение войск со дня его подписания отводилось 7 суток²¹.

После этого, лишь 22 июня, на втором заседании комиссии по перемирию финны огласили свои условия. В них присутствовало требование о выводе русских войск из Восточной Карелии. В этом случае финские части оказывались бы в 10–20 верстах от Мурманской железной дороги, что было неприемлемо для Советской России. За демаркационную линию в Ладожском озере и Финском заливе предлагалось взять границу 1917 г. По финским предложениям перемирие устанавливалось на неопределённый срок, а выход из него объявлялся за двое суток. Как только об этом предложении узнали в Москве, то В. И. Ленин, Л. Д. Троцкий и Г. В. Чичерин высказались против финляндских условий перемирия²².

26 июня продолжилось обсуждение финского проекта. С его критикой выступили уже советские военный (В. Н. Егорьев) и морской (Е. А. Беренс) эксперты. Егорьев, прежде всего, обратил внимание, на то, что между Финляндией и Россией не было состояния войны, и она не потерпела поражения. Финские войска вторглись на российскую территорию «в порядке частной инициативы партизанских действий». Он также подверг критике положение об упреждении за двое суток о выходе из перемирия. На деле это вело к нахождению войск противостоящих сторон в развёрнутом состоянии, готовых мгновенно перейти к военным действиям. В качестве демаркационной линии он предлагал принять границу 1914 г.²³

В выступлении Е. А. Беренса получили освещение вопросы, связанные с установлением демаркационной линии в Финском заливе. По его мнению, финские предложения лишали Россию на время перемирия возможности осуществлять оборону Кронштадта, сохраняя для этого даже самые минимальные минные заграждения. Кроме того морской эксперт указал на то, что эти предложения создают условия для осуществления блокады России в отношении торгового судоходства и предложил на время перемирия все же оставить один проход для российских торговых судов²⁴.

В ответном слове К. Р. Вальден указал на то, что сами эти переговоры начались исключительно по инициативе России, поскольку им предшествовала война. Далее он особо подчеркнул, что финская делегация не собирается вести на комиссии переговоры о проблемах, связанных с торговым мореплаванием. Они, как Вальден заметил, должны рассматриваться на экономической комиссии. Одновременно генерал четко указал, что в переговорах о перемирии финны не могут отказаться от требований на самоуправление в Восточной Карелии, и это означало, что в приходах Репола и Поросозеро должны были, очевидно, находиться финские войска, поскольку, по мнению Вальдена, перемирие не должно было давать преимущества в военном отношении ни одной из сторон²⁵.

Разгорелась дискуссия, где К. Р. Вальдену решительно возразил Е. А. Беренс. Он заявил, что финское предложение о демаркационной линии в Финском заливе равносильно полной блокаде России с моря. Осуществление этого проекта, по его мнению, может лишь позволить Финляндии свободно ликвидировать большую часть русских минных заграждений²⁶, что неминуемо поставило бы Петроград, с точки зрения его военной безопасности, в крайне сложное положение.

Далее, после выступлений военных экспертов слово взял П. М. Керженцев. Он заявил, что само наличие переговоров о перемирии или о мире ещё не означает, что до этого Финляндия и Россия находились в состоянии войны. Условия же перемирия, предложенные финляндской делегацией, для России являются неприемлемыми. Она не пойдёт на вывод из Восточной Карелии своих войск. Кроме того, Керженцев указал, что советская делегация выступает против морской блокады Петрограда и требует предоставления финской стороной необходимого в заливе фарватера для торговых судов. При этом условия, которые озвучил Вальден, как заметил советский представитель, нарушают статус-кво, о котором так много говорили финны.

Таким образом, ввиду различных подходов к рассматриваемой проблеме, добиться взаимодовлетворяющих делегации условий на этом этапе переговоров не удалось. Возникшая в этом отношении дискуссия лишь показала, что, несмотря на все усилия, Керженцев не смог доказать, что войны между Советской Россией и Финляндией не было²⁷.

Поэтому на следующем заседании, которое состоялось 29 июня, российская делегация предложила несколько изменённые условия перемирия. Они заключались в том, что основой демаркационной линии должно было стать военное статус-кво. Но войска при этом от этой линии должны были отойти на 5 км. Это предлагалось сделать и в приходах Репола и Поросозеро, где финские войска тоже отходили на 5 км. Исключение предлагалось сделать, как и предполагалось ранее, лишь на Карельском перешейке, где войска оставались на занимаемых позициях. В Финском заливе, по мнению советской делегации, демаркационная линия должна была пройти так, чтобы Россия могла использовать южный фарватер. На Ладожском озере советская сторона предлагала оставить границу 1914 г., а само перемирие сохранить на два месяца. Причем, как это подчеркивалось, сама демаркационная линия не могла еще рассматриваться в качестве будущей границы²⁸.

Лишь на пятом заседании комиссии, которое прошло 9-го июля, К. Р. Вальден дал ответ на советские предложения. Он огласил декларацию финской делегации, в которой тоже присутствовали с некоторые изменения. После чего опять развернулась дискуссия²⁹.

Е. А. Беренс вновь выступил против финской демаркационной линии в Финском заливе³⁰, а П. М. Керженцев, естественно, поддержал Беренса и отверг финские предложения. Иными словами, советская делегация продолжала настаивать на своём³¹. В результате, практически, дискуссии в комиссии ни к чему не приводили, и стороны по прежнему стояли на своих позициях, не желая друг другу уступить.

После завершения заседания комиссии по перемирию, в этот же день морской представитель Е. А. Беренс подал докладную записку председателю делегации Я. А. Берзину. В ней он подчеркнул, что в сложившейся ситуации отсутствуют всякие надежды на заключение перемирия. По мнению Беренса, финны использовали переговоры по заключению перемирия в качестве инструмента давления на советскую делегацию по территориальному вопросу. Рассматривая ход самих переговоров, Беренс пришёл к выводу, что в такой ситуации доводами и убеждением уже воздействовать на финнов, по-видимому, нельзя. Российский морской эксперт явно полагал, что изменить ситуацию можно лишь только в случае улучшения внешнеполитической обстановки в пользу Советской России или простыми уступками в территориальных вопросах.

Кроме того, успех в переговорах, по мнению Беренса, мог быть достигнут в случае возможной демонстрации силы со стороны РСФСР³². Причем саму эту демонстрацию Беренс предлагал осуществить путем полного прекращения переговоров о перемирии. Одновременно он считал необходимым сообщить финнам, что сама потребность для России открыть навигацию приведет к тому, что советские корабли начнут траление и обследование южного прибрежного фарватера, который проходит между финскими островами Сескар и Лавенсаари и южным материковым берегом. При этом, как считал эксперт, следует четко предупредить финское правительство о том, что данные действия не будут носить антифинский, враждебный для них характер и поэтому данные работы следует проводить исключительно только тральщиками и гидрографическими судами. Тем не менее, учитывая сложность складывающейся ситуации, Беренс рекомендовал привести в боевую готовность в Кронштадте миноносцы и подводные лодки, которые должны были осуществлять поддержку судов, производящих траление. В целом использовать этот план, как он полагал, следовало лишь в том случае, если у России «есть, что ввозить и вывозить». При этом сам риск военного конфликта Беренс считал минимальным и полагал, что финны на него не пойдут³³.

Помимо докладной записки Я. А. Берзину, в этот же день Е. А. Беренс подготовил письмо в адрес заместителя председателя Революционного военного совета Республики (РВСР) Э. М. Склянского. В нём он негативно оценивал ход переговоров о перемирии. Он писал: «Разговаривать с ними (финской делегацией. – А. С.) на эту тему, это только ронять достоинство нашей республики». Причину неуступчивости финнов он видел в их нежела-

нии дать России выход в Балтийское море. Он также повторял доводы из записки Я. А. Берзину о необходимости прекратить переговоры о перемирии ввиду их бесполезности и начать траление, чтобы использовать навигацию, а также держать наготове несколько миноносцев и подводных лодок. Такие приготовления привели бы к оживлению Балтийского флота, который «порядочно заснул»³⁴. За прекращение переговоров ратовал и Я. А. Берзин³⁵.

В то время как шли дискуссии в комиссии по перемирию, одновременно продолжались работы в территориальной и экономической комиссиях. Первое заседание территориальной комиссии состоялось 16 июня. Выступивший на нем профессор Ю. Х. Веннола повторил аргументы в пользу присоединения Печенги к Финляндии обещаниями Александра II и её хозяйственным значением для страны. В отношении Восточной Карелии, он по-прежнему настаивал на проведении референдума³⁶. В свою очередь, П. М. Керженцев подверг критике аргументы Веннола, обосновывая русские права на Печенгу и Восточную Карелию³⁷. Второе заседание территориальной комиссии также прошло во взаимных препирательствах. При этом П. М. Керженцев твёрдо стоял на позиции охраны прав России на требуемые Финляндией территории³⁸.

Однако, несмотря на достаточно жёсткие официальные заявления, в советской делегации уже наметились некоторые «подвижки» в сторону уступок Финляндии. Так, спустя пять дней после начала переговоров, 17 июня, в письме Я. А. Берзина Г. В. Чичерину появились первые намёки на то, что к соглашению с финнами не прийти «без сколько-нибудь значительных с нашей стороны уступок» по территориальному вопросу³⁹.

Тем не менее, твердость советской делегации пока еще сохранялась, о чем свидетельствовало третье заседание территориальной комиссии, которое состоялось 22 июня. На нём с обоснованием стратегического значения области Печенги для России выступали как советский военный, так и морской эксперты⁴⁰. На следующий день дискуссия продолжилась. В её ходе финские эксперты вновь пытались доказать, что область Печенги не имеет для России стратегического значения⁴¹. В свою очередь, Егорьев и Беренс опять пытались опровергнуть это утверждение⁴². К спору подключились Ю. Х. Веннола и П. М. Керженцев. В результате, после двух часов дискуссий, так ни о чём не договорившись, заседание закрыли.

Тем не менее, постепенно становилось очевидным, что неуступчивость финской делегации начинала «действовать на нервы» российским участникам переговоров. 24 июня в отчёте Г. В. Чичерину о ходе переговоров П. М. Керженцев уже четко попробовал прозондировать почву по поводу возможных уступок. Сообщая, что делегация стоит на позиции «ни пяди земли», здесь же он писал: «Возможно, что нам всё-таки в конце концов придётся сделать некоторые уступки в области Печенги. В этом случае я думаю первое, с чего можно будет начать, это предложить им узкий коридор около самой ими построенной шоссеиной дороги, идущей рядом с нашей норвежской границей к Печенгскому заливу (на наших картах этой дороги нет, на финских она уже нанесена). В дальнейшем может быть сделано некоторое увеличение лишь за счёт южной части, т.е. погосту Сонельскому

к югу и реке Печенге к востоку, причём максимум, на мой взгляд, может быть намечен по реке Печенге с востока и по реке Нота с юга. Возможно, что придётся дать какие-либо участки земли и к востоку от Печенгской губы, но самое главное, чтобы никоим образом не отдавать побережья с заливом Мотовским и Рыбачьими островами, которые являются центром рыболовства»⁴³. При этом он еще высылал и карту, на которой обозначались территории, предназначенные для передачи финнам.

Размышляя над территориальными уступками, Керженцев предлагал относиться к ним только лишь как к рассуждениям теоретическим. Вместе с тем, он тут же добавлял: «Но нам всё-таки хотелось бы заранее иметь и ваше мнение по этому вопросу»⁴⁴. В понимании Керженцева, уступки могли быть «предметом торга». Однако он не учитывал или не хотел учитывать, что финны тоже не собирались отдавать ни метра своей территории.

25 июня состоялось пятое заседание территориальной комиссии, которое, как и предполагал П. М. Керженцев, могло привести к перерыву в её работе из-за нежелания изменить позиции сторон⁴⁵. На заседании Керженцев подвёл итоги предыдущих четырёх встреч. Советская делегация категорически отвергла всякие финские претензии на Печенгу, а так же их аргументы в пользу присоединения к Финляндии Репольской и Пороозерской волостей, настойчиво предлагая взять за основу территориальных изменений границу 1914 г.

Естественно, выступивший после этого представитель Финляндии Ю. Х. Веннола признал бесполезность прошедших дискуссий в территориальной комиссии, и после обмена мнениями по данному вопросу было принято решение временно прервать её работу⁴⁶.

Судя по всему, первые итоги работы в территориальной комиссии действовали на советскую делегацию удручающе. Прибыв на конференцию, она рассчитывала на быстрое заключение соглашения с финнами. Советская делегация, по наблюдению Я. А. Берзина, направлялась на переговоры «с серьёзным намерением заключить мир», но сама работа в территориальной комиссии оказалась, по его мнению, лишь «болтовнёй»⁴⁷. Однако, столкнувшись с твёрдой позицией финляндской делегации, тон высказываний Я. А. Берзина стал меняться. В письме к Г. В. Чичерину 28 июня у него уже зазвучали мрачные нотки: «Прошло уже больше двух недель с начала мирных переговоров с Финляндией, но мы ещё не сдвинулись с мёртвой точки и продолжаем топтаться на одном месте. Ни одна сторона не хочет делать ни малейших уступок. <...> Долго так продолжаться не может, и, по-видимому, нам придётся пойти на какие-нибудь уступки. Мы с тов. Керженцевым пришли к заключению, что нам придётся уступить финнам в области Печенги хотя бы небольшой участок и дать им на севере выход к Ледовитому океану – только в этом случае можно рассчитывать на сколько-нибудь удачное проведение наших требований в Финском заливе»⁴⁸.

Вместе с тем, отдачу Печенги Берзин ставил во взаимосвязь с уступками Финляндии в акватории Финского залива. Как мы видим два полномочных представителя советской делегации, уже начали «сдавать позиции» перед непреклонным поведением финнов и предлагали, по сути, обмен террито-

риями. Если учесть, что ведя переговоры с Советской Россией Финляндия и не помышляла ни о каких территориальных уступках, то соображения Керженцева и Берзина о «торговле» территориями выглядят весьма наивно. Тем более что, как писал Берзин, все сведения о положении в Финляндии делегация «черпает» из газет⁴⁹.

Следует отметить, что об уступках Я. А. Берзин говорил как о способе допустимых действий: «Разумеется всё это предположительно, и весьма гадательно и если только не будет угрожать опасность разрыва переговоров, то мы не будем говорить ни о каких территориальных уступках»⁵⁰. В докладной записке Г. В. Чичерину от 30 июня он снова повторяет мысль об уступках во имя продолжения переговоров⁵¹. Таким образом, «опасность разрыва» он увязывал с возможностью уступок и настойчиво внушал её нарком. Можно даже утверждать, что он начинает запугивать руководство в Москве угрозой срыва переговоров.

Однако достаточно спокойный тон обращений Я. А. Берзина к Г. В. Чичерину резко сменился на раздражённый в письме от 3 июля.

Что же произошло за это время?

2 июля Берзин получил телеграмму Чичерина, в которой нарком твёрдо заявлял о невозможности уступок в районе Печенги. Он объяснял это возросшей мощью Красной армии, готовой отразить нападение финнов, если такое произойдёт. Далее Чичерин говорил о громадных естественных запасах, находящихся в Печенга, а также её стратегическом значении для военно-морского флота России и необходимости перевода базы советского флота в Мурманск в связи с утратой позиций на Балтике⁵².

Такой подход наркома к идеям, которые проводила советская делегация, возмутил Берзина, и в его ответе Г. В. Чичерину от 3-го июля появляются уже явно не дипломатические выражения. Он пишет: «До сих пор Вы твердили нам, что нужно затягивать переговоры и ни в коем случае не доводить до разрыва с финнами»⁵³.

Это, очевидно, была установка, которая не предполагала никаких территориальных уступок. В то время как Берзин наоборот считал, что только уступки могут привести к заключению мира. Обосновывая свою позицию, он говорил, что, вступая в переговоры с Финляндией, советское руководство исходило не из соображений непосредственной военной опасности, а из необходимости получить доступ в Балтийское море и открыть окно в Европу, «которое пока заколочено крепко-накрепко»⁵⁴. По его мнению, Финляндия не намеревалась воевать с Советской Россией. Даже разрыв переговоров, как считал Берзин, не привёл бы к началу боевых действий. Он указывал, что на границе продолжалось бы фактическое перемирие, нарушаемое случайными стычками, поскольку воевать Финляндии, по мнению Берзина, не позволяла боязнь экономических и политических последствий⁵⁵. Таким образом, во главу угла он ставил экономическую выгоду. Ради достижения этой цели не следовало останавливаться и перед тем, чтобы «прирезать финнам кусок земли в области Печенги, а может быть и в Восточной Карелии»⁵⁶. Развивая свою мысль, он добавлял: «Нам необходим мир с Финлян-

дией, мы должны его добиваться даже ценой значительных уступок, если иначе невозможно»⁵⁷.

Далее Я. А. Берзин, вступая в полемику с наркомом, старался доказать уязвимость его аргументов. Его мнение в отношении перенесения базы флота на Мурман было отрицательным. Берзин полагал, что в настоящее время при состоянии транспортной системы в России невозможно доставлять уголь из Донбаса и нефть из Баку. К тому же Мурманская железная дорога находилась под фланговым ударом из Финляндии. Глава делегации также считал, что перенесение базы флота на Мурман ничего не даст для защиты Петрограда. Поэтому, по его мнению, следовало добиваться открытия Финского залива, «хотя бы ценою чувствительных уступок, как территориальных, так и экономических, если таковые потребуются»⁵⁸.

Отвечая Г. В. Чичерину по поводу экономических богатств Печенги, Я. А. Берзин писал: «О сколько-нибудь значительной эксплуатации этого края с нашей стороны не может быть и речи в течение многих лет, значение его для народного хозяйства России в ближайшем будущем равно нулю. Концессии, которые будто бы желают норвежцы, <...> весьма проблематичны»⁵⁹. Таким образом, по мнению Берзина, область Печенги не имела для России ни стратегического, ни экономического значения. Секретаря Коминтерна заботило в этой ситуации одно – это утрата общей границы с Норвегией, которая нужна была «для нелегальных сношений с Европой», в случае невозможности использовать морской путь из Мурманска в норвежский порт Варде⁶⁰.

На какие же уступки по мысли Я. А. Берзина можно было пойти?

Прежде всего, к ним он относил небольшую полосу от норвежской границы до устья реки Печенги или до линии в 10 верстах к востоку от её устья. В этом случае полуостров Рыбачий с его удобными бухтами оставался за Россией, и это бы не помешало перенести сюда базу флота. Однако в случае необходимости он предлагал пойти ещё дальше и «подарить им [финнам – А. С.] и Рыбачий полуостров», если бы Финляндия согласилась ликвидировать ближайшие к Кронштадту крепости, такие как Ино⁶¹. Вместе с тем, он тут же добавлял: «Вообще – нам дорога каждая пядь советской земли, передавать её буржуазным странам крайне нежелательно, но всё-таки иногда нам приходится делать и территориальные уступки, если это диктуется соображениями о более важных интересах Советской Республики»⁶².

Далее Я. А. Берзин переходил к обсуждению вопроса о нужности мира Финляндии. По его мнению, эта страна не нуждалась в мире в такой степени, как Россия и на тех условиях, которые ей предлагали. Он полагал, что финнам выгоднее сохранять бездоговорное состояние, так как в этом случае они лишают Россию выхода в Балтийское море. Более того, он считал, что именно «мы хотим отнять у них Реполу и Поросярви [Реболы и Поросозеро. – А. С.]».

Эти утверждения, однако, были достаточно спорными. В данном случае Берзин явно передёргивал факты, поскольку финны, оккупировавшие два прихода Восточной Карелии в 1918 и 1919 гг., несомненно, должны были вернуть захваченные территории. Кроме того, несомненно, Балтийский флот, стоявший в Кронштадте, мог выйти из него, протралив себе путь в

море. Финляндия в этом отношении ему ничего противопоставить не смогла бы.

Рассуждая о выгодности товарообмена для Финляндии, Я. А. Берзин считал, что для неё он не являлся привлекательным, так как вывозить финнам было нечего, а вот страх перед «красной опасностью» у них возрастал. Поэтому мир, который ей ничего не даёт, Финляндии не нужен, считал глава советской делегации.

Оценивая ход переговоров, Я. А. Берзин полагал, что «в один прекрасный день» финны могли заявить, что прерывают переговоры, если Россия не пойдёт на уступки. Чтобы советское руководство это не застало врасплох, он и предлагал вариант с уступкой Печенги. При этом Берзин оговаривался, что не настаивает на немедленном решении вопроса и речь идёт только о принципиальной допустимости уступок. Он также повторял своё предложение о передаче финнам Печенги за соответствующие компенсации в Финском заливе. Несмотря на все оговорки, председатель советской делегации продолжал настаивать на том, чтобы без уступок мир не заключать⁶⁵.

В письме к Г. В. Чичерину 9 июля, продолжая настаивать на своей позиции – мир в обмен на территории – он в очередной раз спрашивал: «Что для нас выгоднее – мир с Финляндией и открытое Балтийское море или сохранение Печенги <...>. Нужно быть готовым к известным территориальным уступкам, если мы хотим заключить мир поскорее»⁶⁴.

Видя, что никаких сдвигов в территориальной комиссии не намечается, делегации решили попытаться найти точки соприкосновения по экономическим вопросам. На первом заседании экономической комиссии 29 июня П. М. Керженцев поставил вопрос о русском военном и морском имуществе оставшихся в Финляндии и которое, по мнению советской делегации, следовало вернуть России.

В свою очередь, К. Р. Вальден настаивал на том, что всё военное имущество, находившееся на территории Финляндии, является военными трофеями и безвозмездно переходит к ней в собственность, поскольку Финляндия находилась в войне с Россией. Выступивший затем Керженцев настаивал на том, что ни Россия, ни Финляндия войны друг другу не объявляли, поэтому военное имущество не может рассматриваться в качестве военной добычи. По его мнению, участие отдельных граждан в боевых действиях не означало войны между государствами.

В ходе дискуссии, в качестве подтверждения своих доводов о наличии войны, К. Р. Вальден приводил различные документы (телеграммы, воззвания, приказы), доказывающие участие советского правительства в помощи красной гвардии, воевавшей с законным правительством. Со своей стороны, П. М. Керженцев обратил внимание на то, что финляндская делегация всё время называла буржуазное правительство законным, а красному в этом отказывала. Тем не менее, ведущий заседание Ю. К. Паасикиви посчитал аргументы Вальдена вполне убедительными, и из-за затянувшихся прений просто закрыл заседание⁶⁵.

На следующий день, 30 июня, дискуссия между К. Р. Вальденом и П. М. Керженцевым продолжилась. Финский делегат по-прежнему пытался дока-

зать наличие состояния войны между Россией и Финляндией ссылками на телеграммы Л. Д. Троцкого, Л. М. Карахана, Н. И. Подвойского и приказы отдельных командиров. Поскольку русские воинские части, находясь на территории Финляндии, поддерживали красных финнов, то это, по мнению финской делегации, свидетельствовало о наличии войны между странами. К тому же, наличие состояния войны обосновывалось ещё и тем, что сама конференция, на которой шли переговоры, тоже назвалась «мирной».

Отвечая на эти замечания Вальдена, П. М. Керженцев отметил, что сами перечисленные им советские деятели действительно сочувствовали борьбе финского пролетариата. Однако, как он подчеркнул, сочувствие и война – это вещи разные. Боевые столкновения русских гарнизонов с нападавшими на них отрядами белой гвардии он квалифицировал как действия самообороны. К тому же гарнизоны, как Керженцев справедливо отметил, охраняли русское государственное имущество. В целом, пребывание русских войск в Финляндии он объяснял тем, что ещё реально шла мировая война, и советское правительство в Петрограде опасалось наступления немецких войск через Финляндию.

Далее Керженцев подчеркнул, что после признания красного правительства Финляндии (СНУ) в качестве законного, советское руководство действительно оказывало ему помощь, но на вполне законных основаниях. Керженцев также отверг притязания Финляндии на приходы в Восточной Карелии, заявив, что плебисцит не применим к общинам отдельной национальности. Квалификация пограничных стычек в качестве наличия войны понадобилась для того, чтобы захватить русское государственное имущество⁶⁶.

Другим аргументом, показывающим наличие войны, стал список враждебных действий против Финляндии за 1919–1920 гг., который должен был представить Советскую Россию в качестве нападавшей стороны⁶⁷. В связи с этим морской эксперт советской делегации Е. А. Беренс просил Реввоенсовет Балтийского флота дать отзыв на финский список обстрелов территории Финляндии. Его также интересовало, действительно ли обстрел начинала советская сторона⁶⁸.

По запросу Е. А. Беренса Оперативный отдел штаба Балтийского флота представил полный список боевых действий с обеих сторон в 1919 г. На его основании можно заключить, что действия Балтийского флота являлись ответом на обстрелы с финской территории⁶⁹. При этом, в списке, предоставленном финской делегацией, были отмечены такие действия с советской стороны, которые отсутствовали в действительности⁷⁰.

В целом, в достоверности финских данных можно усомниться и по выписке представленной финской делегацией «о нападениях» со стороны советских войск в Восточной Карелии. Так, по финским данным, в Суоярви 7 марта 1920 г. было сделано 600 артиллерийских выстрелов, а 16 марта уже около 800⁷¹. Приводимые данные явно говорили лишь о полном непонимании и незнании артиллерийского дела финскими военными экспертами.

Поскольку вопрос о «наличии войны» между Россией и Финляндией в комиссии остался не решённым, то его решили перенести уже на пленарное заседание. Тем временем, вечером 30 июня произошло ещё и третье заседание

экономической комиссии. На нем попытались выяснить, какие категории имущества, кроме военного и морского, подлежат возврату⁷². На следующий день, 1 июля, на экспертной комиссии выступали уже советские военный и морской эксперты, которые выразили протест против присвоения Финляндией российского военного имущества. Более того, Беренс обратил внимание на то, что российское военное имущество, оставленное в Финляндии, должно, прежде всего, способствовать обороне страны. При этом он, в частности, указал на телеграфные и телефонные линии, проложенные дороги, построенные аэродромы, доки, фабрики, мастерские, которые можно использовать в мирных целях⁷³. Оставленные же в Финляндии суда, как он подчеркнул, просто вовремя не смогли уйти, из-за технических затруднений⁷⁴.

Выступившие затем финляндские представители В. А. Таннер и Ю. К. Паасикиви пытались доказать, что Финляндия не может согласиться на возврат имущества из-за его малой ценности для страны. В ответ на это П. М. Керженцев резонно заметил, что раз оно бесполезно для Финляндии, то его следует возвратить⁷⁵. Позицию Керженцева поддержал и Беренс, предложив финнам вернуть что им «не нужно»⁷⁶. С другой стороны, продолжая прежнюю линию, Ю. К. Паасикиви принялся еще доказывать, что от Первой мировой войны Финляндия экономически не выиграла, а проиграла, и что русские военные заказы ей ничего не дали⁷⁷.

Поскольку договориться о судьбе российского военного имущества не удалось, 2 июля, на шестом заседании экономической комиссии, Ю. К. Паасикиви предложил перейти к обсуждению вопросов, связанных с передачей Финляндии культурных ценностей и, в частности, архивов. Однако и по этим вопросам согласия достичь не удалось⁷⁸. Тогда Паасикиви поднял вопрос о пенсиях для финнов, находившихся на русской государственной службе. Согласно финским подсчётам, России следовало им уплатить 12 милл. финских марок⁷⁹. На все эти претензии, конечно, трудно было ожидать позитивной реакции с советской стороны.

Конфронтационность в ходе этих переговоров наблюдалась и на последующих заседаниях экономической комиссии, которые проходили 7–11 июля. Споры по взаимным претензиям продолжались. Финская делегация настаивала на возмещении убытков как государству, так и отдельным гражданам, потерявшим имущество в России в результате национализации, а так же на выплате пенсий⁸⁰. Достаточно острые споры развернулись по трактовке понятия «военная добыча». С финляндской стороны его толковали весьма расширительно, включая сюда даже тяжёлую артиллерию, крепости, суда и т.д.⁸¹. В результате, по подсчётам финской делегации долг России Финляндии составлял 2,5 млрд. финских марок. В то же время, Советская Россия предъявила претензии на сумму примерно в 4 млрд. финских марок.⁸²

В результате жарких дискуссий удалось договориться лишь о возможности начала мореплавания в восточной части Финского залива. Конкретно решили, что каждая страна сама производит траление в своих водах самостоятельно. Помимо этого, пришли к согласию о взаимном возвращении судов⁸³.

Тем временем, 6 июля после длительного перерыва состоялось шестое заседание территориальной комиссии, на котором советская делегация подняла вопрос о границе в Финском заливе⁸⁴. До этого она не поднимала эту проблему вполне осознанно, так как хотела сначала выяснить позицию Финляндии по другим вопросам. Поскольку работа в территориальной и экономической комиссиях застопорилась из-за неуступчивости сторон, то советская делегация решила перевести внимание своих оппонентов на вопрос о морской границе в Финском заливе. Причем показательно, что с финляндской стороны уже даже посчитали этот вопрос решённым, поскольку знали, что советская делегация настаивала на границе 1914 г.

Требования, выдвинутые Советской Россией, сводились к свободному движению судов всех назначений. Вместе с тем, чтобы обеспечить безопасность Кронштадта, финнам предлагалось срыть форты Ино и Пумала, нейтрализовать острова, находящиеся в заливе, и лишить их территориальных вод. На это заявление финляндская делегация ответила, что рассчитывает на соответствующие уступки с советской стороны в Печенге и в Восточной Карелии⁸⁵. Обсудив предложения, поступившие из Москвы, Я. А. Берзин и Е. А. Беренс посчитали, что требования по лишению Финляндии территориальных вод вокруг островов являются излишними и предложили увеличить их до 1,5–2 вёрст.

С другой стороны, глава советской делегации не согласился с предложением о внесении в договор пункта о непринятии на финскую военную службу русских белогвардейцев. В атмосфере русофобии, процветавшей в это время в Финляндии, их и так не принимали в армию. По мнению Берзина, если на этом настаивать, то финны могут потребовать разоружения финских красных полков⁸⁶.

21 июля, после того как финляндская делегация изучила советские предложения, состоялось седьмое заседание территориальной комиссии⁸⁷. Соображения финской стороны сводились к тому, что уступки в Финском заливе делегация увязывала с уступками в Печенге. В ответном слове П. М. Керженцев возражал против объединения этих вопросов. Началась острая дискуссия, в которой каждая из сторон настаивала на своём. Наконец финны выступили с предложением прекратить прения и предложили русской делегации дать принципиальный ответ по вопросу о Печенге. В своём ответе Керженцев сказал, что Советская Россия готова предоставить финскому населению экономические, а не территориальные уступки. На это предложение уже не соглашалась финляндская делегация. Ввиду выявившихся непримиримых разногласий вопрос решили вынести на пленарное заседание⁸⁸.

14 июля состоялось 6-е пленарное заседание мирной конференции. На нём главы делегаций подвели итоги месячной работы. Советская делегация констатировала, что не может согласиться на требование Финляндии на передачу Печенги. В вопросе о проведении референдума в Восточной Карелии, по словам Я. А. Берзина, вообще скрывалось желание присоединить эту территорию к Финляндии. Отказ от Печенги за уступки в Финском заливе он отверг также на том основании, что Финский залив никогда Фин-

ляндии целиком не принадлежал. В вопросе по возврату государственного имущества и компенсации имущества отдельным гражданам советская делегация согласилась с неофициальным предложением финской стороны о взаимном отказе от экономических и финансовых претензий друг к другу. Оказалась безрезультатной и работа комиссии по перемирию. По словам Я. А. Берзина, это произошло потому, что финляндская делегация не проявила желания пойти навстречу советским предложениям⁸⁹.

В ответном слове Ю. К. Паасикиви заявил, что Финляндия готова рассмотреть справедливые требования России в Финском заливе. В отношении Печенги он повторил прежние доводы, касающиеся исторических прав Финляндии на эту область и обещания русского царя на возмещение территории под строительство Сестрорецкого оружейного завода. По словам Паасикиви, без уступки Печенги «Финляндия никогда не сможет признать такое соглашение справедливым»⁹⁰. В Восточной Карелии Финляндия настаивала на референдуме, считая этот вопрос не территориальным, а гуманитарным. Экономические же вопросы подлежали дальнейшему обсуждению⁹¹.

Несмотря на пессимистические оценки состоявшейся встречи, обе делегации выразили желание продолжать переговоры, не доводя дело до разрыва. Следующее заседание, после перерыва, назначалось на 28 июля, а пока делегации разъезжались для консультаций со своими правительствами. Следует отметить, что, несмотря на твёрдые заявления по Печенге, в Москву Я. А. Берзин и П. М. Керженцев отправлялись с убеждением в необходимости территориальных уступок в обмен на мир...

23. Там же. С. 332
24. Там же. С. 332–333.
25. Там же. С. 333.
26. Там же. С. 333–334.
27. Там же. С. 334–335.
28. РГАВМФ. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 777. Л. 18.
29. Там же. Л. 23–30.
30. Там же. Л. 25–26.
31. Там же. Л. 28, 30.
32. Россия и Финляндия: от противостояния к миру. С. 351–352.
33. РГАВМФ. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 777. Л. 784–786.
34. Там же. Л. 787–788.
35. Россия и Финляндия: от противостояния к миру. С. 354.
36. РГАВМФ. Ф. Р-1 Оп. 3. Л. 197–199, 201.
37. Там же. Л. 199–201.
38. Там же. Л. 206–216.
39. Россия и Финляндия: от противостояния к миру. С. 32–326.
40. РГАВМФ. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 777. Л. 224–228.
41. Там же. Л. 235–237.
42. Там же. Л. 237–239.
43. Россия и Финляндия: от противостояния к миру. С. 330–331.
44. Там же. С. 331.
45. Там же. С. 330.
46. РГАВМФ. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 777. Л. 249–265.
47. Россия и Финляндия: от противостояния к миру. С. 325–326.
48. Там же. С. 335.
49. Там же. С. 337.
50. Там же. С. 336.
51. Там же. С. 340.
52. Там же. С. 346
53. Там же. С. 345.
54. Там же. С. 347.
55. Там же. С. 346.
56. Там же. С. 347.
57. Там же. С. 348.
58. Там же. С. 347.
59. Там же. С. 348.
60. Там же.
61. Там же. С. 347–348.
62. Там же. С. 348.
63. Там же. С. 348–350.
64. Там же. С. 355.
65. РГАВМФ. Ф. Р-1 Оп. 3. Д. 777. Л. 397–411. Протокол первого заседания экономической комиссии 29.06.1920; Россия и Финляндия: от противостояния к миру. С. 337–339, 340, 342.
66. РГАВМФ. Ф. Р-1 Оп. 3. Д. 777. Л. 415–427; Россия и Финляндия: от противостояния к миру. С. 343–345.
67. РГАВМФ. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 135. Л. 26; Д. 773. Л. 290.
68. Там же. Д. 135. Л. 22 об.
69. Там же. Д. 777. Л. 697–698.
70. Там же. Д. 135. Л. 27–27 об.
71. Там же. Д. 777. Л. 697.
72. Там же. Д. 777. Л. 430–442.
73. Там же. Л. 443–444.
74. Там же. Л. 444–446.
75. Там же. Л. 447–448.
76. Там же. Л. 462.
77. Там же. Л. 449.
78. Там же. Л. 466–468.
79. Там же. Л. 479.
80. Там же. Л. 530–532.

**Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00383.*

1. Россия и Финляндия от противостояния к миру. М., 2017. С. 346–347.
2. Холодковский В. М. Финляндия и Советская Россия М., 1975. С. 192, 235.
3. Там же С. 203, 204, 211.
4. Там же С. 192, 203.
5. Ленин В. И. Биохроника. Т. 8. Ноябрь 1919 – июнь 1920. М., 1977. С. 632. 8 июня В. И. Ленин подписал полномочия Я. А. Берзина и П. М. Керженцеву на ведение переговоров и подписания мирного договора с Финляндией.
6. Холодковский В. М. Финляндия и Советская Россия. С. 199.
7. Россия и Финляндия: от противостояния к миру. С. 327.
8. Там же. С. 350.
9. Там же. С. 326–327, 350.
10. РГАВМФ. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 777. Л. 81–85.
11. Там же. Л. 86, 87.
12. Россия и Финляндия: от противостояния к миру. С. 314–316.
13. Там же. С. 316–317.
14. РГАВМФ. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 777. Л. 86, 87; Россия и Финляндия: от противостояния к миру. С. 329–330.
15. Россия и Финляндия: от противостояния к миру. С. 318–319.
16. Там же. С. 319–320.
17. Там же. С. 321.
18. Там же. С. 322–323.
19. Там же. С. 324.
20. Там же. С. 327.
21. Там же. С. 320–321.
22. Там же. С. 328–329.

81. Россия и Финляндия: от противостояния к миру. С. 354.
82. *Ихалайнен П. И.* Из истории советско-финляндских отношений. Урегулирование советско-финляндских экономических отношений на Юрьевской мирной конференции 1920 г. // Учёные записки Карельского педагогического института. Т. 7. 1960. С. 86, 87; Справка о валютной операции русского правительства в Финляндии в 1917 г. // РГАВМФ. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 777. Л. 445.
83. РГАВМФ. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 777. Л. 534.
84. Россия и Финляндия: от противостояния к миру. С. 355.
85. Там же. С. 353.
86. Там же. С. 355.
87. РГАВМФ. Ф. Р-1. Оп. 3 Д. 777. Л. 282–294.
88. Там же. Л. 291, 292, 294.
89. Россия и Финляндия: от противостояния к миру. С. 358–359.
90. Там же. С. 361.
91. Там же. С. 361–362.

Литература

Балтийский регион в Новое и новейшее время: история и региональная политика. Калининград: Издательство Балтийский федеральный университет им. Канта, 2016. 322 с.

Васара В.-Т. Советская Карелия глазами участников «карельских походов» 1918–1922 гг. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Выборг, 2018. № 19 (2). С. 49–55.

Ихалайнен П. И. Из истории советско-финляндских отношений. Урегулирование советско-финляндских экономических отношений на Юрьевской мирной конференции 1920 г. // Учёные записки Карельского педагогического института. Т. 7. 1960. С. 79–91.

Петров П. В. Документы об участии Финляндии в событиях революции и Гражданской войны в России в фондах ЦГАИПД СПб // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Выборг, 2018. № 19 (2). С. 81–86.

Россия и Финляндия: от противостояния к миру. 1917–1920. М.: Научно-политическая книга; Политическая энциклопедия. 2017. 502 с.

Рупасов А., Чистиков А. Советско-финляндская граница. 1918–1938 гг.: очерки истории. СПб.: Издательство Аврора, 2016. 240 с.

Свечников М. С. Революция и гражданская война в Финляндии 1917–1918 гг. (Воспоминания и материалы). М.-Пг.: Государственное издательство, 1923. 112 с.

Смолин А. В. Информация морского представителя о ходе переговоров в Тарту в РВС Республики. // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. СПб., 2017. № 17 (1). С. 206–213.

Смолин А. В. Независимость, рожденная в противостоянии // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. СПб., 2018. № 18 (1). С. 219–227.

Смолин А. В. «Первая советско-финляндская война 1918–1920 гг.» историографические мифы или реальность? // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2009. С. 271–278.

Холодковский В. М. Финляндия и Советская Россия 1918–1920. М.: Наука. 1975. 268 с.

Baryshnikov V. N., Borysenko V. N. Civil War in Finland and Colonel Svechnikov // Вестник СПбГУ. История. 2018. Т. 63. Вып. 3. С. 917–934.

Третьи пехотные финские командные курсы в Петрограде

Проблема необходимости подготовки собственных квалифицированных военных кадров остро встала перед руководством финской Красной гвардии в период гражданской войны. Практическое большинство офицеров, происходивших из Финляндии и получивших подготовку в царской России, в этой войне приняло сторону белых¹. Командный состав белой армии пополнили также финские егеря, прибывшие из Германии, и шведские добровольцы. Красные от Советской России, по ряду причин, не могли ожидать сопоставимой помощи в деле пополнения командного состава. Поэтому весной 1918 г. в Гельсингфорсе и на острове Сорнес они приступили к созданию «специальных военных школ». На острове Сорнес были открыты пехотная, пулеметная, артиллерийская, кавалерийская, инженерная и авиационная школы². Однако до полного поражения красных в гражданской войне уже оставалось совсем немного времени.

Инициатива организации на территории Советской России подготовки офицерских кадров из числа финнов принадлежала ЦК Финляндской Коммунистической партии. В дальнейшем «красных офицеров», как и финские национальные части Красной армии, предполагалось использовать для совершения социалистической революции в Финляндии³. Финские командные курсы были открыты в ряде городов Советской России⁴. Третьи пехотные финские командные курсы, о которых пойдёт речь в данной статье, были открыты 25 ноября 1918 г. в Петрограде, городе, где оказалась значительная часть бежавших из Финляндии «красных» финнов. Курсы входили в систему Главного управления военно-учебных заведений Красной армии (ГУВУЗ)⁵.

На сегодняшний день наиболее подробным исследованием на русском языке, которое посвящено Третьим пехотным курсам, остается книга советского учёного М. М. Коронена «Финские интернационалисты в борьбе за власть Советов», вышедшая в 1969 г. При её написании Коронен пользовался материалами Центрального государственного архива Советской Армии (ЦГАСА). Понятно, что формат издания (курсам посвящена только одна глава книги) и время создания (конец 60-х гг. прошлого века) не позволили автору в полной мере раскрыть тему. В статьях современных отечественных исследователей подробно освещаются только отдельные эпизоды, связанные с историей курсов – например, активное участие финских курсантов и краскомов в конфликте, возникшем внутри Финской коммунистической партии (ФКП) в Советской России, т.н. «дело маузеристов». Комплексное исследование историка Маркку Саломая «Красные офицеры», опубликованное в начале 1990-х гг.⁶, не переведено на русский язык. Поэтому имеет смысл коротко обрисовать внутреннюю структуру, учебную программу, преподавательский и курсантский состав, а также отличительные особенности деятельности данных курсов.

Курсанты набирались большей частью из числа финских политических эмигрантов, прибывших в Россию после окончания гражданской войны в Финляндии. Однако среди них были и финны, которые всегда проживали в Петроградской губернии⁷. Возрастной лимит для поступающих на курсы был 17–25 лет, причем поступающие должны были иметь уровень знаний, который достигается по окончании финской народной школы. Специальный комитет, составленный из офицеров-преподавателей командных курсов, занимался проверкой знаний и умений поступающих. Политическая благонадежность при этом не проверялась, достаточно было иметь направление от военной организации ФКП⁸. В основном на курсы направлялись представители рабочего класса – металлисты, каменщики, столяры, плотники, переплетчики и т.д.⁹. Бывший курсант Тойво Вякя (И. Петров) в своих воспоминаниях приводит примечательный факт: «В числе курсантов была девушка – Тойни Мякеля. <...> Жила она отдельно, за военным городком, училась в нашей группе. Внезапно исчезла. Теперь знаем: была на подпольной работе в нелегальной коммунистической партии Финляндии. Долгие годы провела в тюрьме»¹⁰.

Финские командные курсы заняли пустующее здание бывшего Первого кадетского корпуса на Кадетской линии Васильевского острова. Лекции по военным и техническим дисциплинам читались на русском языке и, в основном, бывшими офицерами царской армии. Поскольку большинство поступивших на эти курсы русский язык знали достаточно плохо, то само обучение велось с помощью переводчиков, которые подчас были мало знакомы с военной терминологией¹¹. Преподаванию русского языка не уделялось должного внимания¹². Это лишний раз подтверждает основную цель, ради которой создавались курсы – подготовка специалистов для ведения боевых действий собственно на территории Финляндии. Более того, политической подготовкой курсантов занимались известные финские коммунисты – Юрьё Сирола, Куллерво Маннер, Густав Ровио и т.д. При этом необходимо особо подчеркнуть, что политическому образованию придавалось особое значение, поскольку ожидалось, что будущие «красные офицеры» возьмут на себя многие организационные задачи в «освобожденных районах» Финляндии¹³.

28 ноября 1918 г. на курсы была зачислена первая группа из 93 обучающихся¹⁴. Заметим, что набор обучающихся происходил не одновременно, поэтому выпуски также осуществлялись с интервалами. Курсанты первых наборов прошли шестимесячное обучение. Уже 25 апреля 1919 г. первые 20 курсантов получили звания и отправились прямо на Олонецкий фронт в составе 1-ого и 6-ого финских стрелковых полков. 29 апреля были выпущены ещё 106 краскомов, затем 30 июня ещё 23 краскома¹⁵. В основном это были бывшие красногвардейцы. Многие из них позже вернулись пополнять свои теоретические знания на так называемых «повторных» курсах.

В январе 1919 г. на курсах были созданы особый артиллерийский и особый пулемётный взводы, а в августе 1919 г. открыто еще сапёрное отделение¹⁶. В том же году на курсах было открыто русское отделение. Далее в сентябре 1920 г. Третьи пехотные финские командные курсы были уже пре-

образованы в Первую петроградскую пехотную школу командного состава. Продолжительность обучения в школе для пехотинца составляла три года, а для пулемётчика или сапёра, по причине необходимости освоения боевой техники, занимало уже четыре года¹⁷. При школе имелось также еще и подготавливающее отделение.

Показательно при этом, что на первом году обучения наибольшее внимание уделялось общеобразовательным предметам, а далее, на последующих курсах, число чисто военных дисциплин постоянно увеличивалась. Среди общеобразовательных предметов были арифметика, география (в том числе экономическая), история (главным образом история РКП(б/)), обществоведение, марксизм, родной и русский языки¹⁸. Много внимания уделялось физическому развитию: курсанты занимались гимнастикой, плаванием, легкой и тяжелой атлетикой, французской борьбой, а также лыжной подготовкой. Из военных дисциплин преподавались тактика, фортификация, топография, артиллерийское дело, военное управление и т.д.¹⁹. В процессе обучения часто использовались различные наглядные пособия (макеты, модели), позволявшие в какой-то степени компенсировать языковой барьер, существовавший между преподавателями и курсантами. Отметим, что перед преподавателями и курсантами остро стояла проблема отсутствия в необходимом количестве специализированной учебной литературы на финском языке. По этой причине долгое время самостоятельная работа обучающихся ограничивалась чтением конспектов лекций. Лишь после 1923 г. расположенное в Петрограде издательство «Кирья» начало выпускать необходимые финским курсантам пособия. Причем директором и помощником директора этого издательства были тогда известные «красные офицеры» Никодемус Тёрмяля и Симо Суси²⁰.

Летнее время учащиеся пехотной школы проводили на лагерных сборах. Сборы проходили на территории пригородов Петрограда – в Детском Селе, Красном Селе и в Петергофе. Здесь в первые две недели организовывались занятия с картами, а затем начинались полевые учения. При этом сначала сами тренировки проводились в рамках отделения, затем взвода, и наконец в уровне роты или батальона. В ротных манёврах друг против друга действовали школьные роты, которыми командовали учащиеся выпускного курса. Завершающей частью обучения на летних сборах являлись учебные стрельбы²¹. Бывший курсант Тойво Вякя вспоминал, что в период лагерной учёбы «делались попытки установить общение курсантов с населением окружающих сел, с которым нас связывала общность языка. Целью таких встреч была пропаганда среди крестьян советского общественного строя и антирелигиозная работа»²².

14 июня 1921 г. в Петрограде была создана Интернациональная военная школа. В связи с этим финское отделение в Первой пехотной школе ликвидировалось. Весь его личный состав передавали в Интернациональную военную школу²³. В Интернациональной военной школе кроме финского были ещё немецкое, эстонское и шведское национальные отделения. В 1922 г. в школе также были образованы румынское и украинское отделения, а в 1923 г. – корейское и итальянское.

В 1923 г. Петроградское Центральное бюро финских организаций обратилось в Президиум Карельского обкома партии с просьбой направить в Интернациональную военную школу 25–30 курсантов карельской национальности. Это отношение было удовлетворено²⁴. Впоследствии в школе обучались курсанты из многих стран, где уже существовали коммунистические партии. Однако большая часть слушателей Интернациональной военной школы составляли курсанты, прибывшие в Советскую Россию из соседних государств, преимущественно из Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы, Польши и Румынии. Но обучение также проходили еще жители Чехословакии, Швеции и Германии. Кроме того, в школе было много курсантов из Азии²⁵.

Бессменным начальником курсов с момента их открытия и до преобразования в Первую петроградскую пехотную школу был Александр Александрович Инно (Кульдвер). Ещё в дореволюционные годы А. А. Инно являлся кадровым военным, дослужившимся в царской армии до звания штабс-капитана. Начало Первой мировой войны он встретил в качестве слушателя младшего курса академии Генерального штаба, но сам добровольно отправился в действующую армию, где на Западном фронте в 1914–1917 гг. командовал различными подразделениями. За проявленную храбрость А. А. Инно был награжден несколькими боевыми орденами. В Красную армию он также вступил добровольно в сентябре 1918 г. Поскольку Инно свободно владел несколькими языками, его назначили инструктором всеобщего военного обучения среди рабочих-финнов, а затем он уже стал начальником курсов и лично проводил со слушателями занятия по тактике и даже непосредственно командовал отрядами финских курсантов на Олонецком фронте²⁶.

В разработке учебного плана и программы обучения курсантов центральная роль принадлежала бывшему генерал-майору царской армии, профессору Петру Ивановичу Измestьеву²⁷. Ещё в старой армии он стал известен как специалист по германской военной доктрине. В 1922 г. Измestьев на допросе в ЧК по делу об эстонском шпионаже²⁸ рассказывал о себе: «Октябрьская революция меня застала на должности коменданта Морской крепости Петра Великого. Образовавшийся Революционный комитет вызвал меня и спросил, признаю ли я Советскую власть, на что я ответил утвердительно и работал с ним в полном контакте...»²⁹. В Ревеле Измestьев попал в плен, но поскольку у него тогда уже были серьёзные проблемы со здоровьем, германское командование в конце июня 1918 г. согласилось отпустить его как инвалида в Россию. В Петрограде П. И. Измestьев несколько месяцев находился на лечении в больнице, после чего в октябре 1918 г. начал читать лекции в различных военных учебных заведениях. 4 декабря 1918 г. Измestьев был назначен заведующим Учебной частью Третьих пехотных финских командных курсов.

В начале 1919 г. в Петрограде на финском языке вышла его книга «Краткое руководство по элементарной и общей тактике». В ней уже учитывался опыт Первой мировой войны. Эту публикацию использовали как первую книгу по тактике на всём протяжении работы военной школы. Отметим, что П. И. Измestьев в своих трудах рассматривал влияние социальных по-

трясений и революций на военную технику, тактику и стратегию³⁰. В 1920 г. на короткий период он стал начальником Первой петроградской пехотной школы, где также преподавал тактику и военную разведку. При переводе финских курсантов в Интернациональную военную школу Измestьев, как он сам отмечал, «остался в Интернациональной, ибо сжился с финнами, которых умел уже понимать»³¹. П. И. Измestьев умер в марте 1925 г.

В военной школе существовал комитет РКП (б), который действовал в тесном контакте с военной организацией ФКП³². Комитет состоял из комиссара школы и политических инструкторов. Комиссарами школы в разное время были Э. Рахья, О. В. Куусинен, Ю. Рахья, Г. Ровио. В каждой роте существовали «ячейки» из кандидатов и членов партии, формировавшиеся с помощью комитета РКП (б). Комитет имел большие полномочия с точки зрения поддержания дисциплины: «[о]н мог даже своим отзывом лишить воинских званий уже окончивших обучение красных офицеров»³³.

Курсанты, по выражению М. М. Коронена, «активно участвовали во всех делах, которыми жил город в то время»³⁴. Они помогали органам ЧК бороться с бандитизмом и спекуляцией, а также рабочими волнениями в Петрограде. Курсанты заготавливали дрова для нужд города. В составе петроградских продотрядов они участвовали в хлебных экспроприациях в центральных районах страны. В 1920-е гг. финские военные шефствовали над финским детским домом, помогая материально и посылая спортивных инструкторов. Помощь в организации спортивной подготовки они также оказывали студентам петроградского отделения Коммунистического университета национальных меньшинств Запада.

Стоит кратко остановиться на материально-бытовых условиях жизни курсантов, тем более что они стали одной из причин активного участия некоторых курсантов и краскомов в конфликте между представителями «верхов» и «низов» финской политической эмиграции, который привёл к кровавому террористическому акту 31 августа 1920 г.³⁵ Проблемы петроградской военной школы несколько раз поднимались на втором съезде ФКП осенью 1919 г. Съезд постановил создать специальный комитет для изучения обстановки на месте. Комитет вошел в контакт с курсантами и получил от них длинный список жалоб. Главной проблемой было крайне скудное питание. Т. Вякя, бывший курсантом в самом начале 1920-х гг., вспоминал об этом времени: «Часть хлебного пайка отчисляли голодающим. Им же «приварочное довольствие». На день оставалось 300 граммов хлеба и сахар. Соль – тоже: по три золотника. Прямо говоря – маловато еды»³⁶. Доходило до того, что курсантам приходилось есть собачатину. Обмундирование также оставляло желать лучшего. Кроме того, курсанты жаловались, что в их числе были отсталые и непригодные для военной службы люди, даже преступники³⁷. При этом дисциплину пытались поддерживать самыми суровыми мерами. Во время Гражданской войны имели место случаи, когда некоторым курсантам выносились смертные приговоры за кражу пищи у товарищей³⁸.

До осени 1923 г. военное обучение в Петрограде прошли около 800 финских «красных офицеров»³⁹. Они воевали на различных фронтах Гражданской войны в России, в том числе под Петроградом, участвовали в стол-

кновениях с финскими добровольческими отрядами в российской Карелии. Деятельность Интернациональной военной школы являлась предметом неоднократных протестов со стороны МИД Финляндии в адрес НКВД, в которых указывалось, что существование подобной школы противоречит условиям Тартуского мирного договора (1920) и советско-финского договора о неприкосновенности границы (1922)⁴⁰. Осенью 1926 г. школа приказом Реввоенсовета была ликвидирована, однако подготовка офицерских кадров из числа финнов на этом не закончилась. Она продолжалась затем в Ленинградской пехотной школе командного состава РККА им. тов. Склянского и 1-й Ленинградской артиллерийской школе⁴¹.

1. *Холодковский В. М.* Революция 1918 года в Финляндии и германская интервенция. М.: Наука, 1967. С. 157.
2. *Свечников М. С.* Революция и гражданская война в Финляндии: 1917–1918 годы: (Воспоминания и материалы). М, Пг.: Гос. изд-во, 1923. С. 76.
3. *Мусаев В. И.* Петроград как центр «красной» финской эмиграции (1918–1920). // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: материалы Тринадцатой ежегодной научной конференции (5–7 апреля 2011 г.). СПб.: РХГА, 2012. С. 125.
4. *Зыков Е. М., Попов Н. А.* Участие финских пролетариев в защите Советской Республики в 1918–1922 гг. // «Научные доклады высшей школы. Исторические науки». 1961. № 1. С. 19.
5. *Salomaa M.* Punaupseerit. Juva, 1992. S. 96.
6. *Salomaa M.* Punaupseerit. Juva: WSOY, 1992. 468 s.
7. *Коронен М. М.* Финские интернационалисты в борьбе за власть Советов. Л.: Лениздат, 1969. С. 193.
8. *Salomaa M.* Punaupseerit. S. 103–104.
9. *Коронен М. М.* Финские интернационалисты в борьбе за власть Советов. С. 194.
10. *Петров И. М.* Красные финны: Воспоминания. Петрозаводск: Карелия, 1973. С. 51.
11. Там же. С. 53.
12. *Петров И. М.* Красные финны: Воспоминания. С. 52; *Salomaa M.* Punaupseerit. S. 104.
13. *Vihavainen T.* Internationalists' ordeal. The peculiar story of the Red Finns in Soviet Russia // *Scandinavian Journal of History*. Vol. 10. № 1, 1985. P. 64.
14. *Salomaa M.* Punaupseerit. S. 97.
15. *Коронен М. М.* Финские интернационалисты в борьбе за власть Советов. С. 199–200.
16. Там же. С. 195–196.
17. *Salomaa M.* Punaupseerit. S. 97.
18. *Ibid.* S. 104.
19. *Коронен М. М.* Финские интернационалисты в борьбе за власть Советов. С. 195.
20. *Salomaa M.* Punaupseerit. S. 105.
21. *Ibid.* S. 107.
22. *Петров И. М.* Красные финны: Воспоминания. С. 58.
23. *Коронен М. М.* Финские интернационалисты в борьбе за власть Советов. С. 204–205.
24. *Дубровская Е. Ю.* «...О времени и о себе...»: воспоминания «красных финнов» о революции и гражданской войне в Карелии. // Российские финны: вчера, сегодня, завтра. Материалы межрегиональной научной конференции, посвященной 20-летию Ингерманландского союза финнов Карелии. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2010. С. 65.
25. *Salomaa M.* Punaupseerit. S. 97.
26. *Черушев Н. С., Черушев Ю. Н.* Расстрелянная элита РККА (командармы 1-го и 2-го рангов, комкоры, комдивы и им равные), 1937–1941: биографический словарь. М.: «Кучково поле», 2012. С. 218.
27. *Salomaa M.* Punaupseerit. S. 100.
28. По решению суда в июле 1922 г. обвиняемый П.И. Измestьев был оправдан.
29. *Рупасов А. И.* Дело Петроградского отделения эстонской контрольно-оптационной комиссии. 1921–1922 гг. // Петербургский исторический журнал. 2017. № 2 (14). С. 77. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/delo-petrogradskogo-otdeleniya-estonskoy-kontrolno-optatsionnoy-komissii-1921-1922-gg> Дата обращения: 14.10.2018.

30. См: *Salomaa M.* Punaupseerit. S. 112.
31. *Рупасов А. И.* Дело Петроградского отделения эстонской контрольно-оптационной комиссии. С. 78.
32. При этом надо учитывать, что с осени 1919 г. вся политическая деятельность среди финнов, в том числе эмигрантов, на территории Советской России перешла в руки финских организаций при РКП(б). См: *Карвонен Т., Куусинен Х., Лехтинен И., Лехен Т., Эйкия А., Янхунен М.* Из истории Коммунистической партии Финляндии. М.: Госполитиздат, 1960. С. 31–32.
33. *Salomaa M.* Punaupseerit. S. 103.
34. *Коронен М. М.* Финские интернационалисты в борьбе за власть Советов. С. 200.
35. Подробно см: *Измозик В. С.* Дело «Красных финнов» // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2014. № 4 (30). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/delo-krasnuyh-finnov> Дата обращения: 12.10.2018.
36. *Петров И. М.* Красные финны: Воспоминания. С. 64.
37. *Paastela J.* Finnish communism under Soviet totalitarianism: Oppositions within Finnish communist party in Soviet Russia 1918–1935. Helsinki: Aleksanteri inst., 2003. P. 160.
38. *Salomaa M.* Punaupseerit. S. 103.
39. *Hakalehto I.* Suomen kommunistinen puolue ja sen vaikutus poliittiseen ja ammatilliseen työvænliikkeen 1918–1928. Helsinki, 1966. S. 77.
40. *Мусаев В. И.* Петроград как центр «красной» финской эмиграции (1918–1920). С. 126.
41. *Salomaa M.* Punaupseerit. S. 98.

Литература

- Дубровская Е. Ю.* «...О времени и о себе...»: воспоминания «красных финнов» о революции и гражданской войне в Карелии. // Российские финны: вчера, сегодня, завтра. Материалы межрегиональной научной конференции, посвященной 20-летию Ингерманландского союза финнов Карелии. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2010. С. 63–70.
- Зыков Е. М., Попов Н. А.* Участие финских пролетариев в защите Советской Республики в 1918–1922 гг. // «Научные доклады высшей школы. Исторические науки». 1961. № 1. С. 14–27.
- Коронен М. М.* Финские интернационалисты в борьбе за власть Советов. Л.: Лениздат, 1969. 224 с.
- Карвонен Т., Куусинен Х., Лехтинен И., Лехен Т., Эйкия А., Янхунен М.* Из истории Коммунистической партии Финляндии. М.: Госполитиздат, 1960. 207 с.
- Митюрин Д. В.* «Дело маузеристов»: попытка реконструкции // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2005. С. 125–133.
- Мусаев В. И.* Петроград как центр «красной» финской эмиграции (1918–1920) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2012. С. 120–130.
- Петров И. М.* Красные финны: Воспоминания. Петрозаводск: Карелия, 1973. 239 с.
- Петров П. В.* Документы об участии Финляндии в событиях революции и Гражданской войны в России в фондах ЦГАИПД СПб // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Выборг, 2018. № 19 (2). С. 81–86.
- Рупасов А. И.* Дело Петроградского отделения эстонской контрольно-оптационной комиссии. 1921–1922 гг. // Петербургский исторический журнал. 2017. № 2 (14). С. 71–96. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/delo-petrogradskogo-otdeleniya-estonskoy-kontrolno-optatsionnoy-komissii-1921-1922-gg> Дата обращения: 14.10.2018.
- Свечников М. С.* Революция и гражданская война в Финляндии: 1917–1918 годы: (Воспоминания и материалы). М., Пг.: Гос. изд-во, 1923. 122 с.
- Холодковский В. М.* Революция 1918 года в Финляндии и германская интервенция. М.: Наука, 1967. 387 с.

Черушев Н. С., Черушев Ю. Н. Расстрелянная элита РККА (командармы 1-го и 2-го рангов, комкоры, комдивы и им равные), 1937–1941: биографический словарь. М.: «Кучково поле», 2012. 494 с.

Hakalehto I. Suomen kommunistinen puolue ja sen vaikutus poliittiseen ja ammatilliseen työväänliikkeeseen 1918–1928. Helsinki, 1966. 324 s.

Paastela J. Finnish communism under Soviet totalitarianism: Oppositions within Finnish communist party in Soviet Russia 1918–1935. Helsinki: Aleksanteri inst., 2003. 360 p.

Salomaa M. Punaupseerit. Juva: WSOY, 1992. 468 s.

Vihavainen T. Internationalists' ordeal. The peculiar story of the Red Finns in Soviet Russia // Scandinavian Journal of History. Vol. 10. № 1, 1985. P. 55–74.

Е. А. Бочков

Особенности организации тылового обеспечения действующей Красной армии в советско-финляндской войне (1939–1940 гг.)

В 2019 г. исполняется 80 лет начала военного конфликта между СССР и Финляндией. До настоящего времени советско-финляндская война (1939–1940 гг.) остается объектом пристального внимания, как профессиональных историков, так и обычных любителей прошлого. В многочисленных публикациях отечественными и зарубежными исследователями освещаются различные аспекты войны – политические, экономические, социальные, военные¹. В статье мы проанализируем на примере интендантского снабжения особенности организации тылового обеспечения действующей Красной армии в период этой войны.

Необходимо отметить, что до середины 1930-х гг. политическое и военное руководство СССР не рассматривало Финляндию как потенциального противника. Оперативные планы штаба Ленинградского военного округа (ЛВО), разработанные в 1932–1935 гг., носили преимущественно оборонительный характер, а группировка войск насчитывала не более 6 дивизий и 1 стрелковой бригады².

В связи с обострением военно-политической обстановки в Европе и обозначившимися тенденциями сближения Финляндии с нацистской Германией, Генеральный штаб РККА (ГШ РККА) всё более стал рассматривать северо-западного соседа как потенциального противника. В планирующих документах 1936–1937 гг. перед войсками ЛВО, кроме оборонительных, ставятся уже и активные наступательные задачи.

Весной 1939 г. штаб Ленинградского военного округа, оценив сложившуюся военно-политическую обстановку на Северо-западном театре военных действий (ТВД), приходит к мнению, что в случае войны СССР с Германией, союзницами последней будут Польша, Финляндия и Эстония³. Этот же вывод содержится и в работе Санкт-петербургского историка С. Н. Ковалёва⁴.

Уже осенью 1939 г. политическое и военное руководство СССР пришло к заключению, что введущие с Финляндией переговоры о переносе границы закончатся безрезультатно, а потому стало склоняться к разрешению спора вооруженным путем. Как предполагает исследователь П. В. Петров, первоначальный план военных действий СССР против Финляндии обсуждался в сентябре 1939 г. После чего план неоднократно корректировался⁵.

29 октября 1939 г. Военный совет Ленинградского военного округа обсудил окончательный вариант «Плана разгрома сухопутных и морских сил Финляндии», который получил одобрение Генерального штаба РККА, и был утвержден наркомом обороны СССР маршалом Советского Союза К. Е. Ворошиловым. Командующим войсками Ленинградского военного округа, силами Балтийского и Северного флотов было дано распоряжение о переходе на повышенную боевую готовность.

К началу войны группировка советских войск выглядела следующим образом. На Карельском перешейке должна была наступать 7-я армия (командарм 2 ранга В. Ф. Яковлев). На мурманском направлении была развернута 14-я армия (комдив В. А. Фролов). На кандалакшском, ухтинском и ребельском направлениях должны были действовать соединения и части 9-й армии (комкор М. П. Духанов). На петрозаводском направлении была сосредоточена 8-я армия (командующий И. П. Хабаров)⁶. Всего группировка советских войск насчитывала примерно 422,6 тыс. человек, около 2,5 тыс. орудий и минометов, почти 2 тыс. танков, 1863 самолета. Действия 14-й армии поддерживал Северный флот, 7-й армии – Балтийский флот и Ладжская военная флотилия. Всего для поддержки сухопутных войск привлекалось около 200 боевых кораблей⁷.

Вооруженные силы Финляндии к началу войны составляли: 9 пехотных дивизий, 4 пехотные бригады, 1 кавалерийская бригада, 35 отдельных батальонов (шюцкору, егеря, ополченцы), 23 отдельных роты (береговая и пограничная охрана), всего 140 батальонов; 1 танковый батальон (30 легких танков); 114 самолетов различных типов английского, французского и итальянского производства; 420 полевых пушек калибра от 76 до 152-мм, в том числе 104 гаубицы, и 110 противотанковых пушек калибра 37-мм, всего 530 орудий. Военно-морские силы Финляндии имели на вооружении: 2 броненосца, 5 подводных лодок, 12 канонерок, 30 сторожевиков и 7 минных заградителей⁸.

Значительную военно-техническую помощь Финляндии оказали западные державы. За время войны они поставили 350 самолетов, 500 орудий, свыше 6 тыс. пулеметов, около 100 тыс. винтовок, 650 тыс. ручных гранат, 2,5 млн. снарядов и свыше 160 млн. патронов. В рядах вооруженных сил Финляндии сражалось около 11,5 тыс. «добровольцев» из США, Швеции, Норвегии, Бельгии и ряда других западноевропейских государств⁹.

Советско-финляндская война явилась серьезным испытанием как для всей Красной армии, так и для ее тыла. Интендантское снабжение соединений и частей Красной армии, развернутых вдоль государственной границы СССР от побережья Баренцева моря до Финского залива было возложено на управление снабжения Ленинградского военного округа.

Тем не менее, можно утверждать, что руководство Народного комиссариата обороны СССР (НКО СССР) и ГШ РККА подошли к подготовке этой операции в тыловом отношении достаточно беспечно. Система тылового обеспечения войск не была переведена с мирного на военное положение. Органы тыла Ленинградского военного округа не были развернуты до штатов военного времени, а система снабжения и поставок материальных средств по-прежнему осуществлялась на принципах, установленных для мирного времени. Так, например, управление снабжения ЛВО вплоть до 1 февраля 1940 г. содержалось по штатам мирного времени.

Отсутствовали и фронтные базы интендантского и других видов снабжения. В определенной степени их роль выполняли продовольственные и обозно-вещевые склады центрального подчинения, расположенные в Ленинграде, Пскове, Петрозаводске и Красногвардейске (Гатчине). До нача-

ла войны (30 ноября 1939 г.) не были сформированы и другие учреждения продовольственно-фуражной и обозно-вещевой служб, столь необходимые для обеспечения войск в боевой обстановке – хлебопекарни, ремонтные мастерские, прачечные и т. п. Предполагалось, что для снабжения войск будет использована производственно-хозяйственная база Ленинграда и Ленинградской области. Как показала боевая практика, такой расчет оказался ошибочным.

Армейские управления снабжения также содержались в сокращенном составе. Так, например, управление снабжения 7-й армии до середины января 1940 г. имело в своем составе всего 15 человек вместо 49 по штату (30,6 %). Из тыловых учреждений продовольственно-фуражной и обозно-вещевой служб 7-я армия к началу боевых действий имела три головных продовольственных склада, при которых находилось всего два автохлебозавода ПАХ и одна печь Пейера. Ввиду отсутствия в армии штатного головного обозно-вещевого склада приказом начальника снабжения 7-й армии от 27 ноября 1939 г. был сформирован нештатный обозно-вещевой склад за счет штата армейского гурта скота. Других учреждений тыла армия не имела. Вместе с тем, объем работ по интендантскому снабжению войск был огромен. Суточная потребность только 7-й армии составляла: 344 тонны продовольствия, 231 тонну овса и 277 тонн сена¹⁰. Для подвоза такого количества продовольствия и фуража (852 тонны) ежедневно требовалось около 125 вагонов¹¹. При подготовке операции эти обстоятельства были проигнорированы, что в дальнейшем отрицательно сказалось на деятельности органов тыла.

К началу боевых действий войска были обеспечены продовольствием и фуражом в полном объеме. Вместе с тем, необходимо отметить, что обеспеченность продовольствием и фуражом соединений и частей внутри армий была неравномерной. Лучшее положение было в 90-й, 24-й и 43-й стрелковых дивизиях, имевших по 8-9 суточных дач (сутодач)¹². Хуже обстояло дело в 138-й стрелковой дивизии, где запасы не превышали по продовольствию 5 сутодач, а овса и сена – 4 сутодачи¹³.

Неравномерно были распределены продукты и среди головных продовольственных складов. Так, например, в Головном продовольственном складе (ГПС) № 1309, который обеспечивал 50-й стрелковый корпус, отсутствовал сахар, а мяса и овощей имелось лишь в размере 0,5 сутодачи. Эта неравномерность в распределении продуктов не была устранена вплоть до окончания войны. Причины этого ненормального положения заключались в том, что снабжение войск осуществлялось по планам мирного времени. Промышленность, сельское хозяйство, транспорт не были мобилизованы и работали в обычном режиме.

Интендант первого ранга М. В. Захаров в своем выступлении в Военно-хозяйственной академии на научно-практической конференции (23-25 июля 1940 г.), посвященной изучению опыта советско-финляндской войны, отмечал: «Учитывая, что наша промышленность не мобилизована, народное хозяйство не мобилизовано, мы не могли работать с поставщиками по-военному... Война велась лишь Ленинградским округом. Весь же Советский Союз жил мирной жизнью, ни одно предприятие промышленности не было

переведено на военный лад, не было мобилизовано. А поскольку мы работали в мирной обстановке и по мирному графику, мы должны были работать и обеспечивать войска Ленинградского военного округа, исходя из этого положения»¹⁴.

Техническое оснащение служб тыла в советско-финляндской войне было невысоким. Несмотря на значительные меры, принятые руководством СССР и Наркоматом обороны СССР во второй половине 1930-х гг. по механизации и моторизации РККА, обеспечить все части автомобилями и тракторами в необходимом количестве не представлялось возможным как по экономическим, так и по техническим причинам. В первую очередь техника поставлялась в боевые части и подразделения. Части и учреждения тыла обеспечивались техническими средствами по остаточному принципу. Это приводило к снижению маневренности войскового тыла и ограничивало возможности органов тыла по обеспечению войск.

В 1930-е гг. советскими конструкторами и инженерами были разработаны перспективные образцы техники тыла: походная автоприцепная кухня КП-3-37, модернизированная походная кухня на конной тяге, походный кипятильник ПНК, полевой автохлебозавод ПАХ, передвижная мельничная установка МУ-900/3000, полевой мяскокомбинат ПМК-40 и другие¹⁵.

Однако отечественная промышленность только осваивала их производство, и в войсках преобладали в основном старые технические средства. Так, например, значительную часть техники продовольственной службы составляли старые изношенные образцы, требующие капитального ремонта или вообще подлежащие списанию. Походные кухни были в основном на конной тяге, имели небольшую производительность и малую скорость передвижения. Трехкотельные кухни-автоприцепы только начали поступать в войска, и количество их было небольшое.

К началу боевых действий соединения и части были укомплектованы всеми образцами походных кухонь на 92 % (не хватало 92 походных кухни), а походными кипятильниками на 89 % (не хватало 99 кипятильников)¹⁶. Это обеспечивало нормальную организацию питания военнослужащих в полевых условиях в мирное время, но создавало определенные трудности в работе продовольственной службы в боевой обстановке.

К началу военных действий войска в основном были обеспечены вещевым имуществом по нормам зимнего времени. Валенками личный состав не обеспечивался, так как по состоянию погоды в этом не было необходимости. Вот как описывает состояние погоды на Карельском перешейке в октябре – ноябре 1939 г. участник советско-финляндской войны командир артиллерийского дивизиона 24-го корпусного артиллерийского полка (24-го КАП) Герой Советского Союза капитан В. К. Лаптев: «Погода стояла неустойчивая: иногда – тепло (относительно), а в большинстве – холодно. Часто шёл снег. Когда делалось теплее, таял. Стояла жуткая грязь»¹⁷. В Ленинградском военном округе на текущем довольствии и в неприкосновенном запасе (НЗ) имелось 186900 пар валенок. Кроме этого 200 тыс. пар валенок были отгружены из складов Наркомата обороны СССР и находились в пути¹⁸.

В исторической литературе, а также в публицистике обсуждается тема «разутого» и «голодного» красноармейца, воевавшего на заснеженных полях Финляндии. Необходимо прекратить словесную спекуляцию и манипулирование информацией. Действительно, потери действующей Красной армии в советско-финляндской войне (1939–1940 гг.) значительны. По данным Главного управления кадров Министерства обороны СССР и Главного штаба Сухопутных войск, общие потери личного состава РККА (по итоговым донесениям из соединений и частей на 15 марта 1940 г.) за время боевых действий составили 333084 человека. Из них: убито и умерло на этапах санитарной эвакуации – 65384, пропало без вести – 19610, ранено, контужено, обожжено – 186584, обморожено – 1892 человека¹⁹.

В процентном отношении количество обмороженных составляет 0,57 %. Однако, необходимо понимать, что данная цифра не отражает реальное положение дел: 1892 – это количество военнослужащих, получивших обморожения, но оставшихся в живых. Сколько бойцов и командиров погибло от холода, сегодня установить не удастся. Данные об этой категории военнослужащих вошли в разделы статистического отчёта – «убито и умерло на этапах санитарной эвакуации» и «пропало без вести».

При этом следует учитывать, что от холода в основном гибли бойцы и командиры частей, окружённых финскими рейдовыми отрядами на лесных дорогах и в межозёрных дефиле. Пребывание в течение нескольких суток на морозе (даже при наличии тёплого обмундирования и зимней обуви) неизбежно ведёт к переохлаждению организма и, в конечном счёте, к гибели. Это хорошо понимали финны. Они не стремились уничтожать оборонявшихся в «котлах» советских военнослужащих. В первую очередь, финское командование явно стремилось ликвидировать полевые кухни и пункты хозяйственного довольствия. А дальше – голод и мороз завершали «дело».

Конечно, обмундирование образца 1930-х гг. не в полной мере отвечало климатическим и боевым условиям, в которых пришлось действовать военнослужащим Красной армии в период советско-финляндской войны. Боец, одетый в шинель, подбушлатник, ватные брюки и валенки, на поле боя был малоподвижен. А суконный шлем, именуемый «будёновкой», не защищал от сильных морозов. При этом заметим, что зимний вариант «будёновки» имел ватную подкладку. Одновременно с суконным шлемом с 1931 по 1940 гг. в РККА на снабжении состояла шапка-финка. Однако этот головной убор не получил широко распространения в войсках. Уже после окончания войны приказом народного комиссара обороны СССР от 5 июля 1940 г. вместо суконного шлема и шапки-финки была введена шапка-ушанка.

Начальник Санитарного управления РККА (СУ РККА) Е. И. Смирнов, выступая 7 апреля 1940 г. на совещании начальствующего состава санитарной службы Ленинградского военного округа подчеркнул: «Боевые действия на Северо-Западном театре военных действий проходили в тяжелых климатических условиях: зима с большими морозами, слабо развитые грунтовые дороги с бесконечными пробками, почти полное отсутствие жилфонда для развертывания наших полевых санитарных учреждений – все это осложняло нашу

работу; но вместе с тем, это положение показало действительную войну, к которой нужно готовиться...»²⁰.

Об этом же в своей рукописи пишет и начальник снабжения РККА корпусной комиссар А. В. Хрулёв: «...Мы не были готовы к войне в зимних условиях, так как у нас не было достаточного количества зимних вещей, а армия не была подготовлена к тому, чтобы вести войну в зимних условиях»²¹.

Были определённые трудности и с укомплектованием служб тыла техникой. Так, например, в 7-й армии из десяти подвижных механизированных мастерских по ремонту обуви ПОРАМ, положенных по штату, имелось только пять, а из восьми походных мастерских для ремонта обоза и шорно-седельных изделий в войсках было только две мастерские ШОРСАМ²². Некомплект технических средств ремонта также негативно влиял на деятельность службы обозно-вещевого снабжения, как в период подготовки операции, так и в ходе войны.

Для торгово-бытового обслуживания войск был сформирован армейский военторг, которому были подчинены две спецбазы Ленинградского военного округа. Эти базы находились на станциях Токсово и Левашово и пополнялись из стационарных баз военторга. Подвоз продуктов дополнительного питания и предметов первой необходимости от армейских баз военторга до корпусных и дивизионных распределителей и далее до полковых лавок был возложен на командование соединений и частей, которые были обязаны выделять для этих целей транспортные средства.

На фронте от Мурманска до Ладожского озера были развернуты 14-я, 9-я и 8-я армии (всего 6 корпусов). В последующем была сформирована еще 15-я армия. В результате к концу войны на этом участке фронта действовало четыре армии. В своем составе они имели большое количество танковых частей, а их действия поддерживала сильная авиационная группировка. Это вело к увеличению объемов поставляемых материальных средств (прежде всего, боеприпасов, горючего и смазочных материалов) и увеличивало нагрузку на органы тыла. Кроме того, на северном участке фронта была сосредоточена основная масса лыжных эскадронов, которые требовали специальной экипировки и обмундирования.

Большую помощь фронту в обеспечении материальными средствами оказали промышленные предприятия Ленинграда и Ленинградской области. На заводах и фабриках города было организовано производство минометного и стрелкового вооружения, боеприпасов, инженерных средств, средств связи; ремонт бронетанковой и автомобильной техники. Швейные фабрики шили для красноармейцев обмундирование, теплые вещи. Так, например, 31 декабря 1939 г. бюро Ленинградского горкома и обкома ВКП(б) приняло решение о пошиве для нужд действующей армии 30 тыс. ватных одеял и 40 тыс. пар рукавиц²³. По данным исследователя А. Н. Щербы, по состоянию на февраль 1940 г. промышленность Ленинграда выпустила для нужд фронта военной продукции на 40 млн. рублей. Кроме того, по заявкам Ленинградского военного округа было дополнительно произведено продукции, стоимость которой оценивается в 2 млн. рублей²⁴.

После окончания советско-финляндской войны в высших эшелонах власти Советского Союза предприняли попытки анализа хода и итогов военного конфликта. 26–28 марта 1940 г. состоялся пленум ЦК ВКП(б), на котором был заслушан доклад К. Е. Ворошилова «Уроки войны с Финляндией». 14–17 апреля 1940 г. в Москве прошло совещание начальствующего состава РККА. На совещании было принято решение создать комиссию по обобщению опыта военных действий и выработке предложений по изменению организационно-штатной структуры соединений и частей РККА, совершенствованию боевой подготовки войск, развитию техники и вооружения, а также развитию системы тылового обеспечения войск. Было создано несколько подкомиссий, в том числе «по вопросам организации и системы военно-хозяйственного снабжения Красной армии», которую возглавил начальник снабжения РККА корпусной комиссар А. В. Хрулёв. 19–20 апреля 1940 г. подкомиссия оформила протокол, в котором содержались конкретные предложения по изменению норм продовольственного и фуражного довольствия, совершенствованию обмундирования военнослужащих, повышению технической оснащённости служб тыла, по общей организации военно-хозяйственного тыла²⁵.

В рамках статьи не представляется возможным осветить все стороны многогранной деятельности органов тыла Красной армии в период советско-финляндской войны, поэтому мы ограничились лишь анализом деятельности служб интендантского снабжения. Подводя итоги, можем сказать, что, несмотря на имеющиеся недостатки в деятельности продовольственно-фуражной и обозно-вещевой служб в подготовительный период, обеспеченность войск предметами интендантского снабжения была удовлетворительной. Вместе с тем, руководство НКО СССР, командование ЛВО, руководители органов тыла при организации тылового обеспечения предстоящей операции не учли особенности театра военных действий, географические и климатические условия. Ставка делалась на проведение скоротечной операции. Органы тыла не готовились к обеспечению соединений и частей, действовавших в условиях бездорожья, глубокого снежного покрова и низких температур. В дальнейшем это имело весьма трагические последствия для советских войск.

Советско-финляндская война потребовала колоссального количества материальных средств для действующей армии. Так как запасы материальных средств в Ленинградском военном округе не обеспечивали проведение предстоящей операции, был организован их подвоз из внутренних районов страны. Народное хозяйство, хотя и оставалось на мирном положении, но производило все необходимое для действующей Красной армии.

1. См.: например: *Барышников В. Н.* Безопасность Ленинграда: к вопросу о времени принятия в Москве решения о начале войны против Финляндии // Университетские Петербургские чтения. СПб., 2003. С. 55–72; *Барышников В. Н.* Забытые источники: к проблеме дальнейшего изучения боевых действий на Карельском перешейке в «зимнюю войну» // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. СПб., 2018. Серия 2. № 1. С. 125–133; *Барышников В. Н.*

К вопросу о планировании Советским Балтийским флотом военных действий против Финляндии в 1930-е гг. (расчеты и реальность) // Россия и Финляндия в XX веке. СПб.: Vaduz-Liechtenstein, 1997. С. 100–115; *Барышников В. Н.* Начало зимней войны // Война и политика. М., 1999. С. 174–191; *Барышников В. Н.* От прохладного мира к зимней войне: Восточная политика Финляндии в 1930-е годы. СПб., 1997; *Барышников В. Н.* Экономика и социально-политическая обстановка в СССР // Зимняя война 1939–1940. Книга 1 Политическая история. М.: Наука, 1998. С. 215–227; *Барышников В. Н.* Радио-разведка Финляндии и Зимняя война 1939–1940 годов // Защита информации. INSIDE. 2018. № 5. С. 86–91; *Барышников Н. И., Лайдинен Э. П.* Из истории советско-финляндских отношений. СПб., 2013; *Бои в Финляндии. Воспоминания участников.* Ч. 2. М., 1941; *Веригин С. Г.* Противостояние: Борьба советской контрразведки против финских спецслужб (1939–1940). Петрозаводск, 2018; *Зимняя война 1939–1940 гг. в документах НКВД.* СПб., 2010; *Жуков С. А.* Организация материального снабжения Красной армии в Советско-финляндской войне. 1939–1940 гг. СПб.: ВАТТ, 2010; *Зимняя война.* Исследования, документы, комментарии. К 70-летию Советско-финляндской войны. М., 2009; *Иришчев Б. К.* Танки в зимней войне. М., 2013; Материально-техническое обеспечение Красной армии в вооруженных конфликтах и локальных войнах (конец 1930-х – начало 1940-х гг.). Военно-исторический труд. М.: ООО «Буки Веди», 2016; На страже северо-западных рубежей Отечества. Очерки по истории Краснознаменного Северо-западного пограничного округа. СПб., 1998; *От войны к миру: СССР и Финляндия в 1939–1944 гг.* Сб. ст. СПб., 2006; *Правда и вымысел о войне. Проблемы историографии Великой Отечественной войны 1941–1945.* СПб.–Пушкин, 1997. «Приказываю решительно прекратить представление таких разведсводок...». Разведывательные сводки 5-го управления НКВД СССР за период Советско-финляндской войны. М., 2018; *Рупасов А. И., Чистиков А. Н.* Советско-финляндская граница. 1918–1938 гг. СПб., 2016; *Советско-финляндская война 1939–1940.* В 2 т. СПб., 2003; *Советско-финская война. 1939–1940 гг.* Хрестоматия. Мн., 1999; *Тайны и уроки Зимней войны. 1939–1940.* СПб., 2000; *Ширококоряд А. Б.* Три войны «Великой Финляндии». М., 2007.

2. Советско-финляндская война 1939–1940. Т. 1. С. 151. См.: также: *Барышников В. Н.* Проблема обеспечения безопасности Ленинграда с севера в свете осуществления советского планирования 1932–1941 гг. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2002. № 3. С. 93–102; *Барышников В. Н.* К вопросу о планировании Советским Союзом войны с Финляндией в 20–30-е гг. // Первые Петербургские кареевские чтения по новистике. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. С. 152–154.
3. Советско-финляндская война 1939–1940. Т. 1. С. 152.
4. См.: *Ковалёв С. Н.* Советские войска на территории стран Балтии (1939–1940 гг.). СПб., 2008.
5. Советско-финляндская война 1939–1940. В 2 т. Т. 1. С. 154–155. См.: также: *Барышников В. Н.* Переписка Генштаба Красной Армии с командованием Ленинградского военного округа как источник по истории подготовки СССР осенью 1939 г. войны с Финляндией // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2012. С. 309–323.
6. Советско-финская война. 1939–1940 гг.: Хрестоматия. С. 65–66.
7. Отечественная военная история. Т. 2–3. М., 2003. С. 256. См.: также: *Великая Отечественная война 1941–1945 годов.* М.: 2012. Том 2. Происхождение и начало войны. М., 2012. С. 334–363.
8. Советско-финская война. 1939–1940 гг.: Хрестоматия. С. 63–64.
9. История Второй мировой войны. 1939–1945. В 12 т. Т. 3. М., 1974. С. 363. Подробно см.: *Барышников В. Н.* Роль международной финансово-экономической помощи Финляндии в войне против СССР 1939–1940 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. 2014. Вып. 3. С. 59–72; *От национальных государств к единой Европе: проблемы европейской интеграции в XIX–XX вв.* СПб., 2016.
10. Библиотека ВАМТО. Инв. № 3556. Комиссия по описанию советско-финляндской войны: Интендантское снабжение Советской армии в советско-финляндской войне 1939–1940 гг. Машинописный экземпляр. С. 11.
11. Там же.
12. Суточная дача (сутодача) – расчётно-снабженческая единица в системе продовольственного обеспечения войск (сил), соответствующая количеству продовольствия, положенного по установленным нормам для питания одного военнослужащего в сутки. Для подразделения, части (корабля), соединения и объединения исчисляется на списочный состав военнослужащих.
13. Комиссия по описанию советско-финляндской войны: Интендантское снабжение

Советской армии в Советско-финляндской войне 1939–1940 гг. С. 12–13.

14. Материалы военно-научной конференции по вопросам изучения опыта боевых действий Красной армии в борьбе с белофиннами в 1939–40 гг. (23–25 июля 1940 г.). Харьков, 1940. С. 84–85.
15. *Полухин Н. Ф., Патыченко Ю. Д.* В годы индустриализации // Тыл Вооруженных сил. 1987. № 7. С. 20–23.
16. Комиссия по описанию советско-финляндской войны: Интендантское снабжение Советской армии в Советско-финляндской войне 1939–1940 гг. С. 15.
17. Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи (ВИ-МАИВ и ВС). 1-й исторический фонд. Д. 19/2583. Л. 7 об.
18. Комиссия по описанию советско-финляндской войны: Интендантское снабжение Советской армии в советско-финляндской войне 1939–1940 гг. С. 14–15.
19. Россия и СССР в войнах XX века: Книга потерь. М., 2010. С. 173.
20. Филиал Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (Архив военно-медицинских документов). Ф. 1. Оп. 4064. Д. 28. Л. 3.
21. *Хрулёв А. В.* Записки интенданта: неопубликованная рукопись. М., 2017. С. 102.
22. Комиссия по описанию советско-финляндской войны: Интендантское снабжение Советской армии в советско-финляндской войне 1939–1940 гг. С. 15.
23. *Шерба А. Н.* Военная промышленность Ленинграда в 20–30-е годы. СПб., 1999. С. 124.
24. Там же. С. 127.
25. «Зимняя война»: работа над ошибками (апрель – май 1940 г.). Материалы комиссии Главного военного совета Красной армии по обобщению опыта финской кампании. М., 2004. С. 116–122.

Литература

Барышников В. Н. Безопасность Ленинграда: к вопросу о времени принятия в Москве решения о начале войны против Финляндии // Университетские Петербургские чтения. СПб.: Изд-во «Знаменитые универсанты», 2003. С. 55–72.

Барышников В. Н. Забытые источники: к проблеме дальнейшего изучения боевых действий на Карельском перешейке в «зимнюю войну» // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Серия 2. № 1. 2018. С. 125–133.

Барышников В. Н. К вопросу о планировании Советским Балтийским флотом военных действий против Финляндии в 1930-е гг. (расчеты и реальность) // Россия и Финляндия в XX веке. СПб.: Vaduz-Liechtenstein, Издательство «Европейский дом», 1997. С. 100–115.

Барышников В. Н. Начало зимней войны // Война и политика. М.: Наука, 1999. С. 174–191.

Барышников В. Н. Проблема обеспечения безопасности Ленинграда с севера в свете осуществления советского планирования 1932–1941 гг. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2002. № 3. С. 93–102.

Барышников В. Н. Военный аспект проблемы Ленинграда в советско-финляндских отношениях конца 30-х годов // Петербургские чтения 98–99. Материалы Энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург–2003». СПб., 1999.

Барышников В. Н. К вопросу о планировании Советским Союзом войны с Финляндией в 20–30-е гг. // Первые Петербургские кареевские чтения по новистике. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 1996. С. 152–154.

Барышников В. Н. От прохладного мира к зимней войне: Восточная политика Финляндии в 1930-е годы. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 1997. 353 с.

Барышников В. Н. Переписка Генштаба Красной Армии с командованием Ленинградского военного округа как источник по истории подготовки СССР осенью 1939 г. войны с Финляндией // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2012. С. 309–323.

Барышников В. Н. Радиоразведка Финляндии и Зимняя война 1939–1940 годов // Защита информации. INSIDE. 2018. № 5. С. 86–91.

Барышников В. Н. Роль международной финансово-экономической помощи Финляндии в войне против СССР 1939–1940 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. 2014. Вып. 3. С. 59–72.

Барышников В. Н. Экономика и социально-политическая обстановка в СССР // Зимняя война 1939–1940. Книга 1. Политическая история. М.: Наука, 1998. С. 215–227.

Барышников Н. И., Лайдинен Э. П. Избранное. Из истории советско-финляндских отношений. СПб.: Изд-во РХГА, 2013. 495 с.

Бои в Финляндии. Воспоминания участников. Ч. 2. М.: Изд-во Наркомата обороны Союза ССР, 1941. 540 с.

Бочков Е. А. Транспортное обеспечение Красной Армии в советско-финляндской войне 1939–1940 гг. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2009. С. 140–151.

Будко А. А., Иванович Ф. А. Военная медицина СССР и Финляндия в советско-финляндской (зимней) войне 1939–1940 гг. СПб.: ВММ МО РФ, 2005. 290 с.

Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 2. Происхождение и начало войны. М.: Кучково поле, 2012. 1008 с.

Веригин С. Г. Противостояние: Борьба советской контрразведки против финских спецслужб (1939–1940). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2018. 279 с.

Жуков С. А. Об оценке работы тыла советских войск в период «зимней войны» 1939–1940 гг. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2009. С. 130–139.

Жуков С. А. Организация материального снабжения Красной армии в Советско-финляндской войне. 1939–1940 гг. СПб.: ВАТТ, 2010. 267 с.

Журавлев Д. А. Взаимодействие гражданских и военных органов при создании системы медицинской помощи в Ленинграде во время советско-финляндской войны // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2005. № 6. С. 148–162.

Журавлев Д. А. Влияние боевых действий на социально-экономическую обстановку в Ленинграде в период советско-финляндской войны 1939–1940 гг. Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2004. № 5. С. 122–137.

Журавлев Д. А. Медицинские работники Ленинграда в период советско-финляндской войны 1939–1940 гг. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2009. С. 152–166.

Журавлев Д. А. Обобщение опыта медицинского обеспечения Красной Армии в период советско-финляндской войны 1939–1940 гг. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2007. С. 125–139.

Журавлев Д. А. Организация медицинской помощи раненым и больным в Ленинграде во время советско-финляндской войны // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2002. С. 80–85.

Журавлев Д. А. Советско-финляндская война 1939–1940 гг. в воспоминаниях медиков // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2011. № 12. С. 310–319.

«Зимняя война»: работа над ошибками (апрель–май 1940 г.). Материалы комиссий Главного военного совета Красной армии по обобщению опыта финской кампании. М.: Летний сад, 2004. 560 с.

Зимняя война 1939–1940. Книга 1. Политическая история. М.: Наука, 1998. 383 с.

Зимняя война 1939–1940 гг. в документах НКВД. СПб.: Лик, 2010. 320 с.

Зимняя война. Исследования, документы, комментарии. К 70-летию Советско-финляндской войны. М.: Академкнига, 2009. 816 с.

Иршичев Б. К. Танки в зимней войне. М.: Тактикал пресс, 2013.

История тыла российских вооруженных сил (XVIII–XXI вв.): В 4 кн. Кн. 2. Тыл Красной армии во время Гражданской войны и межвоенный период. СПб.: ВАТТ, 2011. 438 с.

Ковалёв С. Н. Советские войска на территории стран Балтии (1939–1940 гг.). СПб.: Славия, 2008. 274 с.

Материально-техническое обеспечение Красной армии в вооруженных конфликтах и локальных войнах (конец 1930-х – начало 1940-х гг.). Военно-исторический труд. М.: ООО «Буки Веди», 2016. 384 с.

От войны к миру: СССР и Финляндия в 1939–1944 гг. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. 454 с.

От национальных государств к единой Европе: проблемы европейской интеграции в XIX–XX вв. СПб.: Издательство РХГА, 2016. 620 с.

Правда и вымысел о войне. Проблемы историографии Великой Отечественной войны 1941–1945. СПб.–Пушкин: Пушкинское высшее училище радиоэлектроники, 1997. 329 с.

Приказываю решительно прекратить представление таких разведсводок... Разведывательные сводки 5-го управления НКО СССР за период советско-финляндской войны. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2018. 432 с.

Рупасов А. И., Чистиков А. Н. Советско-финляндская граница. 1918–1938 гг. СПб.: Аврора, 2016. 242 с.

Советско-финляндская война 1939–1940. Т. 1. СПб.: Полигон, 2003. 542 с.

Советско-финская война. 1939–1940 гг. Хрестоматия. Минск: Харвест, 1999. 464 с.

Тайны и уроки Зимней войны. 1939–1940. СПб.: Полигон, 2000. 544 с.

Хрулёв А. В. Записки интенданта: неопубликованная рукопись. М.: Ректайм–Т, 2017. 636 с.

Широкорад А. Б. Три войны «Великой Финляндии». М.: Вече, 2007. 384 с.

Щерба А. Н. Военная промышленность Ленинграда в 20–30-е годы. СПб.: Нестор, 1999. 162 с.

**Создание военно-морских баз и береговой обороны
Краснознаменного Балтийского флота в Выборгском заливе и
Бьёркском архипелаге весной 1940 – весной 1941 гг.**

На заключительном этапе советско-финляндской войны, в период с 20 по 24 февраля 1940 г., части 43-й стрелковой дивизии 7-й армии Северо-Западного фронта и Берегового отряда сопровождения КБФ захватили острова Бьёркского архипелага – Койвистонсаари (Бьёрке), Тиуринсаари (Торсаари) и Пийсаари¹. 25 февраля Береговой отряд сопровождения перешел на остров Бьёрке и приступил к организации его обороны. Сразу же после захвата островов, 25 февраля 1940 г. приказом наркома ВМФ было сформировано Управление Бьёркского сектора береговой обороны (БО) КБФ². Новый сектор БО создавался на базе сохранившейся инфраструктуры бывшего финского 2-го полка береговой артиллерии, располагавшегося на островах Бьёркского архипелага и в Выборгском заливе. Поэтому, необходимо было провести осмотр оставленных финнами береговых батарей на островах Бьёркэ (Койвистонсаари), Торсаари (Тиуринсаари) и Пийсаари.

С этой целью комиссия под председательством полковника В. И. Герасимова в период с 25 февраля по 3 марта 1940 г. произвела детальное обследование захваченных оружейных позиций финнов, а именно – шестиорудийную 254-мм батарею на Бьёрке (батарею «Сааренпя»), двухорудийную 152-мм батарею на острове Бьёрке, четырехорудийную 152-мм батарею на острове Торсаари и двухорудийную 57-мм батарею на острове Торсаари³. Результаты осмотра финских батарей были изложены в акте. Комиссия посчитала, что «орудийные блоки всех батарей могут быть использованы для установки материальной части», но при этом было оговорено, что координаты данных батарей уже были известны противнику⁴.

Стоит отметить, что немногим ранее, в декабре 1939 г., специальная комиссия Артиллерийского научно-исследовательского морского института (АНИМИ) произвела обследование бывших русских оборонительных сооружений на форте Ино (бывший русский форт Николаевский), взорванных при отходе в мае 1918 г. Прежде всего, комиссию интересовала позиция бывшей башенной 305-мм батареи. В своих выводах комиссия отметила, что восстановление форта будет сопряжено с огромными расходами. В то же время, было отмечено, что на оружейных основаниях старой 305-мм батареи вполне возможно установить новую 180-мм батарею, используя для этого переходные плиты. Впрочем, к этому вопросу впоследствии руководство ВМФ больше не возвращалось, поскольку появилась возможность сооружения тяжелых морских батарей в Эстонии⁵.

5 марта 1940 г. Военный совет КБФ издал приказ, где поручил специальной комиссии под председательством коменданта Бьёркского укрепленного сектора (БУС) полковника В. Т. Румянцева произвести осмотр и выбор мест в Бьёркском архипелаге и Выборгском заливе для последующего сооружения там береговых батарей. В период с 11 по 27 марта комиссия провела

работу по выявлению наиболее подходящих оружейных позиций, по итогам которой был составлен акт. В результате были подобраны позиции для новых береговых батарей⁶. Уже 15 марта начальник Штаба КБФ Ю. А. Пантелеев отдал приказ, в соответствии с которым на острове Туппурансаари в Выборгском заливе следовало установить трехорудийную 152-мм батарею, с зачислением ее в состав Бьёркского укрепленного сектора⁷. Затем, для выполнения необходимых строительных работ по сооружению оружейных позиций в Выборгском заливе и Бьёркском архипелаге, приказом наркома ВМФ Н. Г. Кузнецова от 27 апреля 1940 г. было сформировано специальное «строительство в районе г. Выборга, с присвоением № 50... и подчинением Строительному отделу КБФ»⁸.

Всего командованием КБФ было запланировано установить в Бьёркском архипелаге и в Выборгском заливе 10 береговых батарей (из них пять трехорудийных 152-мм, одну пятиорудийную 130-мм и четыре четырехорудийные 45-мм). Батареи должны были располагаться в общей сложности 36 орудиями и 1140 человек личного состава. Кроме того, в район Бьёрке–Выборг–Тронгзунд было решено перебросить Отдельную бригаду морской пехоты (ОБМП), 50-й стрелковый батальон, 21-й пулеметный батальон и местную стрелковую роту, общей численностью в 5910 человек⁹.

Установка батарей началась сразу, как только туда прибыл личный состав батарей. В целом, монтаж береговых батарей занял 41 день: работы начались 25 марта и были завершены уже 9 мая 1940 г. С учетом батарей Островного укрепленного района (ОУР), всего в восточной части Финского залива в марте-апреле 1940 г. было установлено 19 береговых батарей. За это же время было перевезено в район Бьёрке–Выборг–Тронгзунд 5900 человек личного состава стрелковых частей и 2200 человек личного состава артиллерии¹⁰.

Еще во время советско-финляндской войны, 7 марта 1940 г. нарком ВМФ своим объявил еще и состав Шхерного отряда КБФ, предназначенного для действий в прибрежном районе Финляндии в случае продолжения боевых действий. В Шхерный отряд были включены 1-й дивизион канонерских лодок, 5-й дивизион тральщиков, звено сторожевых катеров, два дивизиона бронекатеров, 10-й зенитный артиллерийский дивизион и плавбаза «Курсант»¹¹. Впрочем, боевые действия завершились уже 13 марта, но командование ВМФ не спешило расформировывать Шхерный отряд. Вместо этого, 20 марта нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов отдал приказ, в котором потребовал «Шхерный отряд КБФ базировать на военно-морскую базу Выборг–Бьёрке»¹². Таким образом, за Краснознаменным Балтийским флотом закреплялся прибрежный район между Выборгом и Койвисто (Бьёрке) для последующего создания там системы военно-морских баз флота.

27 марта 1940 г. командующий КБФ В. Ф. Трибуц отдал еще приказ, которым назначил специальную комиссию под председательством заместителя начальника 1-го отдела Штаба КБФ капитана 3-го ранга Карпышева для проведения рекогносцировки Выборгского района, с целью определения возможностей постоянного и маневренного базирования и обеспечения материальными и энергетическими ресурсами кораблей Шхерного отряда

КБФ и кораблей Учебного отряда ВМУЗов в портах Выборг, Тронгзунд, Бьёрке¹⁵. Комиссия Карпышева провела работу и по ее итогам подготовила акт, который был представлен командующему КБФ. Комиссия пришла к выводу, что основные силы Шхерного отряда «удобнее всего базировать постоянно на Тронгзунд», поскольку «наличие удобного места стоянки (защищенное от ветров) и наличие оборудованных причальных стенок будет полностью способствовать этому»¹⁴.

Ремонтную базу для малых кораблей Шхерного отряда КБФ предлагалось развернуть на базе ремонтных мастерских и малых эллингов, имевшихся на острове Равансаари. Кроме того, подобный ремонт можно было также производить в судоремонтных мастерских и в малом эллинге бывшего финского 2-го берегового артиллерийского полка в Выборге¹⁵. Для базирования канонерской лодки «Красное Знамя» было предложено использовать внутреннюю гавань Тронгзунда, а для проведения её текущего ремонта – Выборг и Тронгзунд. Маневренную базу Шхерного отряда было решено иметь в бухте Койвисто. Дислокацию 10-го зенитного артиллерийского дивизиона (ОЗАД) было намечено произвести в районе Тронгзунда – на островах Тронгзунд, Равансаари и Суонсаари. Местонахождение штабов дивизионов бронекатеров, 5-го дивизиона тральщиков и 10-го зенитного артдивизиона было определено в Тронгзунде, а штаба Шхерного отряда – в Выборге¹⁶.

Что касается базирования кораблей Учебного отряда КБФ на летний период, то для этого предполагалось использовать рейды Тронгзунда и Койвисто. Кроме того, для наиболее крупных учебных кораблей можно было использовать гавань Выборга. Использование же рейда и поселка Бьёрке в качестве постоянного места базирования кораблей Шхерного отряда и Учебного отряда ВМУЗов было сочтено невозможным «в силу открытого места стоянки и отсутствия причальных линий»¹⁷.

25 мая 1940 г. приказом наркома ВМФ, Бьёркский сектор БО КБФ был переименован в Выборгский сектор береговой обороны (впоследствии – Выборгский укрепленный сектор) Главной базы (ГБ) КБФ¹⁸. А 11 июня 1940 г. нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов издал приказ, в котором, опираясь на постановление Комитета обороны при СНК СССР от 9 июня, определил состав Выборгского сектора Береговой обороны КБФ¹⁹. Инженерному управлению ВМФ было предписано представить на утверждение титульные списки строительства указанных батарей к 17 июня, «из расчета отпущенных 13 миллионов рублей, в счет ассигнований НКВМФ по плану капитальных работ на 1940 г.». Главному морскому штабу ВМФ было поручено к 26 июня представить на утверждение перспективный план строительства и модернизации батарей восточной части Финского залива²⁰.

Впрочем, КБФ также получил в наследство от финских ВМС довольно развитую береговую инфраструктуру. В новых районах в распоряжение КБФ поступило всё портовое хозяйство и судоремонтные предприятия. 23 июня 1940 г. нарком ВМФ своим приказом объявил, что согласно постановлению Совнаркома СССР от 21 июня, Краснознаменному Балтийскому флоту должны были отойти портовые, складские и жилые сооружения в портах Выборг, Тронгзунд и Койвисто²¹. Кроме того, КБФ получил немало трофейных судов,

барж и прочих плавучих средств в Выборге, Койвисто, Равансаари, островах Ханкеле и Ремтгент, Тронзунде, Юустила²². Во исполнение данного приказа от Военного совета КБФ требовалось назначить комиссию для приемки и составления титульных списков на ремонт и восстановление мастерских, зданий, причалов, складов «с расчетом восстановления их в 1940-41 годах». Комиссия должна была завершить свою работу не позднее 20 июля 1940 г.²³

Одновременно с этим нарком ВМФ направил 20 июня председателю СНК Карело-Финской ССР приказ, где ссылаясь на постановления Комитета обороны при Совнаркомоме СССР от 19 марта и 9 июня 1940 г., потребовал передать Краснознаменному Балтийскому флоту жилые и служебные помещения в городе Выборге, Тронгзунде и Койвисто. Данные помещения были необходимы для размещения личного состава Шхерного и Учебного отрядов КБФ, а также кораблей ВМУЗов и семей командного состава²⁴. И уже 20 июня Совет народных комиссаров Карело-Финской ССР принял постановление под названием «О закреплении жилых и служебных помещений за войсковыми частями местных гарнизонов в городах Виипури и Кякисальми»²⁵.

Наконец, 8 июля 1940 г. на совещании у председателя Совета народных комиссаров Карело-Финской ССР с представителями общесоюзных наркоматов был составлен протокол, согласно которому за Наркоматом ВМФ закреплялось портовое и береговое имущество, а также вспомогательный флот в Выборге. В частности, КБФ получал в свое распоряжение в Выборге: а) судоверфь Векротиниemi, в районе Хиекка-Пикируукки, со всем оборудованием, причалами и слипом бывшего финского 2-го полка береговой артиллерии; б) восточную часть Южно-выборгскую порта от выступа, находящегося против Школьной площади до конца причального фронта; г) бывший финский аэродром Терваниemi²⁶.

По данным Главного морского штаба, на 1 ноября 1940 г. ситуация со строительством береговых батарей в Выборгском и Гогландском секторах БО КБФ выглядела сравнительно благополучно²⁷. Главный морской штаб ВМФ не исключал также использование 180-мм железнодорожной батареи № 19 в районе Койвисто. Но для этого надо было предпринять целый ряд мероприятий подготовительного характера, а именно: 1) выбрать место временной позиции в этом районе; 2) произвести необходимые триангуляционные и топографические работы; 3) выбрать и оборудовать временные командные и наблюдательные посты, используя острова Бьёрке, Сескар и маяк Шепелев²⁸. Средства на оборудование этой позиции были запланированы на 1940 г. в сумме 900 тыс. рублей, но по приказанию заместителя наркома ВМФ вице-адмирала Г. И. Левченко они были исключены из титульных списков²⁹.

6 ноября 1940 г. командующий КБФ вице-адмирал В. Ф. Трибуц уже отдал приказ по поводу выбора места для командного пункта и позиции 180-мм железнодорожной батареи в районе Койвисто. Лишь спустя месяц, 3 декабря, командир Кронштадтской ВМБ контр-адмирал В. И. Иванов издал приказ, предназначенный коменданту Выборгского сектора БО, о производстве работ по перебору командного пункта для утвержденной позиции батареи

и форсирования топографических работ в районе позиции. В соответствии с приказом, специальная комиссия в течение 6-7 декабря произвела необходимые изыскания на местности. В итоге, 10 декабря командир Кронштадтской военной-морской базы представил командующему КБФ все материалы комиссии по переыбору места командного пункта для позиции 180-мм железнодорожной батареи, попутно заметив, что данный вопрос необходимо согласовать с руководством Октябрьской железной дороги³⁰.

А 18 декабря 1940 г. В. И. Иванов представил В. Ф. Трибуцу доклад по поводу намечаемого строительства позиции в районе Койвисто, где изложил свои соображения по данному поводу. Во-первых, командир ВМБ был недоволен поздним информированием относительно проведения данных работ³¹. Во-вторых, Иванов вновь напомнил о несогласованности данного вопроса с командованием Ленинградского военного округа и Наркоматом путей сообщения. Основной сложностью в этом деле был выбор точек на главном пути Октябрьской железной дороги, «что вынудит закрыть по береговой ветке все движение». В связи с этим, В. И. Иванов просил выяснить данный вопрос в Наркомате путей сообщения. Имелись и чисто технические сложности при оборудовании артиллерийской позиции: не исключалась возможность перешивания железнодорожного полотна в районе Койвисто³².

В целом, командир Кронштадтской базы выразил сомнение в целесообразности строительства орудийной позиции в выбранном комиссией месте. Основными доводами против строительства позиции для 180-мм железнодорожной батареи в районе станции Койвисто были следующие: 1) нарушение движения поездов по приморской ветке железной дороги и 2) отсутствие подходящего места для командного пункта. Со своей стороны, В. И. Иванов рекомендовал построить позицию 180-мм железнодорожной батареи в районе мыса Сейвасте, которая обеспечивала «надежный обстрел всего Сескарского плёса и входа в Кронштадтскую трубу», а также «полное взаимодействие с батареями Бьёркэ, Сескар и южного берега»³³. Данные соображения, вероятно, оказали большое влияние на мнение руководства ЛВО и последующую позицию Наркомата ВМФ.

31 декабря 1940 г. заместитель начальника Штаба Ленинградского военного округа генерал-майор А. И. Субботин направил начальнику Оперативного управления ГМШ контр-адмиралу В. А. Алафузову и командующему КБФ вице-адмиралу В. Ф. Трибуцу директиву, где сообщал, что Военный совет ЛВО категорически возражает против постройки позиции железнодорожной батареи на станции Койвисто, поскольку она «закрывает движение поездов на участке железнодорожной линии Ино, Койвисто, Выборг», а кроме того, для установки было «необходимо строительство отдельной ветки и не на станциях»³⁴. Таким образом, опасения командира Кронштадтской базы Иванова подтвердились.

6 января 1941 г. начальник Штаба КБФ контр-адмирал Ю. А. Пантелеев ответил командиру В. И. Иванову по поводу его соображений относительно строительства железнодорожной позиции в районе Койвисто. Пантелеев постарался оспорить все доводы Иванова против оборудования данной позиции. Относительно же предложения командира базы по поводу строи-

тельства 180-мм орудийной позиции в районе Сейвасте, Пантелеевым было замечено, что «эта позиция в титульный список на строительство 1940 г. не вошла, как невыгодная и не решающая своей задачи после выдвигения нашей границы вперед за Выборг и перехода п/о Койвисто к нам»³⁵.

9 января 1941 г. данный вопрос докладывался начальником ГМШ адмиралом И. С. Исаковым наркому ВМФ адмиралу Н. Г. Кузнецову. По данным ГМШ, имелись определенные сложности для сооружения железнодорожной позиции: находившиеся впереди острова Бьёрке и Торсаари не давали возможности выбрать и построить командный пост батареи на удалении, который обеспечивал бы работу приборов центральной наводки. Как считал И. С. Исаков, в 1941 г. временную позицию для железнодорожной батареи № 19 в районе Койвисто строить не следовало, а в 1942 г. нужно было предусмотреть постройку железнодорожной ветки в районе мыса Сейвасте и оборудование позиции для 180-мм железнодорожной батареи³⁶. Нарком ВМФ согласился с его мнением и 10 января 1941 г. Главный морской штаб поставил Военный совет КБФ в известность о принятом решении³⁷.

Помимо позиций в Бьёркском архипелаге, командованием КБФ прорабатывалась возможность усиления БО и в других прибрежных районах Финского залива, отошедших к СССР после окончания советско-финляндской войны. 11 ноября 1940 г. нарком ВМФ утвердил предложение начальника ГМШ об установке на острове Пуккио к июню 1941 г. новой 130-мм артиллерийской батареи, оснащенной системой «Б-13», на временных основаниях³⁸. Однако уже 3 декабря 1940 г. начальник Штаба КБФ Ю. А. Пантелеев направил начальнику оперативного управления ГМШ контр-адмиралу В. А. Алафузову доклад, где изложил свое мнение по поводу необходимости строительства 130-мм открытой батареи на острове Пуккио и представил необходимые материалы по выбору позиции для данной батареи. По мнению Пантелеева, данная батарея поставленную задачу по обороне шхерного фарватера острова Пуккио и подходов к нему со стороны Хамина, Котка выполнить не могла ввиду наличия впереди острова большого количества островов, закрывающих для батареи водный плёс³⁹. Чтобы отчасти решить проблему ведения стрельбы по морским целям, начальник штаба флота предлагал установить батарею на закрытой позиции, оснастив ее приборами центральной наводки⁴⁰.

13 декабря 1940 г. В. А. Алафузов направил Ю. А. Пантелееву и В. И. Иванову директиву, где сообщил, что, действительно, «выбранное место и характеристика позиции и командного пункта 130-мм батареи на острове Пуккио решение задачи не обеспечивают». Поэтому, как полагал Алафузов, необходимо было выбрать новые места для позиции и командного пункта батареи, чтобы можно было организовать решение батареей следующих боевых задач – оборону шхерного фарватера в районе острова Пуккио и острова Хуовари и подходов с направления Котка-Хамина и содействие флангу своей армии при её продвижении по побережью⁴¹. При этом следовало учесть, что для данной батареи можно будет использовать не только береговые артиллерийские системы старых и новых типов, но также и полые орудия «калибра, решающего поставленную задачу с учетом вероят-

ного противника». Кроме того, затраты на строительство должны были быть минимальными⁴².

К 19 февраля 1941 г. новые позиции для 130-мм батареи на острове Пуккио были выбраны специальной комиссией под председательством коменданта БО КВМБ генерал-майора Г. Т. Григорьева, а акт комиссии командир Кронштадтской ВМБ представил командующему КБФ на утверждение. Сам командир базы согласился с выбранным местом, предложив от себя прикрыть мёртвое пространство до острова Сантио огнем 45-мм батареи⁴³. Однако 4 мая Ю. А. Пантелеев сообщил В. И. Иванову окончательное решение наркома ВМФ – 130-мм береговую батарею на острове Пуккио в Выборгском секторе БО Кронштадтской ВМБ не устанавливать. Вместо этого следовало сформировать одну 122-мм пушечную артиллерийскую батарею на мяхте, с дислокацией на острове Пуккио⁴⁴.

К 22 июня 1941 г. Выборгский укрепленный сектор (ВУС) включал в себя 22-й артиллерийский дивизион в составе 152-мм батарей №№ 227-229 (на островах Бьёрке и Тупурансаари), 130-мм батареи № 366 (на о-ве Тиуринсаари), 45-мм батарей №№ 275, 276 (на о-вах Бьёрке и Пийсаари) и 32-й артиллерийский дивизион в составе 152-мм батарей №№ 321, 323 (на мысах Ристиниеми и Сатаманиеми), 130-мм батареи № 364 (на о-ве Пуккио), 45-мм батарей №№ 269, 270, 274, 277 (на о-вах Суокансаари, Тейкарсаари, Пуккио, мысе Ристиниеми), а также 4-х орудийной 180-мм железнодорожной батареи № 19 на станции Койвисто. Из них была законсервирована 152-мм батарея № 227 на Бьёрке, еще не были установлены батареи №№ 274, 364, а железнодорожная 180-мм позиция еще не была построена (работы на ней были начаты лишь с началом войны)⁴⁵.

К началу Великой Отечественной войны Выборгский укрепленный сектор и Шхерный отряд КБФ подчинялись командиру Кронштадтской военноморской базы. После 22 июня личный состав частей береговой обороны ВУСа действовал вместе с пограничниками 103-го погранотряда. Вплоть до середины августа 1941 г. здесь происходили отдельные стычки с финнами, которые пытались захватить острова Патио, Пуккио и Лайтсалми силами десантов. Во всех случаях попытки финнов отражались сильным артиллерийским, минометным и пулеметным огнем частей укрепсектора. Всё резко изменилось после прорыва финских войск в центральную часть Карельского перешейка во второй половине августа 1941 г. 20 августа командованием 23-й армии Северного фронта было принято решение начать отвод сил левого фланга армии, на котором находились 43-я, 115-я и 123-я и стрелковые дивизии. Выборгский укрепсектор тоже должен был приступить к эвакуации.

Первыми стали отводиться части 32-го отдельного артиллерийского дивизиона, расположенные на Сатаманиеми и Ристиниеми. Однако отвод частей ВУС с островов происходил не столь спокойно, как планировало советское командование. Дело в том, что финской стороной были предприняты действия по форсированию Выборгского залива в наиболее узком месте и захвату островов Суонионсаари и Уурансаари, воспрепятствовать чему командование Северного фронта не смогло⁴⁶.

В борьбу с форсировавшими залив частями финской 8-й пехотной дивизии вступили части 103-го погранотряда и отдельные части Выборгского

укрепсектора в составе четырёх взводов сапёрного батальона и 1-й роты 41-го отдельного пулемётного батальона. Позднее им в качестве подкрепления были переброшены бойцы школы 1-й бригады морской пехоты. Эти части были объединены под названием Сводного отряда Выборгского укрепленного сектора. 26-27 августа части Сводного отряда ВУС вели упорные оборонительные бои в районе Сомме (Матросово) и Кайслахти (Попово). Удержать Кайслахти им не удалось. Финский десант выполнил свою задачу, а у Сводного отряда уже не хватило сил, чтобы выбить противника из Кайслахти и удержать этот населённый пункт.

1 сентября 1941 г. началась эвакуация морем из района Койвисто частей 43-й, 115-й и 123-й стрелковых дивизий, 229-й береговой батареи с о-ва Тупурансаари и переход частей ВУСа на остров Бьёрке. Обеспечивать эвакуацию должен был Сводный полк моряков ВУС и артиллерийские батареи сектора. В итоге, с 3 сентября части Выборгского укрепленного сектора были полностью сосредоточены на островах Бьёрке, Тиуринсаари и Пийсаари, где они, заняв оборону, сковывали против себя сухопутные части и артиллерию финнов⁴⁷.

27 октября 1941 г. Военный совет КБФ принял решение об эвакуации сил Выборгского укрепсектора с островов Бьёрке, Тиуринсаари и Пийсаари и был создан отряд судов для эвакуации. По причине плохих погодных условий отряд транспортов смог прибыть к архипелагу лишь к рассвету 31 октября. Весь день шла погрузка, и в ночь с 31 октября на 1 ноября весь отряд вышел с Бьёрке, эвакуировав личный состав и материальную часть. Потери при эвакуации были минимальными: самоходная баржа «СБ-4» села на мель и также были взорваны четыре 152-мм орудия, ввиду большого расстрела стволов. В личном составе ВУС при этом потерь не было⁴⁸. Так закончилась история боевой деятельности Выборгского укрепленного сектора КБФ.

1. С 1948 г. острова Бьёркского архипелага носят название Березовых островов.
2. Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГВМФ). Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 126. Л. 299.
3. Там же. Ф. Р-840. Оп. 1. Д. 249. Л. 1–13. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 171. Л. 188–214.
4. Там же. Ф. Р-840. Оп. 1. Д. 249. Л. 13.
5. Ткаченко В. Ф. Форт «Ино». Строительство. Служба. Уничтожение. СПб., 2009. С. 106; Амирханов Л. И., Ткаченко В. Ф. Форты Кронштадта. Изд. 3-е. СПб., 2007. С. 89.
6. РГВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 714. Л. 41–42.
7. Там же. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 423. Л. 54.
8. Там же. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 711. Л. 26.
9. Там же. Ф. Р-961. Оп. 1. Д. 346. Л. 9.
10. Там же. Л. 11–12.
11. Там же. Д. 135. Л. 23–30.
12. Там же. Л. 41–47.
13. Там же. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 719. Л. 21.
14. Там же. Л. 21.
15. Там же. Л. 22.
16. Там же. Л. 22–23.
17. Там же. Л. 24–25.
18. Там же. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 133. Л. 390.
19. Там же. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 171. Л. 55–57. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 135. Л. 66–69.
20. Там же. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 135. Л. 72–73.
21. Там же. Д. 135. Л. 96–97. Мусин М., Рупасов А. Виипури (Выборг). 1940 год. Документы. Выборг, 2009. С. 194.

22. В том числе 3 пассажирских парохода, 3 грузовых парохода, 16 буксиров, 1 плавкран, 8 парусно-моторных шхун, 28 катеров, 3 железные баржи и др. (РГАВМФ. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 135. Л. 97).
23. РГАВМФ. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 135. Л. 98–99.
24. Там же. Д. 190. Л. 19–20.
25. Там же. Л. 21–22.
26. Там же. Л. 27.
27. Там же. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 171. Л. 182.
28. Там же. Л. 183.
29. Там же. Л. 183.
30. Там же. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 714. Л. 69, 74.
31. Там же. Л. 105.
32. Там же. Л. 105–106.
33. Там же. Л. 107–108.
34. Там же. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 172. Л. 3.
35. Там же. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 714. Л. 109–110.
36. Там же. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 172. Л. 15–16.
37. Филиал Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ) /Архив Военно-Морского Флота/. Ф. 161. Оп. 6. Д. 71. Л. 8–9. РГАВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 172. Л. 37.
38. РГАВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 171. Л. 184.
39. Там же. Д. 172. Л. 112.
40. Там же. Л. 112.
41. Там же. Л. 121.
42. Там же. Л. 122.
43. Филиал ЦАМО РФ (Архив Военно-Морского Флота). Ф. 161. Оп. 6. Д. 71. Л. 42, 44, 45–46.
44. Там же. Л. 67.
45. Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 517. Л. 161–166.
46. *Барышников В. Н.* К проблеме обороны Карельского перешейка с моря в конце лета – начале осени 1941 г. // Ленинградская область в Великой Отечественной войне. СПб., 2012. С. 72–73. *Козуненко Д. А.* 1941 год. Хроника боев на Карельском перешейке. СПб., 2014. С. 212–213, 217–219, 221–222. *Мосунов В. А.* Выборгский сектор: оборона – Режим доступа: <https://warspot.ru/7328-vyborgskiy-sektor-oborona>. Дата обращения: 01.10.2018. Краткий обзор боевых действий КБФ за период с 22.06 по 31.12.1941 года. Филиал ЦАМО РФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 517.
47. *Барышников В. Н.* К проблеме обороны Карельского перешейка с моря в конце лета – начале осени 1941 г. С. 73–77; *Козуненко Д. А.* 1941 год. Хроника боев на Карельском перешейке. С. 270, 273, 278, 319; *Мосунов В. А.* Выборгский сектор: эвакуация. – Режим доступа: <https://warspot.ru/7331-vyborgskiy-sektor-evakuatsiya>. Дата обращения: 01.10.2018; Краткий обзор боевых действий КБФ за период с 22.06 по 31.12.1941 года. Филиал ЦАМО РФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 517.
48. *Барышников В. Н.* К проблеме обороны Карельского перешейка с моря в конце лета – начале осени 1941 г. С. 78. Краткий обзор боевых действий КБФ за период с 22.06 по 31.12.1941 года. Филиал ЦАМО РФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 517.

Литература

- Амирханов Л. И., Ткаченко В. Ф.* Форты Кронштадта. Изд. 3-е. СПб.: Остров, 2007. 96 с.
- Барышников В. Н.* К проблеме обороны Карельского перешейка с моря в конце лета – начале осени 1941 г. // Ленинградская область в Великой Отечественной войне. СПб.: Издательство СПбГУ, 2012. С. 71–79.
- Белозеров Б. П.* Советско-финляндская граница в межвоенный период (12.03.1940–22.06.1941 гг.): проблема становления и обеспечения безопасности // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2013. № 14. С. 118–127.
- Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 2. Происхождение и начало войны. М.: Кучково поле, 2012. 1008 с.
- Козуненко Д. А.* 1941 год. Хроника боев на Карельском перешейке. СПб.: Гйоль, 2014. 448 с.
- Мусин М., Рупасов А.* Виипури (Выборг). 1940 год. Документы. Выборг: б/и, 2009. 206 с.
- Ткаченко В. Ф.* Форт «Ино». Строительство. Служба. Уничтожение. СПб.: Остров, 2009. 144 с.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ: ВЗГЛЯДЫ И ОЦЕНКИ

**Крепость Вильманstrand и её гарнизон в 1750–1850-х гг.:
по материалам национального архива Финляндии**

Вильманstrand (Лаппеэнранта) получил городской статус в 1649 г. В результате Великой Северной войны потери шведами Выборга и Кексгольма город стал пограничной крепостью шведского королевства. Непосредственный участник последующей русско-шведской войны 1741–1743 гг., в том числе сражения и взятия 23 августа 1741 г. Вильманstrandа, Х. Г. Манштейн дает следующее описание города и окрестностей: «Это небольшой городок, в хороших четырех немецких милях от русской границы, расположенный на берегу большого озера, прикрывающего его сзади, так, что напасть на него можно только спереди, а эта часть укреплена прикрытым путем, сухим рвом с палисадом¹ и валом со штурмфалами²; все это сделано из земли и фашинов. Хотя город лежит на высоте, однако вокруг него господствуют горы, самая высокая находится направо, там, где была ветряная мельница; шведы поставили там большой караул..., остальная часть местности чрезвычайно неровная: тут везде леса, болота, кустарники и скалы. К городу чрезвычайно трудно подойти иначе как по большой дороге»³. После взятия Вильманstrandа русскими войсками из-за малой пригодности его укреплений, как Манштейн прямо заметил, город просто «был совершенно скрыт, и все жители увезены в Россию»⁴.

Непригодность крепости к обороне подтверждается и другими источниками. Российская исследовательница Н. Шпилевская отмечает: «Вильманstrand назывался крепостью вследствие окружавшего его земляного вала, рва, снабженного палисадами и нового полуоконченного гласиса⁵. Все это было, однако, в запущении и очень ненадежно, тем более, что батареи были дурно и недостаточно вооружены, так что крепость, по мнению коменданта полковника Виллебрандта, не могла держаться более 4 или 5 часов»⁶. В подтверждение этих слов, шведский генерал Карл Кронштедт, посланный в Финляндию в 1739 г., но отозванный обратно в Стокгольм уже через год, вообще предложил уничтожить вильманstrandскую, а также фридрихсгамнскую крепости⁷, построив новые укрепления вдоль реки Кюмень.

Учитывая полное разорение Вильманstrandа в августе 1741 г., в следующем году в ходе общего наступления командующий русской армией П. П. Ласси распорядился направить в крепость Вологодский пехотный полк. Один его батальон должен был обеспечить себе укрепление палисадом, а для размещения – построить избы или перенести имеющиеся «из мужицких». Второму батальону предписывалось задержаться в том же месте до выступления на Тавастгус (Хямеэнлинна)⁸.

По окончании войны последовал указ императрицы Елизаветы, которым образовывалась Выборгская губерния с вновь присоединенными территориями. Вильманstrand, Фридрихсгамн (Хамина) и Нейшлот (Савонлинна) предписывалось «соединить в одно правление и именовать Кюменогордской провинцией». Этим же указом обеспечение гарнизоном Вильманstrandа и Нейшлота возлагалось на комендантов Фридрихсгам-

на и Кексгольма (Приозерск). В Вильманstrand направлялось две роты от Фридрихсгамнского гарнизонного полка⁹.

Серьезных мер по укреплению пограничных крепостей в Финляндии до войны 1788–1790 гг. не предпринималось, тем не менее, следует отметить, что ряд работ был все-таки выполнен.

Поскольку Вильманstrand было сложно назвать крепостью, ибо ее строительство шведами не было завершено, то и русские масштабных работ не производили. С южной стороны, обращенной к перешейку, они переделали прежний фронт с полубастионом в тенальный¹⁰ с 23 пушками, в остальном ограничились ремонтом наиболее поврежденной ограды, регулированием профилей, а также устройством помещений для нужд гарнизона¹¹. Согласно «Генеральной ведомости об артиллерийском гарнизонном положении 1765 г.», в крепости находилось: строевых чинов – 2 обер-офицера, 6 фейерверкеров, 72 рядовых, 1 барабанщик, нестроевых чинов – 1 обер-офицерского звания, 7 нижних чинов, 10 мастеровых. Всего по артиллерийскому гарнизону: 99 чинов¹².

С 1750 г. к крепости Вильманstrand было отнесено и возведенное близ деревни Мартила укрепление, получившее в дальнейшем наименование Давыдов¹³. Вдоль новой границы создавались небольшие редуты вблизи населенных пунктов Гекфорс, Раукала, Виала, Абборфорс, Ермосаари¹⁴. По состоянию на 1786 г. в Вильманstrandе в распоряжении коменданта крепости полковника Ивана Пахомова также находились два подразделения. Однако пока нет абсолютно точных данных об общей численности этих войск¹⁵. Это расхождение подтверждают страницы из книги церкви Преподобного Давида Солунского, находящейся в укреплении Давыдов. По содержащимся здесь записям также фиксируется присутствие в гарнизоне двух офицеров, но численность нижних чинов тоже дается различная¹⁶. Не соответствует эта цифра и именным спискам, поданным во Фридрихсгамне¹⁷. В целом, по спискам Фридрихсгамна было 292 нижних чина, а по спискам Вильманstrandа – 272. Однако в церковных книгах Вильманstrandа также отмечены еще воинские чины как «находящиеся для содержания караулов»: от 1-го Фридрихсгамнского пограничного батальона под командованием поручика Антона Дубинина 49 нижних чинов, от 2-го Фридрихсгамнского пограничного батальона под командованием подпоручика Ивана Фомина 50 нижних чинов¹⁸. В целом, небольшие различия в данных о численности войск, очевидно, являлись следствием допущенных ошибок, когда одни те же люди были учтены дважды.

Кроме упомянутых команд от пограничных батальонов, в Вильманstrandе находились: штатная воинская команда (1 обер-офицер, 34 нижних чина), артиллерийская команда (1 обер-офицер, 39 нижних чинов)¹⁹, инженерная команда (1 обер-офицер, 2 нижних чина), уездное казначейство (4 присяжных сержанта). Таким образом, гарнизон Вильманstrandа в 1786 г. состоял из 369 нижних чинов при 10 офицерах и военных чиновниках.

Столь малая инженерная команда свидетельствует о незначительном объеме работ, производившихся в крепости.

13 июля 1788 г. в Вильманстранд переводится 1-й Дерптский гарнизонный батальон с переименованием в Вильманстрандский гарнизонный батальон.²⁰ По случаю войны в городе был расквартирован Лейб-гренадерский полк. Общая численность гарнизона в 1789 г. составила: собственно гарнизон Вильманстранда – 633 чина²¹ и лейб-гренадерский полк – 1785 чинов²². Таким образом, в Вильманстранде было расквартировано 2418 чинов.

Столь высокая концентрация войск всегда приводила к возникновению эпидемий. В 1788 г. умерло 485 чел., в 1789 г. скончалось 752 чел., из них от ран, полученных в сражениях – 58 чел. (7,6 %). Основные причины смертей в 1789 г.: от дизентерии – 253 чел., от «цынготной» – 169 чел., от «горячки» – 138 чел., от чахотки – 60 чел. Наибольшие санитарные потери понес Лейб-гренадерский полк – 320 чинов (19 % от состава полка), еще 19 умерли от ран²³. В 1790 г. общие санитарные потери по Вильманстранду составили 394 чел., убитых не было²⁴. В 1791 г. гарнизон состоит из 4-х штаб-офицеров, 13 обер-офицеров и 617 нижних чинов. Небоевые потери – 142 чел.

В царствование Екатерины II в 1763 г. был утвержден общероссийский штат крепостей, скорректированный в 1774 г. С учетом войны 1788–1790 гг. крепость Вильманстранд была отнесена ко второй главной линии обороны и, вместе с Фридрихсгамном и Давыдовым, являлась основным опорным пунктом линии²⁵. В 1790-е гг. помимо работ в самом Вильманстранде были возведены дополнительные отдельные укрепления рядом с крепостью – Николаевское и два, как их именовали в Инженерном ведомстве, «левое» и «правое»²⁶. В те же годы под руководством А. В. Суворова начинается строительство каналов, соединяющих основные опорные пункты, по проекту П. К. Сухтелена; подрядчиком является И. Ю. Лаубе, надворный советник, прокурор Выборгского суда²⁷.

16 декабря 1790 г. следует указ «Об устройстве гребного флота», где впервые упоминаются гребные суда на озере Сайма. Первые семь лодок были построены на Санкт-Петербургской галерной верфи под руководством мастера В. А. Сарычева²⁸. С построением каналов Вильманстранд становится главной базой Сайменской гребной флотилии, а также местом зимовки кораблей и судов. Кроме того, в Вильманстранде обустроивается верфь, на которой строят иолы и лодки для флотилии (в 1789 г. – 9 лодок, в 1790 г. – 15 лодок, в 1808 г. – 4 лодки²⁹).

В 1790–1796 гг. кроме гарнизонного батальона и прочих команд в Вильманстранде находятся чины 4-го егерского батальона Финляндского егерского корпуса. Батальон был сформирован 14 января 1785 г. в составе четырех рот. 3 августа 1795 г. батальон был переформирован: 4 роты по 212 строевых нижних чинов, 2 роты по 136 строевых нижних чинов³⁰. Расформирован 29 ноября 1796 г. и обращен на формирование Финляндского егерского № 2 батальона³¹.

С 9 января 1797 г. Вильманстрандский батальон именуется внутренним гарнизонным (однобатальонным) полком по имени шефа полковника Степанова³². Через год, 5 января 1798 г., полк переведен с внутреннего на полевое положение и состоит из пяти мушкетерских и одной гренадерской роты вместо инвалидной³³. Гренадерская рота имеет по штату 4 обер-офицера,

9 унтер-офицеров, 144 рядовых, 2 флейтщика, 3 барабанщика. Мушкетерская рота имеет по штату 4 обер-офицера, 10 унтер-офицеров, 135 рядовых, 3 барабанщика. Гарнизонный полк однобатальонного состава всего по штату: шеф полка (комендант, генеральского или штаб-офицерского чина) – 1, штаб-офицеров – 2, обер-офицеров – 25, унтер-офицеров – 59, 834 рядовых, 2 флейтщика, 19 барабанщиков, нестроевых – 26, денщиков – 34. Всего: 1002 чина³⁴. С 4 марта 1798 г. именуется гарнизонным полком фон Розенталя³⁵.

С 4 марта 1800 г. по 3 июля 1801 г. вместе со Шлиссельбургским, Нейшлотским и Кексгольмским батальонами входит в состав гарнизонного полка генерал-майора Г. В. Плуталова³⁶ с оставлением в Вильманстранде; 22 июля 1801 г. возвращено прежнее наименование – вплоть до расформирования и вхождения в состав вновь созданного Свеаборгского крепостного полка 22 октября 1809 г.³⁷ По штату 4 марта 1800 г. состоит из пяти мушкетерских рот, с 30 апреля 1803 г. число рот сокращено до 4-х. Штат батальона 1803 г.: 2 штаб-офицера, 18 обер-офицеров, 48 унтер-офицеров, 720 рядовых, 13 барабанщиков, 34 нестроевых, 31 денщик (всего: 866 чинов)³⁸.

По штату крепостных инженерных команд 1798 г. в Вильманстранде должны были находиться: строевых – 2 обер-офицера, 4 кондуктора, нестроевых – 1 обер-офицерского звания, 6 нижних чинов, 4 денщика. Всего – 17 чинов³⁹. В 1801 г. в Вильманстранде дополнительно находилось 2 гренадерских роты Рязанского полка⁴⁰.

Штатом крепостей на 31 января 1803 г. Вильманстрандская крепость сохраняется с тремя укреплениями, а Давыдовский ретраншемент переводится в разряд полевых укреплений и исключается из Инженерного ведомства⁴¹.

Гарнизон Вильманстранда в 1805 г.⁴² стал состоять из гарнизонного батальона 4-х ротного состава⁴³, а также артиллерийской⁴⁴ и инженерной команды⁴⁵. При строительстве казарм, которые сооружались в урочище Ликкола, в ведении гарнизона находилось подразделение инженер-капитана Авдеева с 22-я нижними чинами, а также одним невольником. Кроме того, при Кюменьгороде в ведении генерал-майора Сулимова находилось еще 13 нижних чинов. Также существовала вильманстрандская военная штатная команда (подпоручик Г. Юлиус, 28 нижних чинов), морская артиллерия (2 обер-офицера, 59 нижних чинов), Сайменская гребная флотилия (6 обер-офицеров, 386 нижних чинов), адмиралтейское ведомство (архитектор Петр фон Штемпель, а также различные мастера, ученики и мастеровые, всего – 490), департамент водных коммуникаций (9 нижних чинов), провиантский штат (1 чиновник обер-офицерского чина, 1 вахтер), казначейство (4 счетчика). Всего гарнизон Вильманстранда насчитывал: офицеров и военных чиновников – 48, а также 1336 нижних чинов.

К концу 1807 г. было составлено «Донесение от Инженерного Департамента о приведении крепостей в оборонительное положение». В Вильманстранде были к этому времени выполнены следующие работы: «По всем оборонительным веркам бруствера с амбразурами и банкетами поправлены, старый при гласисе палисад подкреплен, а в отдельных трех укреплениях все нужное к обороне поправлено и в надобных местах в крепости для всходу на бруствера поделаны лестницы»⁴⁶.

В том же донесении от 21 декабря 1807 г. перечислен состав инженерной команды Вильманстранда, находящейся в общем ведении генерал-майора Сулимова (начальник майор Аргун, подпоручики Мартынов, Богданов 3-й, Яковлев 3-й, унтер-цейхвартер Спиридонов и 17 нижних чинов⁴⁷).

23 августа 1809 г. окончательно упразднены все укрепления по прежней границе Старой Финляндии: Давыдовское, Ликоловское, Утгисское, Озерное, Керинское и Аборфорское. Цивильные деревянные строения по ветхости и малопрочности было решено вместе с палисадом продать на слом⁴⁸.

В связи с разделением крепостных артиллерийских гарнизонов по номерным ротам с 8 ноября 1809 г. в Вильманстранде находится $\frac{1}{4}$ №18 артиллерийской роты⁴⁹, а 31 марта 1810 г. крепость Вильманstrand была вообще упразднена⁵⁰.

Одновременно упразднены $\frac{1}{4}$ №18 артиллерийской роты⁵¹ и инженерная команда. Однако находящиеся в крепости каменные здания и магазины были оставлены на содержание от Инженерного департамента, поэтому был оставлен военный чиновник «для присмотра». Деревянные здания исключались⁵². В 1818 г. в городе имелось каменных строений: казарм на 1094 нижних чина, квартир для офицеров – 23, комендантский дом, гауптвахт и караулен – 3, пороховых погребов на 7654 пуда⁵³. Таким образом, бывшая крепость превратилась в тыловую армейскую базу.

В 1830 г. гарнизоном Вильманстранда командовал подполковник Гувениус. В состав гарнизона входили: Вильманstrandская инвалидная команда (3 обер-офицера, 61 нижний чин), Фридрихсгамнская инвалидная команда: (1 обер-офицер, 62 нижних чина), представители инженерного корпуса (1 чиновник, 2 нижних чина), представители провиантского штата (1 чиновник, 5 служителей), служащие при Финляндских каналах (9 нижних чинов). Всего по гарнизону Вильманстранда было 7 офицеров и военных чиновников, а также 138 нижних чинов⁵⁴.

В дальнейшем особых изменений в составе гарнизона не произошло. К 1853 г. гарнизон под командованием подполковника С. Х. Канилле состоял из Вильманstrandской инвалидной команды (1 обер-офицер, 221 нижний чин, к команде были причислены еще 26 нижних чинов из состава 2-го Финляндского линейного батальона). Здесь же находилось 15 казаков из 28-го Донского казачьего полка (4 унтер-офицера и 5 арестантов, обслуживающих каналы)⁵⁵.

1. Палисад – сплошная стена из бревен, врытых вертикально на 1/3 своей длины в землю, заостренных сверху и соединенных между собой продольными брусками, устраивалась в наружном рву полевых и временных укреплений в качестве преграды для неприятеля.

2. Штурмфал (нем. Sturmfall) – противостурмовые бревна – бревна, уложенные вплотную друг к другу в виде наклонного или горизонтального палисада, помещенного в отлогостях эскарпа или, реже, контрэскарпа, обычно перпендикулярно к ним. Применялся как средство, затрудняющее подъем по эскарпу или спуск в ров.

3. Записки о России генерала Манштейна. 1727–1744. СПб., 1875. С. 221.

4. Там же. С. 226.

5. Гласис – пологая земляная насыпь (треугольной формы), возводившаяся перед наружным рвом (гребнем контрэскарпа) крепости, которая улучшала условия обстрела

местности впереди главного вала и маскировку и защиту укрепления.

6. Шпилевская Н. Описание войны между Россией и Швецией в Финляндии в 1741, 1742 и 1743 годах. СПб., 1859. С. 51.

7. Эти крепости возводились в 20–е гг. XVIII в. усилиями генерал-майора Акселя Левена. См: Шкваров А. Г. «Когда пришли Русские...». Выпуск 4. Loviisa, 2018. С. 5–6.

8. Шпилевская Н. Описание войны между Россией и Швецией в Финляндии в 1741, 1742 и 1743 годах С. 182.

9. Полное собрание законов Российской империи (Далее: ПСЗ РИ). Выпуск 1. Т. 12. № 8856 от 14 января 1744 г. С. 5–7.

10. Тенальный фронт – тип крепостной ограды из изломанных куртин (частей крепостного вала) в виде входящего угла 90–100 градусов.

11. Ласковский Ф. Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Часть III. Опыт исследования инженерного искусства после императора Петра I и до императрицы Екатерины II. СПб., 1865 С. 164–165.

12. Столетие военного министерства. Главный штаб. Исторический очерк. Организация, расквартирование и передвижение войск. Выпуск 1 (период 1801–1805 гг.). СПб., 1902. Приложения. № 2. С. 27.

13. Шпилевская Н. Описание войны между Россией и Швецией в Финляндии в 1741, 1742 и 1743 годах. С. 51.

14. Ласковский Ф. Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Карты, планы, чертежи к III части. СПб., 1866. Л. 2.

15. Команда из 1-го Фридрихсгамнского пограничного батальона под командованием подпоручика Никифора Резанова и 94 нижних чина и команда из 2-го Фридрихсгамнского пограничного батальона под командованием капитана Ивана Корина и 96 нижних чинов (См: Метрические книги церкви Покрова Пресвятой Богородицы. Metrikat 1786–1804 (1 Ca:1). Л. 1–3). Однако эти сведения несколько не соответствуют данным именных списков батальонов, поданных во Фридрихсгамне. По ним в Вильманstrandе числилось 204 нижних чина (Шкваров. «Когда пришли Русские...». С. 15).

16. 82 человек. См: Kansallisarkisto (KA). Metrikat 1786–1804 (1 Ca:1). S. 13.

17. 88 нижних чинов.

18. KA. Metrikat 1786–1804 (1 Ca:1). S. 7

19. По штату 1765 г. – 99 чинов. Вероятно, комплект был восполнен, поскольку по состоянию на сентябрь 1799 г. не хватало 1 нижнего чина до штата. Столетие Военного Министерства. Главный штаб. Ч.1 Комплектование вооруженных сил в России до 1802 года. СПб., 1902. Приложение №88. С. 289.

20. Хроника российской императорской армии. Часть VII. СПб., 1852. С. 177.

21. Комендант премьер-майор С.Л. Винокуров, 3 штаб-офицера, 13 обер-офицеров, 599 нижних чинов, 17 казаков.

22. 2 штаб-офицера, 22 обер-офицера, 1761 нижний чин.

23. KA. Metrikat 1786–1804. Метрические книги Покровской церкви. С. 26–27, 33–54.

24. Ibid. S. 57–66.

25. Фриман Л. История крепости в России. Часть I. До начала XIX столетия. СПб., 1895. С. 147–149.

26. Столетие Военного министерства. Главное инженерное управление: Ч. 1. [Царствование Императора Александра I. [Очерк 2: Результаты деятельности инженерного управления. Строительство и инженерные войска]. Приложение LXI. СПб., 1902. С. 170–171.

27. Суворов А. В. Письма. М., 1986. С. 402.

28. Веселаго Ф. Ф. Список русских военных судов с 1668 по 1869 год. СПб., 1872. С. 408–409.

29. Там же. С. 410–411.

30. ПСЗ РИ. Выпуск 1. Т. 22. №16131 С. 280–281; Там же. Т. 43. Ч. 1. № 17369 С. 259–260.

31. Там же. Т. 24. № 17591. С. 212.

32. Там же. Т. 24. № 17720 от 9 января 1797 г. С. 270–271.

33. Там же. Т. 25. № 18308 от 5 января 1798 г. С. 9–10.

34. Хроника российской императорской армии. Ч. VII. СПб. 1852. С. 24.

35. Там же. С. 177.

36. Подмазо А. Шефы и командиры регулярных полков русской армии (1796–1825 гг.) – Режим доступа: http://www.museum.ru/1812/library/podmazo/shefcom_g.html#Garn_pg. Дата обращения: 14.11.2018.

37. Хроника российской императорской армии. С. 176. По состоянию на сентябрь

- 1799 г. некомплект составляет 128 нижних чинов. См.: Столетие Военного министерства. Главный штаб. Ч.1 Комплектование вооруженных сил в России до 1802 года. Приложение № 88. С. 290.
38. Хроника российской императорской армии. С. 25.
39. Столетие военного министерства. 1802–1902 гг. Главный штаб. Исторический очерк. Организация, расквартирование и передвижение войск. Выпуск 1 (период 1801–1805 гг.). СПб., 1902. С. 35.
40. Там же. Приложение 1. С. 1.
41. Столетие Военного министерства. Главное инженерное управление: Ч. 1. [Царствование Императора Александра I. [Очерк 2: Результаты деятельности инженерного управления. Строительство и инженерные войска]. Приложение LXI. С. 170–171.
42. KA. Rippikirjat 1796–1808 (1 Aa:1). Именные списки. S. 157–214.
43. Шеф Вильманstrandского гарнизонного батальона был генерал-майор В.К. Кублицкий. Штаб- и обер-офицеров, а также иных военных чиновников – 28, нижних чинов – 678. В целом, по батальону некомплект нижних чинов около 20%. В сборнике «Столетие Военного министерства» также отмечалось, что в среднем некомплект по гарнизонным частям на 1805 г. составлял 1/6, т.е. около 17%. См.: Столетие военного министерства. 1802–1902 гг. Главный штаб. Исторический очерк. Организация, расквартирование и передвижение войск. Выпуск 1 (период 1801–1805 гг.). С. 396.
44. Начальник подполковник А. Федюхин, 1 чиновник обер-офицерского чина, 75 нижних чинов.
45. Начальник – майор Д. Г. Наумов, 5 обер-офицеров, 1 чиновник обер-офицерского чина, 24 нижних чина.
46. Столетие Военного министерства. Главное инженерное управление: Ч. 1. [Царствование Императора Александра I. [Очерк 2: Результаты деятельности инженерного управления. Строительство и инженерные войска]. Приложение LXII. С. 178.
47. Там же. Приложение LXII. С. 180. Несмотря на наличие мастеровых в списке инженерной команды, отмечено, что работы производятся вольнонаемными. Число их не указано.
48. Там же. С. 341.
49. *Висковатов А. В.* Историческое описание одежды и вооружения российских войск. Т.Х. СПб., 1851. С. 231.
50. Столетие Военного министерства. Главное инженерное управление: Ч. 1. [Царствование Императора Александра I. [Очерк 2: Результаты деятельности инженерного управления. Строительство и инженерные войска]. С. 341.
51. Передана в крепость Нейшлот, где была соединена с другой ¼ №18 роты. Там же. С. 341.
52. Там же. Приложение LXVI. С. 189.
53. Там же. Приложения LXVIII а. С. 202, LXVIII б. С. 205.
54. KA. Rippikirjat 1829–1840. S. 38–55.
55. Ibid. Rippikirjat 1853–1855. Именные списки. S. 1–23.

Литература

- Веселаго Ф. Ф.* Список русских военных судов с 1668 по 1869 год. СПб.: Тип. Морского министерства., 1872. 754 с.
- Висковатов А. В.* Историческое описание одежды и вооружения Российских войск. Т. X. СПб.: Военная тип., 1851. 603 с.
- Записки о России генерала Манштейна. 1727–1744. СПб.: Тип. В.С. Балашова, 1875. 399 с.
- Ласковский Ф. Ф.* Материалы для истории инженерного искусства в России. Часть III. Опыт исследования инженерного искусства после императора Петра I и до императрицы Екатерины II. СПб.: Императорская академия наук, 1865. 1022 с.
- Столетие военного министерства. Главный штаб. Ч. 1 Комплектование вооруженных сил в России до 1802 года. СПб.: Тип. «Бережливость», 1902. 498 с.
- Столетие военного министерства. 1802–1902 гг. Главный штаб. Исторический очерк. Организация, расквартирование и передвижение войск. Выпуск 1 (период 1801–1805 гг.). СПб.: Тип. т-ва «Вольф», 1902. 524 с.

Столетие Военного министерства. 1802–1902. Главное инженерное управление. Ч. 1. [Царствование Императора Александра I]. Очерк 2. [Результаты деятельности инженерного управления. Строительство и инженерные войска]. Ист. очерк. СПб.: Тип. т-ва М.О. Вольф, 1902. 787 с.

Суворов А. В. Письма. М.: Наука, 1986. 836 с.

Фриман Л. История крепости в России. Часть I. До начала XIX столетия. СПб.: Печатня А. В. Пожаровой, 1895. 256 с.

Хроника российской императорской армии. Ч. VII. Войска, в Финляндии находящиеся, и отдельных корпусов: Оренбургского, Сибирского, Внутренней стражи и Корпуса Жандармов. СПб.: Военная тип., 1852. 340 с.

Шкваров А. Г. Крепость Нейшлот и ее гарнизон в 1750–1850 гг.: по материалам Национального архива Финляндии // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. СПб., 2018 (2). С. 242–255.

Шкваров А. Г. Российское казачество в Финляндии в период автономии 1809–1917 гг. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2010. № 11 С. 76–80.

Шкваров А. Г. Русские гарнизоны в Великом княжестве Финляндском: проблемы взаимоотношений с местным населением // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2011. № 12. С. 80–89.

Шкваров А. Г. Русский гарнизон города Або (Турку) в XIX веке // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. СПб., 2018 (1). С. 38–55.

Шкваров А. Г. Русский гарнизон Фридрихсгама в 1750–1850-х гг.: по материалам Национального архива Финляндии // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Россия, Финляндия и Скандинавия: Ключевые события в истории Тематический выпуск: К истории Великой русской революции и независимости Финляндии. Выборг, 2018. № 19 (2). С. 190–208.

Шкваров А. Г. «Когда пришли Русские...». Выпуск 4. Loviisa.: RME Group Oy, 2018. 320 с.

Шпилевская Н. Описание войны между Россией и Швецией в Финляндии в 1741, 1742 и 1743 годах. СПб.: Типография Я. Трея, 1859. 275 с.

Г. А. Кьяндский – офицер финляндского радиотелеграфного дивизиона: портрет «в интерьере эпохи» (по материалам из фондов Мемориального музея А. С. Попова)

Профессор, доктор технических наук Г. А. Кьяндский оставил заметный след в истории Ленинградского электротехнического института имени В. И. Ульянова (Ленина) (ныне – СПбГЭТУ «ЛЭТИ»). Биографические очерки о нем публиковались в различных изданиях по истории СПбГЭТУ «ЛЭТИ» и по истории радиотехники¹. Вместе с тем, обстоятельства и некоторые детали его военной службы освещены в известных публикациях недостаточно точно.

В 1927 г., будучи уже сотрудником ЛЭТИ, Георгий Александрович женился на Екатерине Александровне Поповой, младшей дочери А. С. Попова, изобретателя беспроводного телеграфа (радио). После создания в ЛЭТИ Мемориального музея А. С. Попова Екатерина Александровна Попова-Кьяндская стала директором этого музея. А после её кончины пост директора заняла дочь – Екатерина Георгиевна Кьяндская. В фондах Мемориального музея А. С. Попова отложился значительный массив документов из семейного архива Поповых-Кьяндских, включая личные документы самого Георгия Александровича. Эти документы позволили уточнить ряд существенных деталей и обстоятельств военной биографии Г. А. Кьяндского, что, в свою очередь, дало дополнительные штрихи к картине самой эпохи.

Георгий Кьяндский родился 30 апреля 1895 г.² в семье чиновника «Александровского комитета о раненых» Александра Кирилловича Кьяндского (с 6.12.1916 – статский советник) и был старшим из 4-х братьев³. Воспитание получил в Санкт-Петербургской 11-й гимназии, полный курс которой окончил с золотой медалью в 1913 г. Начало Первой мировой войны он встретил студентом электромеханического отделения Санкт-Петербургского Политехнического института.

Война затронула все сферы общественной жизни страны, включая и высшую школу. Отношение столичного студенчества к войне не было единообразным и существенно эволюционировало вместе с развитием ситуации на фронте и в тылу – от всеобщей эйфории и патриотического подъема (проявлявшегося, в том числе, и в стремлении части студентов к поступлению в армию и отправке на фронт в любом возможном качестве) до более взвешенных и рациональных оценок и поступков. Наиболее выражен этот рационализм был у студентов технических вузов, которые стремились по возможности завершить обучение, а в случае поступления в армию и во флот, найти варианты службы «по специальности».

Военная «тема» не обошла семью Кьяндских, включая и самого Георгия Александровича. В ряде документов и публикаций указывается, что Г. А. Кьяндский был в январе 1916 г. мобилизован в армию. Так, в послужном списке Г. А. Кьяндского, составленном 18 февраля 1926 г., в разделе «Служба в старой армии» зафиксировано (с пометкой «со слов»): «Мобилизован

в 9-ую искровую роту (рядовым). – I. 1916»⁴. В автобиографии, написанной Г. А. Кьяндским в 1932 г., также указано: «1916 г. Призван в старую армию...»⁵.

Действительно, в 1916 г. произошел самый большой с начала войны призыв в армию студентов. Однако объявлен он был весной 1916 г. К этому моменту Г. А. Кьяндский находился уже на службе, что исключает прямую связь между указанными событиями. И здесь, на наш взгляд, необходим дополнительный комментарий. Как известно, «Устав о воинской повинности» Российской Империи, наряду с призывом, позволял молодым людям отбывать воинскую повинность «в качестве вольноопределяющихся или охотников» (на основании особых правил). Важным обстоятельством, в данном случае, было то, что вольноопределяющиеся могли поступать на службу в удобное для себя время, выбирая род оружия по собственному усмотрению. Вольноопределяющиеся являлись нижними чинами, носили полагающуюся нижним чинам форму одежды и могли получать те же звания и награды, что и остальные нижние чины. Единственным внешним отличием вольноопределяющегося был трехцветный бело-желто-чёрный кант (шнур), которым обшивались погоны. По окончании срока службы вольноопределяющиеся подвергались особому экзамену; выдержавшие его производились в первый офицерский чин прапорщика.

Как свидетельствуют документы, Г. А. Кьяндский реализовал именно эту, предоставленную ему законом, возможность и, не дожидаясь очередного призыва по мобилизации (и связанного с ним элемента случайности в смысле определения дальнейшей военной судьбы), поступил на службу добровольно, на правах вольноопределяющегося, избрав для прохождения службы одну из радиотелеграфных частей (в районе столицы), а именно – недавно сформированную 9-ую искровую роту⁶.

В Мемориальном музее А. С. Попова хранится «Записная книжка» охотника 9-й искровой роты Георгия Кьяндского (личный номер 121). Согласно этому документу, Г. А. Кьяндский был записан в роту с 31 декабря 1915 г. В службе на правах вольноопределяющегося 1-го разряда – с 1 января 1916 г.⁷ Дата поступления в роту 31 декабря 1915 г. также подтверждается документами Российского государственного военно-исторического архива⁸.

Известно несколько фотографических портретов Г. А. Кьяндского в форме нижнего чина Русской армии (в том числе, находящиеся в фондах Выборгского объединенного музея-заповедника, куда они поступили от Е. Г. Кьяндской-Поповой)⁹. На погонах портретируемого хорошо «читается» специальный знак искровых телеграфных (радиотелеграфных) частей, введенный в Русской армии в 1911 г., а также номерная шифровка «6». По краям погон вполне отчетливо просматривается трехцветный шнур, указывающий на то, что перед нами именно вольноопределяющийся рядового звания.

К сожалению, в ряде случаев при атрибуции этих фотографий была допущена неверная интерпретация цифры «6» на погонах Г. А. Кьяндского, как якобы указывающая на его принадлежность к 6-й искровой роту. В действительности, Г. А. Кьяндский, как уже отмечалось выше, начал свою службу в 9-й искровой роту, а цифра «6» в данном случае означает «6-й радиотелеграфный дивизион».

В качестве необходимого комментария поясним, что на начало войны искровые роты являлись в Русской армии основной организационной единицей, обеспечивавшей радиосвязь частей и соединений на фронте. Опыт боевых действий, однако, потребовал введения новой организации. Приказом Начальника штаба Верховного Главнокомандующего (НШВГК) от 1 февраля 1916 г. было введено «Временное положение о радиотелеграфе в действующих армиях», которое затем в дополненном и уточненном виде было «продублировано» приказом НШВГК от 13 мая 1916 г. Новая организация предусматривала создание (вместо искровых рот) радиотелеграфных дивизионов, которые должны были объединить «в специально-техническом отношении» все радиостанции, действующие в пределах одной армии. Одновременно вводились штаты новых радиотелеграфных формирований. Согласно «Ведомости наименований и распределения по армиям радиотелеграфных дивизионов», штабу 6-й армии (отвечавшей за оборону Балтийского побережья и подступов к столице) придавался 6-й дивизион, формируемый из 9-й искровой роты.

Во исполнение приказа НШВГК от 1 февраля 1916 г. Главнокомандующий армиями Северного фронта предписал (приказание армиям СФ от 28 марта 1916 г.): «Теперь-же приступить к расформированию искровых рот с переформированием штабов: ... 9 искровой роты – в управление 6 армейского радиотелеграфного дивизиона». И там же, далее: «С 1-го наступающего апреля все управления и другие радиотелеграфные подразделения на основании новой организации должны называться новыми наименованиями согласно временного положения, объявленного в вышеупомянутом приказе». Судя по всему, тогда же были заменены и шифровки на погонах.

Таким образом, представляется возможным уточнить временной интервал, в пределах которого могли быть сделаны упомянутые выше фотографические портреты Г. А. Кьяндского в форме вольноопределяющегося (рядового звания) 6-го радиотелеграфного дивизиона. Снимки были сделаны не ранее 1 апреля 1916 г. (или, во всяком случае, – 28 марта, когда было объявлено приказание) и не позднее даты производства Г. А. Кьяндского в ефрейторы, которое состоялось, согласно послужному списку, 1 июня 1916 г. (с допуском на возможную задержку в доведении приказа).

Как зафиксировано далее в послужном списке, 20 ноября 1916 г. Г. А. Кьяндский был командирован в Петроград в Николаевское инженерное училище «для держания экзаменов». После сдачи экзамена он вернулся в свой дивизион и был произведен в младшие унтер-офицеры (запись об этом производстве отсутствует в его послужном списке, но новое воинское звание зафиксировано в других документах Г. А. Кьяндского).

В декабре 1916 г., в связи с образованием Румынского фронта, полевое управление 6-й армии было переброшено в Румынию, где на его основе был сформирован штаб новой 6-й армии Румынского фронта (бывшей Дунайской армии). При этом действовавший там Дунайский радиотелеграфный дивизион был переименован в 6-й радиотелеграфный дивизион¹⁰. Одновременно управление прежнего 6-го радиотелеграфного дивизиона было

переименовано в управление Финляндского радиотелеграфного дивизиона, с переподчинением его штабу 42-го армейского корпуса¹¹.

В фондах Мемориального музея А. С. Попова хранится копия «Перевязочного свидетельства», выданного младшему унтер-офицеру из вольноопределяющихся Г. А. Кьяндскому в связи с травмой (сотрясение мозга, подкожная гематома), полученной им 8 января 1917 г. в районе города Раума¹². В качестве места службы потерпевшего указана «169 автомобильная финляндская радиостанция». На наш взгляд, здесь имеет место канцелярская ошибка, допущенная исполнителем копии документа, который ошибочно интерпретировал запись «1-ая» в подлинном свидетельстве как номер «169». В пользу этой версии говорит также имеющаяся на документе отметка о наличии на подлиннике оттиска печати 1-ой автомобильной станции Финляндского радиотелеграфного дивизиона. Копия свидетельства заверена печатью и подписью командира Финляндского радиотелеграфного дивизиона.

В марте 1917 г. Г. А. Кьяндский был произведен в чин прапорщика инженерных войск по искровым частям с назначением (уже в качестве офицера) в Финляндский радиотелеграфный дивизион. А в июне 1917 г. – назначен начальником 2-й отдельной неподвижной радиостанции Финляндского радиотелеграфного дивизиона. В фондах Мемориального музея А. С. Попова и Выборгского объединенного музея-заповедника имеется несколько фотографий Г. А. Кьяндского в форме прапорщика радиотелеграфных частей. В Выборгском музее, кроме того, хранится служебное удостоверение Г. А. Кьяндского, выданное ему 3 января 1918 г., как начальнику 2-й отдельной неподвижной радиостанции Финляндского радиотелеграфного дивизиона¹³.

Примечательно, что в «Трудовом списке» Г. А. Кьяндского, оформленном в 1931 г. в ВНИИ метрологии и стандартизации (ВИМС), этот период его военной и трудовой биографии отмечен всего двумя записями: «1916 – Поступил в 9-ую Искровую роту, на должность радио-техника (рядовой). 1917 – Назначен в Финляндский радио-телеграфн.[ный] дивизион на должность начальника радио-станции»¹⁴. Как показывает опыт работы с архивными документами тех лет, советские граждане, в своем большинстве, пытались (если позволяла ситуация) не «афишировать» без необходимости даже сам факт своей службы в старой армии, а уж тем более – пребывание в офицерских чинах. (Особенно, если продолжительность службы была небольшой и приходилась в основном на 1917 г.). Судя по всему, здесь имеет место именно такой случай, когда Г. А. Кьяндский решил, что называется, перестраховаться, опустив в документе эту «подробность» и специально добавив в качестве пояснения слово «рядовой».

В марте 1918 г. прапорщик Г. А. Кьяндский был уволен со службы в связи с демобилизацией старой армии. Обращает на себя внимание, что увольнительные документы, выданные ему командиром Финляндского радиотелеграфного дивизиона, были оформлены, как на нижнего чина¹⁵. Возможно, это всего лишь случайность (не было других бланков), а возможно, командир дивизиона уже тогда понимал все потенциальные риски и опасности

начинавшейся на просторах страны гражданской войны и пытался хотя бы таким способом обезопасить своих офицеров, увольняя их со службы «в неизвестность». Во всяком случае, по прибытии в Петроград 21 марта 1918 г. Г. А. Кьяндский был оформлен как «б.[ывший] телеграфист», уволенный со службы на основании Приказа Народного Комиссариата по военным делам от 20 января 1918 г. за № 56 («Увольнение солдат по всем ст. ст. расп. бол. лит. А»). И лишь потом запись «б. телеграфист» была кем-то зачеркнута и исправлена на «б. прапорщ. радиотел.» (с заверением исправления подписью и печатью)¹⁶.

Судьба же самого командира Финляндского радиотелеграфного дивизиона сложилась трагически. Подполковник Федор Александрович Кастнер (а именно его подписи стоят на всех упомянутых выше военных документах Г. А. Кьяндского), задержавшийся в Выборге по делам Ликвидационного управления, был убит белофиннами 29 апреля 1918 г., став одной из жертв массовых расстрелов, организованных отрядами финской белой армии в Выборге сразу после взятия города¹⁷. В списках жертв белофинского террора в Выборге упоминается, как минимум, еще один представитель Финляндского радиотелеграфного дивизиона¹⁸. Судя по всему, такая же участь ждала и Г. А. Кьяндского, задержись он в Выборге всего на месяц...

Другой важный и весьма интересный, на наш взгляд, сюжет в военной биографии Г. А. Кьяндского связан с его службой в РККА. После увольнения из старой армии он работал с 22 июня 1918 г. в Петрограде на Городском механическом хлебопекарном заводе «Пекарь» (Комиссариат продовольствия Петроградской трудовой коммуны). В связи с объявленным призывом и мобилизацией в Красную армию, которая охватила осенью 1918 г. и бывших офицеров старой армии, Г. А. Кьяндский явился 11 декабря 1918 г. в приемную комиссию при районном комиссариате по военным делам Петроградского района, однако по результатам медицинского осмотра был признан «вовсе негодным». Решение приемной комиссии: «Освобожден от военной службы навсегда»¹⁹.

Тем не менее, в июне 1919 г. Г. А. Кьяндский был призван по мобилизации в РККА, и вскоре назначен техником, а затем инструктором школы 1-й Базы радиотелеграфных формирований во Владимире. В январе 1920 г. он был назначен помощником заведующего 4-м курсом той же школы²⁰. Однако уже в мае того же года он оказался в Петрограде в Электротехническом институте (ЭТИ), где приступил к занятиям на электрофизическом факультете. В некоторых публикациях этот «переход» объясняют просто – демобилизацией. Так, например, в статье «Памяти Г. А. Кьяндского», опубликованной в 1955 г. в институтской газете «Электрик», указано: «После демобилизации Г. А. Кьяндский поступил в наш институт, который успешно закончил в 1922 г.»²¹.

В действительности, Г. А. Кьяндский не был в 1920 г. демобилизован из РККА, а его приход в Электротехнический институт связан с другой, весьма интересной, но почти забытой сейчас страницей в истории молодого советского государства.

Необходимость скорейшего восстановления народного хозяйства, разрушенного войной, выдвинула на первый план вопрос инженерных кадров. В этих условиях Совет Народных Комиссаров РСФСР издал 24 марта 1920 г. декрет «О срочном выпуске инженеров-специалистов» (действие которого было, затем, продлено до 1 июля 1921 г.). Согласно данному декрету предполагалось «в целях срочного предоставления хозяйственным органам Р.С.Ф.С.Р. кадра инженеров с законченной подготовкой» организовать «усиленные занятия» (по специально разработанным учебным планам и программам) для бывших студентов технических вузов (не завершивших по тем или иным причинам своего обучения), с тем, чтобы уже осенью 1920 г. обеспечить первый выпуск дипломированных инженеров. При этом было определено: «Откомандировать из всех без исключения учреждений, предприятий и Красной Армии всех бывших студентов, заявивших о своем желании закончить образование в текущем году, и удовлетворяющих условиям приема на усиленные занятия»²².

Именно в рамках этого декрета и был откомандирован в Петроград Г. А. Кьяндский. В удостоверении, выданном ему 24 апреля 1920 г., было указано: «Предъявитель сего помощник заведывающего 4-м курсом школы Базы радиотелеграфных формирований Красной Армии т. Кьяндский Георгий действительно следует в город Петроград в Политехнический институт для усиленных занятий по срочному выпуску инженеров, согласно декрета Совета Народных Комиссаров от 24-го марта 1920 года».

Судя по документам, прием кандидатов был организован в Петрограде в управлении Технологического института, в распоряжение которого и был командирован Г. А. Кьяндский. При этом в предписании было отмечено, что «т. Кьяндский – студент Петроградского Политехнического института, куда и надлежит отправить означенного товарища в случае открытия названного института». На предписании, заверенная копия которого сохранилась среди личных документов Г. А. Кьяндского²³, имеются три отметки: «Препровождается в Политехнический институт. 28/IV 20 г.», «Явлен в д. 1/3 по дор. в Сосновку»²⁴. Петроград. 10 мая 1920 г.» и «Препровождается в Петроградский Электротехнический институт. Декан Электромеханического факультета Петроградского Политехнического института /Подпись/ 18/V 20 г.». Можно предположить, что вариант с Электротехническим институтом возник уже в Петрограде, после ознакомления с обстановкой, что называется, «на местах». В любом случае, решающую роль здесь сыграла военная специализация Кьяндского в области радиотелеграфного дела, а также наличие именно в Электротехническом институте соответствующего направления подготовки. Постановлением Совета ЭТИ от 17 мая 1920 г. студент Петроградского Политехнического института Г. А. Кьяндский был «допущен к усиленным занятиям по ускоренному выпуску инженеров-электриков при Электротехническом институте по радиотелеграфной специальности»²⁵. На следующий день, 18 мая 1920 г. руководство Политехнического института официально согласовало переход Г. А. Кьяндского в ЭТИ.

Примечательно, что в период учебы в ЭТИ (1920–1922) Г. А. Кьяндский, оставаясь на военной службе, сам занимался преподавательской деятель-

ностью в военно-учебных заведениях. Согласно документам, он состоял «приватным преподавателем» в Высшей кавалерийской школе РККА в Петрограде²⁶, где «руководил лабораторными занятиями по радиотехнике и читал лекции по электротехнике и радиотехнике»²⁷. А в 1922 г., сразу после окончания ЭТИ – поступил на должность преподавателя 2-х Командных курсов связи в Петрограде.

Таким образом, привлечение новых документальных источников, внимание к деталям и учет исторического контекста позволили по новому взглянуть на некоторые, казалось бы, вполне известные страницы военной биографии Г. А. Кьяндского. Уточнены детали и обстоятельства его поступления на военную службу в период Первой мировой войны, а также его службы в Красной армии. Приведены дополнительные данные для атрибуции его фотографических портретов в военной форме, сделанных в 1916–1917 гг.

1. Красникова Е. В. Г. А. Кьяндский. К 120-летию со дня рождения // Юбилейная 70-я Всероссийская научно-техническая конференция, посвященная Дню радио (21–29 апреля 2015 г.). СПбНТОРЭС им. А. С. Попова. Труды конференции. Том 2. СПб, 2015. С. 192–193; Выдающиеся выпускники и деятели Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» имени В.И. Ульянова (Ленина). 1886–2006: биографический справочник. СПб, 2006. С. 152–153.
2. Даты до 1918 г. приведены по старому стилю.
3. Георгий (30.4.1895), Андрей (9.12.1897), Дмитрий (10.10.1899), Кирилл (5.6.1902).
4. Мемориальный музей А. С. Попова (далее: ММП). Ф. 243. № 10459. Послужной список на Кьяндского Г. А., преподавателя радиотехники радио школы 1-й Базы. Составлен 18.2.1926 г. Фотокопия.
5. ММП. Ф. 243. Автобиография Г. А. Кьяндского. 9 декабря 1932 г.
6. Там же. Приказ НШВГК № 78 (секретно) от 23 сентября 1915 г.
7. Там же. Ф. 243. № 10476.
8. Краткая записка о службе Финляндского радиотелеграфного дивизиона прапорщика Георгия Кьяндского // Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 409. п/с 359–773.
9. Выборгский объединенный музей-заповедник. ВКМ КП–4639/3 – Режим доступа: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=5450001>. Дата обращения: 14.11.2018.
10. ММП. Приказ НШВГК № 1683 (секретно) от 5.12.1916 г.
11. Там же. Приказ НШВГК № 1794 от 25.12.1916 г.
12. Там же. Ф. 243. № 10477.
13. Выборгский объединенный музей-заповедник. ВКМ КП–3500/11. – Режим доступа: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=4446616>. Дата обращения: 14.11.2018.
14. Трудовой список Кьяндского Г. А. // ММП. Ф. 243. № 10490.
15. Там же. № 10479.
16. Там же. № 10480.
17. Вестерлунд Л. Мы ждали вас как освободителей, а вы принесли нам смерть... С. 110.
18. Там же. С. 118.
19. ММП. Ф. 243. № 10482.
20. Там же. № 10460. Послужной список Школы Базы радиотелеграфных формирований инструктора Кьяндского Г. А. Составлен 17.9.1919 г., с дополнительными записями на 24.4.1920 г. Фотокопия.
21. Памяти Г. А. Кьяндского (некролог) // «Электрик». 28 мая 1955 г. № 21 (690).
22. Цит. по: Декреты Советской власти. Т. VII. 10 декабря 1919 г. – 31 марта 1920 г. М., 1975. С. 387–388.
23. ММП. Ф. 243. № 10489.
24. «Лесной, дорога в Сосновку, 1–3» – официальный адрес Политехнического Института.
25. ММП. Ф. 243. № 10488.

26. Там же. № 10490. Трудовой список Кьяндского Г. А.

27. Там же. Ф. 243. Автобиография Г. А. Кьяндского. 9 декабря 1932 г.

Литература

Вестерлунд Л. Мы ждали вас как освободителей, а вы принесли нам смерть... СПб.: Аврора–Дизайн, 2013. 218 с.

Выдающиеся выпускники и деятели Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» имени В. И. Ульянова (Ленина). 1886–2006: биографический справочник. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), 2006. 350 с.

Декреты Советской власти. Т. VII. 10 декабря 1919 г. – 31 марта 1920 г. М.: Политиздат, 1975. 676 с.

Красникова Е. В. Г. А. Кьяндский. К 120-летию со дня рождения // Юбилейная 70-я Всероссийская научно-техническая конференция, посвященная Дню радио (21–29 апреля 2015 г.). Труды конференции. Том 2. СПб.: СПбНТОРЭС им. А. С. Попова, 2015. С. 192–193.

Смолин А. В. Ларс Вестерлунд. «Мы ждали вас как освободителей, а вы принесли нам смерть...» СПб.: Аврора–Дизайн, 2013. 128 с. // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2014. № 12. С. 254–259.

«Дайте нам короля».

Дискуссия о форме правления в выборгской прессе 1918 г.

Для молодого государства выбор формы правления и утверждение легитимной власти имеют первостепенное значение. Накопленный за годы существования Великого княжества Финляндского опыт, несомненно, облегчал Финляндии процесс формирования государственной системы управления. Однако действующего современного основного закона у новопроевглашенной республики не было. Для решения этой проблемы в Сенате еще в марте 1917 г. был сформирован Конституционный комитет, главой которого стал президент высшего административного суда К. Ю. Стольберг. В состав Комитета вошли крупнейшие политики и юристы страны: Р. Вреде, Й. Р. Даниельсон-Кальмари, Ю. К. Паасикиви, Ф. О. Лиллиус и др.¹ К октябрю 1917 г. Конституционным комитетом был подготовлен законопроект, по которому Финляндия провозглашалась республикой, возглавляемой парламентом и президентом². Этот проект основного закона соответствовал требованиям революционного времени и в некоторых отношениях (например, в вопросе об избрании президента путем прямого голосования) был даже радикальнее, чем утвержденная позднее, в 1919 г., Форма правления³.

6 декабря 1917 г. правительство П. Э. Свинхувуда представило на утверждение сейма воззвание «К народу Финляндии». В тексте документа говорилось: «...Правительство представляет Сейму проект Конституции Финляндии. Руководящий принцип проекта состоит в том, что Финляндия будет суверенной республикой». В те дни, когда финляндские политики принимали решение о провозглашении независимости, было принято считать, что республиканская форма государственного правления является «целью нации»⁴. Вместе с тем, юридические основания, позволившие Финляндии провозгласить независимость, опирались на унаследованный еще со шведских времен основной закон – Акт о форме правления 1772 г. Параграф 38 этого документа позволял гражданам страны в случае, если правящая династия прервется, избрать нового государя. Отречение Николая II означало также отказ от великокняжеской короны, поэтому финляндцы получили возможность выбрать монархическую форму правления (с утверждением новой правящей династии). И именно этой возможностью воспользовались правительство и сейм в разгар гражданской войны, когда консервативными политическими силами были поставлены под сомнение верность демократического курса и доверие к воле большинства (особенно рабочего класса, не обладающего, по мнению буржуазных политиков, достаточной квалификацией, чтобы принимать решения, касающиеся жизни страны)⁵. Под сомнение ставилось даже важнейшее демократическое завоевание Финляндии – всеобщее избирательное право⁶. По мнению правых сил, интересы общества, связанные с постоянной и крепкой властью, отныне могла обеспечить только монархия.

Первые сигналы, свидетельствующие о неустойчивости республиканского выбора, стали просачиваться на страницы печатных изданий уже в начале 1918 г. Еще до начала гражданской войны в ряде нестоличных газет была опубликована статья писателя Вихтори Ляхде «Финляндия – независимая республика? Пока нет»⁷. По мнению Ляхде, у народа Финляндии не было еще «нового основного закона государства. Также как нет у нашего революционного сейма и утвержденного им правительства той государственной мощи, которая смогла бы от имени народа окончательно провозгласить для Финляндии выбор той или иной – республиканской или монархической – формы правления». Писатель считал, что утверждение новой конституции с учетом интересов всех граждан поможет сплотить общество, находящееся на грани раскола. Ляхде усматривал в выборе устойчивой формы правления залог успешного государственного строительства, не зависящего от внешнеполитических факторов. Поднятой автором статьи проблеме в тот момент не придали должного значения, а последовавшие события только подхлестнули нарастающие социальные и межэтнические противоречия.

Уже в разгар военного противостояния к проблеме государственного устройства обратилась социал-демократическая печать. В выборгской газете «Туо» было опубликовано письмо проживающего в Советской России Вяйнё Пукка⁸, который заявлял, что по имеющимся в Москве сведениям, правительство «Белой Финляндии» при поддержке Берлина тайно готовит новый проект формы правления, и поскольку в нынешнем составе правительства преобладают монархисты, они «планируют отдать корону Финляндского королевства представителю прусского империализма»⁹. Пукка напрямую увязывал тайный монархический проект с попыткой подавления рабочей революцией «шведскими и финскими капиталистами».

Указание Пукка на причастность шведоговорящего меньшинства к монархическому проекту не было случайностью. Именно через шведоязычную прессу Финляндии и напрямую из Швеции весной 1918 г. стали проникать слухи о том, что вопрос о форме правления будет пересмотрен. «Шведские газеты пустили слух, – сообщала газета «Kogri-Jakko», – что Финляндия будет монархией, а королем в ней будет якобы младший сын императора Вильгельма, прусский принц Оскар. И эта побасенка, про которую говорят, что она исходит из дипломатических кругов и по которой, якобы, уже сделан запрос финляндской стороной, уже по телеграфу облетела Швецию»¹⁰. Впрочем, в заметке выражалось сомнение в достоверности «этих сплетен».

В апреле слухи начали поступать уже из Дании, но «вели» они в Германию. Пресса сообщала о том, что в берлинских газетах обсуждается тема создания «Финляндского королевства», в котором, якобы, заинтересованы сами финны. Кандидатом в короли «в этот раз будет не немецкий принц, а кто-то... с другой стороны»¹¹.

На протяжении первых месяцев 1918 г. подобные заметки, впрочем, оставались единичными, пока 23 апреля в столичной газете «Dagens Press» не была опубликована статья Артура Эклунда¹² с провокационным заголовком «Дайте нам короля!»¹³. После ее появления вероятность принятия монархии уже не казалась гипотетической. Изложенные в статье Эклунда идеи

мгновенно были подхвачены самой влиятельной шведоязычной газетой страны – «Hufvudstadsbladet». Самое многотиражное издание Финляндии, газета младофинской партии «Helsingin Sanomat», редакция которой придерживалась республиканских взглядов, также сочла необходимым быстро отреагировать. Скандальную статью заметили и почти во всех выборгских газетах. Младофинская «Karjala» объясняла появление статьи Эклунда и ее широкий резонанс эйфорией от победоносных действий белой армии и напоминала, что «финская национальная крестьянская армия боролась за независимую Финляндскую республику... и демократию». Выбор республиканской формы правления был редким примером единодушного решения парламента. «Борьба должна быть доведена до конца, – заканчивал автор передовицы. – Республиканскую форму правления Финляндии необходимо защитить»¹⁴. Другая младофинская газета, «Karjalan Aamulehti»¹⁵ обращала внимание читателей на то, что парламента в его тогдашнем составе не представляет воли народа, а сомнений в том, что юридически Финляндия является республикой быть не может¹⁶. В подтверждение своих слов газета публиковала репортажи о народных сходах и митингах в поддержку республики¹⁷.

Республиканских взглядов придерживалась и с трудом выживавшая социал-демократическая пресса, и «Maakansa» – орган Аграрного союза. Старофинская «Wiipurin» осталась практически вне полемики, публикуя на своих страницах лишь сухие отчеты о парламентских дискуссиях. Складовавшаяся картина свидетельствовала о том, что выборжане сохраняют верность республиканскому курсу и не вынашивают монархических идей.

Доводы республиканцев, касающиеся полномочий сейма в выборе формы правления, имели под собой весомые основания. Когда в мае 1918 г. возобновилась деятельность парламента, в его составе оказалось чуть более половины избранных в 1917 г. депутатов. Самая крупная, социал-демократическая фракция в сейме почти не была представлена: часть депутатов покинула страну, часть находилась под арестом, несколько депутатов погибло в сражениях гражданской войны¹⁸.

18 мая был избран носитель верховной власти в Финляндии – регент, пост которого занял П. Э. Свинхувуд. Новое правительство возглавил Ю. К. Паасикиви. Именно в этот период вопрос о форме правления стал самым острым сюжетом политических дискуссий. Как отмечал А. Хульден, возвращение к «монархическим мечтам» стало логическим продолжением социального раскола, вылившегося в гражданскую войну.

На примере младофинской «Karjala», самой влиятельной нестоличной газеты страны, интересно проследить, как последовательно монархическая идея проникала в общественное сознание, и как начиналось размежевание сторонников партии на консервативный и либеральный сегменты. В середине мая передовицы газеты еще утверждали, что «только через республиканскую форму правления есть у нас шанс построить целостную и единодушную Финляндию, которая необходима, чтобы мы могли защитить завоевания нашей борьбы за независимость»¹⁹. Спустя неделю возможность установления монархии рассматривалась уже более детально, с точки зре-

ния единства Северных стран и возможности верховного носителя власти оказаться выше политических и партийных разногласий. Тем не менее, газета по-прежнему утверждала, что «ни король, ни его заискивающие придворные не могут ничего. Только сам народ может вершить и внутреннюю, и внешнюю политику»²⁰. А еще через несколько дней редакция газеты уже настаивала на том, что будущее Финляндии – за монархией. «Прежде всего, у короля должен быть близкий ему круг государственных чиновников. И самое большое доверие короля должно быть к нашим шведам и к части финнов»²¹. Будучи его советниками и его людьми, они значительно повлияли бы на представления короля о том, в чем заключается благо народа. С другой стороны, разве кто-либо поверит, что наши вновь сформированные социал-демократические силы смогут по сердцу и убеждениям стать монархистами?»²². Придерживавшийся консервативных ценностей главный редактор газеты Э. Пааволайнен выражал, таким образом, готовность рисковать неустойчивым единством общества ради крепкой власти и государственной безопасности.

Одним из важных мотивов в монархической пропаганде становится поддержание прочных связей с мощной и победоносной державой – Германией. Новый король должен был быть приглашен именно оттуда, из страны, оказавшей Финляндии военную поддержку весной 1918 г. Один из авторов газеты «Karjala», скрывавшийся под псевдонимом «Sakeri», от лица «всей сельской Карелии» пояснял свой монархический выбор: «Я очень надеюсь на избрание королем сына самого папаша Вилле – Оскара Карла Густава Адольфа»²³. В пользу германского вектора говорило и то, что монархия скандинавского типа считалась слабой, а консервативные круги Финляндии мечтали о правителе, наделенном широкими полномочиями. Городской агроном Выборга Ээро Эрола емко выразил эти устремления так: «В доме нужен хозяин, а в государстве нужен король!»²⁴.

Безусловно, многие монархисты отдавали себе отчет в том, что образование Финляндского королевства неизбежно повлечет за собой усиление позиций шведоязычного меньшинства. Так, например, комендант выборгского пограничного округа К. Рангакари объяснял, что только монарх сможет сгладить межнациональные противоречия: «Финский король – это, прежде всего, король финнов... Нужно, чтобы король был финном как по языку, так и по своей культуре. Если король будет к этому стремиться, его примеру последуют шведоязычные граждане. Президент с такой задачей справиться не может»²⁵. На монарха, таким образом, возлагалась задача по созданию монокультурного общества, в котором национальные меньшинства будут вынуждены ассимилироваться с языковым и этническим большинством – по примеру короля.

Законопроект о монархической форме правления был внесен на рассмотрение парламента в июне. Его быстрому одобрению помешало только решающее парламентское меньшинство. Тем не менее, монархисты смогли преодолеть это препятствие, предоставив правительству право избрания монарха на основании Формы правления 1772 г., формально не утратившей силу. И в республиканско-либеральной, и в социал-демократической печа-

ти Выборга решение эдускунты о выборах короля правительством было охарактеризовано как «государственный переворот»²⁶.

10 октября 1918 г. в «Karjala» появилось восторженное сообщение: «Правительство вчера вечером избрало королем Финляндии принца Гессенского Фридриха Карла»²⁷. В силу дипломатических проволочек, протокол заседания парламента поступил новоизбранному государю только 4 ноября, почти через месяц после самого события, когда поражение Германии в войне уже было неизбежно. Осенью 1918 г. почти в каждом номере «Karjala» публиковались статьи и заметки о будущем короле, истории его рода, о том, насколько важную роль в укреплении независимости может сыграть избрание королем немецкого принца. Либеральная пресса на те же события отозвалась с заметным разочарованием, констатируя: «нам выбрали короля». Рабочая газета «Itä-Suomen Työmies» отмечала, что монархический выбор порождает больше вопросов, чем ответов: «А что, если после новых выборов эдускунта вновь вернется к вопросу о форме правления? Уверены ли монархисты, что и тогда они смогут отстоять свою позицию?». Автор статьи, Вилле Кивипелто заявлял: «Политики сделали Финляндию приложением к Германии, и любой немецкий принц теперь может претендовать на финский трон»²⁸.

Пропаганда монархических настроений в обществе способствовали еженедельные иллюстрированные журналы, пользовавшиеся большой популярностью. Еженедельник «Kerberos» подготовил в сентябре специальный «королевский номер»²⁹, в котором было размещено несколько политических карикатур известного выборгского художника Тойво (Топи) Викстедта. На одном из рисунков изображались три монарха стран Скандинавии и увенчанный короной вопросительный знак, помещенный над изображением геральдического льва Финляндии. На другой карикатуре лидер республиканцев К. Ю. Стольберг подбрасывал в воздух монетку и вздыхал: «Игра закончена. Как ни бросай – выпадает корона»³⁰. Карикатуры на «монархические» сюжеты регулярно публиковал и выборгский сатирический еженедельник «Amriäinen». Так, за несколько дней до избрания принца Фридриха Карла Гессенского королем Финляндии, на обложке журнала появился рисунок с изображением геральдического льва, чистящего свой щит. Подпись гласила: «Пришло время счистить пятна с моего щита, потому что скоро придет король»³¹.

Поражение Германии в войне повлекло за собой пересмотр ситуации в целом. Необходимость в том, чтобы независимость Финляндии признали державы-победительницы, вынудила Финляндию отклониться от прогерманского курса, а новоизбранного короля заставила отказаться от финляндского трона³². Слухи о возможном отречении короля просочились в финляндскую прессу из Берлина еще в начале ноября. Эти слухи основывались на сообщении «Berliner Tadebladet», что советники принца Фридриха Карла рекомендуют ему отказаться от финского трона и переехать в Швейцарию³³. 12 ноября в «Karjala» был опубликован «ответ» принца Фридриха Карла³⁴, в котором избранный король сообщал, что не может занять трон на осно-

вании старой Формы правления, поэтому вопрос о коронации должен быть отложен до принятия обновленной конституции.

К прочно обозначившемуся к этому времени размежеванию рабочих и буржуазных политических движений добавился раскол в лагере несоциалистов, политические мнения которых разошлись в вопросе о форме правления. Разделение на сторонников монархии и республиканцев привело в конечном итоге к необходимости перераспределения политических сил. Таким образом, к концу 1918 г. две влиятельнейшие буржуазные партии – финская (старофинская) и младофинская – прекратили свое существование, а их место заняли две новые партии: консервативная Национальная коалиционная партия (правые монархисты) и либеральная Национальная прогрессивная партия (республиканцы-центристы). Еще одним признаком приближающегося краха «монархического проекта» стал уход в отставку П. Э. Свинхувуда³⁵ с поста регента. Новым главой государства стал К. Г. Э. Маннергейм.

14 декабря 1918 г. в Берлине состоялось окончательное отречение принца Фридриха Карла от финского трона, однако эта новость была обнародована с двухнедельной задержкой, когда официальное заявление было доставлено в Хельсинки³⁶. В своем обращении к гражданам Финляндии принц сообщал об изменившемся положении в мире и непреодолимых трудностях, препятствующих осуществлению воли финского правительства, а также выражал пожелания счастья возлюбленному народу Финляндии, освобождая его от всех обязательств.

В выборгской печати заявление об отречении было опубликовано на следующий день³⁷. В первых числах января «Karjala» высказывала сожаление о том, что в ушедшем году не удалось решить вопрос о форме правления, а чаяния народа о новом монархе остались нереализованными³⁸. В свою очередь, республиканская пресса, подводя итоги года, сообщала о росте антимонархических настроений в стране³⁹.

Окончательный крах монархический проект потерпел в следующем, 1919 г., когда 17 июля регент Финляндии К. Г. Э. Маннергейм утвердил новую, республиканскую Форму правления. Однако напоминание о нем осталось в государственной символике: указом Государственного совета от 12 февраля 1920 г. был утвержден флаг Финляндской республики, на котором гербовый щит, в котором было помещено изображение коронованного геральдического льва, увенчивался королевской короной⁴⁰.

1. Suomen Senaatille. Perustuslakikomitean mietintö № 7. Ehdotus Suomen Hallitusmuodoksi. Helsinki, 1917. S. 4.

2. Ibid. S. 5, 7. Решение сейма о подготовке новой (республиканской) формы правления было принято 31.03. 1917 г.

3. Согласно конституции 1919 г. президента выбирали 300 выборщиков от регионов страны.

4. *Цеттерберг С.* Финляндия после 1917 года. Хельсинки, 1995. С. 27.

5. *Vares V.* Kuninkaan tekijät: Suomalainen monarkia 1917–1919. Myytti ja todellisuus. Porvoo–Helsinki–Juva, 1998. S. 159.

6. Новикова И. Н. «Финская карта» в немецком пасьянсе. Германия и проблема независимости Финляндии в годы Первой мировой войны. СПб., 2002. С. 237.
7. *Lähde V. Suomi on itsenäinen tasavalta? Ei vielä* // *Tornion lehti*. 1918. № 5. Таммикuu, 18. S. 2.; *Liitto*. 1918. № 16. Таммикuu, 20. S. 3.
8. В августе 1918 г. Пукка станет участником учредительного съезда Коммунистической партии Финляндии, а затем возглавит партийную оппозицию.
9. *Pukka V. Salainen kuningaskunta waiko Suomen tasavalta?* // *Työ*. 1918. № 59. Maaliskuu, 25. S. 1.
10. *Saksalainen prinssi muka Suomen hallitsijaksi* // *Korpi-Jakko*. 1918. № 20. Maaliskuu, 19. S. 5.
11. *Suomesta kuningaskunta?* // *Keskisuomalainen*. 1918. № 92. Huhtikuu, 23. S. 3.
12. Артур Эклунд (1880–1927), финский журналист и политик, представитель Шведской народной партии, активист егерского движения, германист, преподаватель фехтования.
13. *A. E. Gif oss en konung!* // *Dagens Press*. 1918. №23. 23 April. S. 2.
14. *Tasavalta waiko kuningaskunta?* // *Karjala*. 1918. № 5. Toukokuu, 5. S. 1.
15. После распада младофинской партии, «*Karjalan aamulehti*» стала представлять интересы Национальной прогрессивной партии.
16. *Karjalan Aamulehti*. 1918. № 39. Toukokuu, 25. S. 2.
17. *Karjalan Aamulehti*. 1918. № 37. Toukokuu, 22. S. 3 ; *Karjalan Aamulehti*. 1918. № 45. Toukokuu, 31. S. 1.
18. *Юссила О., Хенттиля С., Невакиви Ю.* Политическая история Финляндии. 1809–2009. М., 2010. С. 152.
19. *Tasavalta tai kuningaskunta*. 1918. № 15. Toukokuu, 18. S. 1.
20. *Tasavalta vai kuningaskunta*. 1918. № 21В. Toukokuu, 26. S. 3.
21. Имеются в виду представители Шведской народной партии, старофинов и правого крыла младофинов.
22. *Monarkia tai tasavalta*. 1918. № 25. Toukokuu, 31. S. 6.
23. *Sakeri*. Кунинкаалинен ајатус // *Karjala*. № 71. Heinäkuu, 25. S. 4.
24. *Erola E. Kuningas waiko presidentti?* // *Karjala*. 1918. № 81. Elokuu, 6. S. 4.
25. *Rantakari K. N. Hallitusmuoto ja suomalaisuus* // *Karjala*. 1918. № 79В. Elokuu, 3. S. 3.
26. *Karjalan Aamulehti*. 1918. № 99. Elokuu, 8. S. 2; *Itä-Suomen Työmies*. 1918. №100. Elokuu, 8. S. 1.
27. *Karjala*. 1918. № 137. Lokakuu, 10. S. 1.
28. *Kivipelto V. waltiomuotokysymyksemme ja kuninkaanvaali* // *Itä-Suomen Työmies*. 1918. №154. Lokakuu, 11. S. 1.
29. *Kerberos*. 1918. Suuskuu. S. 14, 18.
30. В финском языке выражение «корона или решётка» соответствует русскому «орёл или решка».
31. *Ampriäinen*. 1918. № 20. Lokakuu, 05. S. 1.
32. Тем не менее, «Общефинляндские календари» на 1919 г. вышли с портретом «короля Финляндии» (*Suomen yleinen kalenteri. Almonakko ja vuosikirja*. Helsinki, 1919. S. 1).
33. *Salmetar*. 1918. № 125. Marraskuu, 5. S. 3.
34. *Karjala*. 1918. № 165. Marraskuu, 12. S. 1.
35. Об отречении П. Э. Свинхувуда было объявлено 14 декабря. Тогда же сообщалось о передаче полномочий регента К. Г. Э. Маннергейму. Находившийся за пределами Финляндии маршал сообщал о своем согласии стать главой государства телеграммой.
36. *Suomalainen Wirallinen lehti*. 1918. № 232. Joulukuu, 28. S. 1.
37. *Karjala*. 1918. № 203. Joulukuu, 29. S. 3.
38. *Poliittinen vuosikatsaus* // *Karjala*. 1919. № 2. Таммикuu, 3. S. 2.
39. *Itä-Suomalaisen työ mies*. 1918. № 199. Joulukuu, 3. S. 3.
40. *Kiljunen K. Lejonasta siniristiin. Suomen liput ja historia*. Helsinki, 2018. S. 124.

Литература

- Из истории конституционного строительства в Западной Европе в Новое и новейшее время. СПб.: Издательство РХГА, 2014. 353 с.
- Новикова И. Н. «Финская карта» в немецком пасьянсе. Германия и проблема независимости Финляндии в годы Первой мировой войны. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2002. 298 с.
- Цеттерберг С.* Финляндия после 1917 года. Хельсинки: Отава, 1995. 185 с.
- Юссила О.* Великое княжество Финляндское. 1809–1917. Хельсинки: Руслания, 2009. 844 с.
- Юссила О., Хенттиля С., Невакиви Ю.* Политическая история Финляндии. 1809–2009. М.: Весь мир, 2010. 472 с.
- Huldén A.* Kuningasseikkailu Suomessa 1918 / *Suomentanut R. Lassila*. Helsinki: Kirjayhtymä, 1988. 238 s.
- Kiljunen K.* Lejonasta siniristiin. Suomen liput ja historia. Helsinki: Into, 2018. 238 s.
- Kirby D.* Finland in the twentieth century. London: C. Hurst & company, 1979. 255 p.
- Vares V.* Kuninkaan tekijät: Suomalainen monarkia 1917–1919. Myytti ja todellisuus. Porvoo–Helsinki–Juva: WSOY, 1998. 356 s.

Новый подход финских исследователей к изучению гражданской войны в Финляндии во второй половине XX века

На протяжении уже почти ста лет у исследователей гражданской войны в Финляндии возникает спор относительно наименования событий, произошедших с января по май 1918 г. на территории Финляндии. С одной стороны, одержавшие победу «белофинны», именуют войну как «освободительную», избавившую Финляндию от «большевистской угрозы» и обеспечившую стране национальную независимость¹, а с другой стороны «красные» финны, видели в вооруженном конфликте типично классовую основу².

С начала 1950-х гг. стало активно внедряться в финскую историографию более нейтральное определение по отношению к событиям, произошедшим в 1918 г. Стремясь к более объективной оценке и пониманию мотивов обеих враждующих в Финляндии сторон, а также в связи с утверждением дружественных отношений с СССР, исследователи начали использовать термин «гражданская война» (финн. – «sisällissota»)³. После достижения определенного консенсуса относительно наименования войны, правительством Финляндии была признана законность мотивов «красных». Им были установлены памятники, а места их захоронений начали почитаться в большой степени.

После изменения отношения к характеру войны появилось огромное количество работ, повествующих о событиях войны с иного ракурса. В них во всех ужасах, случившихся с января по май 1918 г. было обвинено уже «белое» правительство, а «красные» стали мучениками и народными героями.

К середине XX в. споры о характере войны все же длились уже долгое время. Начавшаяся новая дискуссия о характере войны проходила на фоне уже признанного за рубежом социально-классового характера финской войны 1918 г. В самой же Финляндии к более взвешенной и объективной оценке событий продвигались крайне медленно. Данный процесс, очевидно, начал развиваться только после окончания Второй мировой войны, когда утверждалась т.н. «линия Паасикиви-Кекконена», направленная на поддержание дружественных и взаимовыгодных отношений с СССР. Именно учитывая это, вероятно, следует рассматривать переоценку событий 1917–1918 гг.

Основой для дискуссий о войне и об изменении взглядов на официальную точку зрения, проводимую правительством Финляндии, послужили изданные в двух томах исследования Я. Пааволайнена о политическом насилии 1917–1918 гг.⁴ Первый том рассказывал обо всех ужасах «красного террора», во втором подробно анализировались зверства, которые устраивали «белые» после окончания войны. Ранее, как в академической, так и в общественной жизни не было предпринято попыток столь яркой критики в отношении деятельности «белого» правительства, а также описания ужасов «белого террора», о котором стремились особо не писать. В действительности, существовавший в Финляндии «белый террор» прежде всего, затронул

всю наиболее населенную южную часть страны. В воспоминаниях очевидцев можно встретить ужасающие картины происходившего: «Буржуазия устроила кровавые бани в Таммерфорсе, Выборге, Гельсингфорсе и прочих городах, где рабочих убивали, как зверей, без всякого следствия и суда. Сотнями убивали их на улицах, во дворах и сараях... Арестовывали всех, кого лишь подозревали в неблагонадежности... Русских и евреев расстреливали целыми массами... При расстрелах буржуазия не разбирала виновных и невиновных»⁵. Объектом террора становились не только сами красногвардейцы, но и их родственники, а также и те, кто имел хотя бы малейшее отношение к революционерам. «Почти в каждой рабочей семье хоть один человек был расстрелян или замучен на каторге»⁶.

Издание Пааволайненом исследований о терроре «красных» и «белых» и о связанной с концлагерями социальной катастрофе⁷ заставило многих историков более молодого поколения пересмотреть отношение к итогам финской гражданской войны. Недостатками работы можно считать лишь недостаточно точно указанные данные о численности попавших в лагерь погибших и пропавших без вести. Автор старается не высказывать своего мнения и крайне осторожно указывает данные, склоняясь в сторону их занижения, особенно это касается «белых» лагерей.

Первым финским исследователем, внесшим новый вклад в изучение событий войны, стал профессор университета Турку, известный специалист в области международных отношений Ю. Паасивирта⁸. Он на высоко аргументированной основе смог показать гражданский характер вспыхнувшей тогда в Финляндии войны. Автор впервые проанализировал документы из архивов Лондона, Парижа, Бонна и Стокгольма, использовал периодическую печать и финские документы, изучил вопросы внутренней политики Финляндии, включая и проблемы независимости. В результате его работы господству идеи об «освободительном» характере войны приходил конец. Паасивирта в своих работах достаточно обоснованно показал, что в указанный период времени в стране стояла основная задача – урегулировать внутреннюю ситуацию, а не разворачивать борьбу с русскими революционерами. Поэтому, по его мнению, сложно говорить о каком-либо освобождении. Автор называет войну гражданской, поскольку этот термин более четко отражает суть произошедших в Финляндии событий.

Тем не менее, сам процесс переосмысления все же шел достаточно болезненно, и ярким доказательством этому стало мнение, которое было открыто высказано не менее известным в финских исторических кругах профессором Л. А. Пунтила⁹. Он, как и многие финские исследователи, был вынужден считаться с реальными историческими фактами, но не отказался от идеи «освободительного» характера войны, при этом одновременно признав ее гражданский характер. Довольно интересно, что в дальнейшем, уже в 1970-х гг., Л. А. Пунтила все же изменил свою позицию. При его инициативе и финансировании министерства образования было предпринято в первой половине 1980-х гг. многотомное издание «История красной Финляндии»¹⁰. Данный труд был написан коллективом авторов. В исследовании события войны рассматриваются с противоположной официальной историографии

точки зрения, с проигравшей стороны, т.е. «красной» Финляндии. В работе довольно подробно описаны основные события и сражения, а «красные» лидеры и всё движение начинают носить некий идеализированный характер.

Паасивирта был достаточно близко знаком с творчеством писателя Вейно Линна, который, начиная с 1960 г., выпустил трилогию под названием «Здесь под Полярной звездой»¹¹. Трилогия представляет из себя семейный роман, в котором описана жизнь простой финской семьи в период с 1880-х до 1950-х гг. Они переживают все социальные изменения, которые происходили в этот период в стране: языковые споры, подъем и рост национального движения, развитие революционных настроений, Первая мировая война, обретение Финляндией независимости, разразившаяся кровавая гражданская война, зарождение лаппуаского движения, Вторая мировая война. И на все эти события дается обычная человеческая точка зрения, не принадлежащая к идеям высокой политики.

Особым достоинством трилогии принято считать тот факт, что она внесла в общую дискуссию о характере гражданской войны 1918 г. мнение «других», т.е. война теряла свою «освободительную» концепцию и «красную» направленность. В 1968 г., после окончания первых двух частей трилогии, Эдвином Лайне был снят фильм, имеющий такое же название. Вплоть до наших дней данная экранизация является третьим по популярности финским фильмом всех времен.

Финская историческая наука продолжала активно развиваться, и уже в 1968 г. финский исследователь из университета Тампере профессор Вильо Расила опубликовал работу, носящую название «Социальное происхождение гражданской войны»¹². В данной книге автор формирует концепцию, которая в будущем нашла своих сторонников. В. Расила указал, что война 1918 г. была «мятежом торпарей»¹³, т.е., по его мнению, красная гвардия в большинстве своем формировалась из торпарей, поскольку они были больше всех в этом заинтересованы. Из решающих факторов, которые привели к войне, Расила называет, в первую очередь, нехватку продовольствия, которая в результате ускорила брожение масс и привела к «мятежу». Хотя объективно это являлось весьма спорным утверждением, поскольку, не совсем верно считать, что только проблемы, связанные с продовольствием, привели страну к войне. Предпосылки для войны были как экономические, так социальные и политические. К тому же красная гвардия в своей основе имела в большей степени именно рабочий класс, а не торпарей, т.е. представителей безземельного финского крестьянства.

Уникальной в своем роде стала докторская диссертация историка А. Тансканенена¹⁴, в которой автор особо обратил внимание на отношение к русским жителям Финляндии в годы гражданской войны. В частности, на основе архивных документов исследователь рассматривал судьбы русских красногвардейцев, принимавших участие в событиях гражданской войны. Также он акцентировал внимание на том, что цифры о погибших и раненых, предложенные официальными органами «белого» правительства, не совсем соответствуют действительности. Тансканен опровергает точку зрения «белых» авторов о том, что практически все русские, участвующие в войне,

бежали из Таммерфорса (Тампере) до начала сражения. По его оценкам, в городе к началу ожесточенного боя находилось всего 300–400 русских. Своей работой автор разрушает миф о бегстве русских с поля боя, которого придерживались авторы официального направления.

Важной для изучения гражданской войны является работа финского социолога Риисто Алапуру в 1988 г. «Государство и революция в Финляндии»¹⁵. По мнению автора, Финляндия занимает особое положение в ряде стран, получивших свою независимость после Первой мировой войны, благодаря своей политической стабильности, демократическому равенству и нерушимому суверенитету. Данная работа является важной для понимания того, какой путь прошла Финляндия, чтобы стать той страной, о которой говорит с восхищением сам автор. Автор попытался проследить, как от всеобщей забастовки 1917 г. страна подошла к гражданской войне. На протяжении всей работы Алапуру сравнивает положение Финляндии в составе Российской империи с положением стран Восточной Европы. Причем, по его мнению, оно было во многом схожим¹⁶. Автор считает, что сложившаяся ситуация и последовавшая революция как в Восточной Европе, так и в Финляндии развивались по единому сценарию¹⁷. Однако положение Финляндии в XIX в. можно было лишь отдаленно сравнивать с малыми народами Восточной Европы по двум моментам: первым из них было то, что все эти территории являлись не мононациональными, а элита, к которой в Финляндии принадлежали шведы, отличалась по этническому признаку от подавляющего большинства населения страны¹⁸. Вторым схожим фактором, как считает автор, было то, что, как и страны Восточной Европы, Финляндия зависела от экспорта. Только если для Восточной Европы это были зерновые культуры, то для финнов основной составляющей экспорта была древесина. Это, однако, все сходства, которые автор выделил, хотя он и считал, что данные регионы были схожи в своем политическом развитии.

Однако, представляется не совсем верным сравнивать положение Великого княжества Финляндского и стран Восточной Европы. Автономное положение Финляндии в составе Российской империи, строго говоря, не шло ни в какое сравнение с положением Восточной Европы. В отличие от элиты прибалтийских стран, которой, в основном, были немцы, шведская элита Финляндии использовала народные массы для того, чтобы возродить национальные чувства, которые можно было бы использовать для развития автономного положения страны. Немаловажной частью были и сильные позиции независимого малого и среднего крестьянства. Также в Финляндии была довольно развита экономическая и социальная составляющая¹⁹.

Финский национализм был умеренно консервативной, объединяющей силой. В Восточной Европе национализм носил все же более радикальный характер. В Финляндии, в своем начале рабочее движение встретилось с большим пониманием со стороны шведской элиты, чем, вероятно, где-либо в Европе. Следовательно, оно не стало радикально революционным именно в национальном контексте. Его деятельность была направлена на внешние стороны, против императорской власти. В результате представляется картина, что в сравнении с прочими окраинами Российской империи Финлян-

дия представляла из себя, в своем роде, эгалитарное общество с политическим равноправием²⁰.

Важную нишу занимают работы, посвященные «егерскому движению». Специалистом в данной области считается Матти Лауерма²¹. В 1960-х–1970-х гг. на страницах журнала «Хисториаллинен Айкаакирия» разгорелась активная дискуссия. Она была связана с ролью Германии в становлении в Финляндии независимого государства в 1918 г., и вследствие этого – с проблемами егерского движения²². Начало этим спорам положили работы Матти Клинге²³, в которых автор поставил под сомнение идею о том, что «егерское движение» своей целью ставило создание независимого Финляндского государства. Эту точку зрения, но в более мягкой форме, также поддержал и профессор О. Аппунен²⁴. Против данной гипотезы выступил исследователь К. Каллиала, который являлся очевидцем событий и лично был знаком со многими т.н. «активистами». Он придерживался более традиционного подхода, согласно которому основной целью «егерского движения» являлось, разумеется, обретение Финляндией государственной независимости²⁵. Полемика вокруг указанной проблемы продолжалась достаточно длительное время, но она так и не привела к окончательному утверждению какой-либо из точек зрения²⁶.

В связи с новым витком в изучении истории гражданской войны, начиная с 1950-х гг. появляются работы, посвященные взаимоотношениям Финляндии и Германии. Толчком к этому послужило рассекречивание фондов немецких архивов. Взаимоотношения двух стран стали восприниматься совсем иначе после выхода в свет в 1957 г. работы директора Государственного архива Финляндии Юрьё Нурмио²⁷. Его труд был основан на материалах немецкого МИД, и автор первым подробно проанализировал роль Германии в процессе провозглашения и становления финляндской независимости. Важным было также и то, что он на основе убедительных фактов опроверг концепцию немецкого давления на правительство большевиков с целью признания независимости Финляндии²⁸.

В 1970–1980-е гг. критический подход к финляндской политике Германии, заложенный еще Ю. Нурмио, нашел свое воплощение в трудах финских исследователей Х. Рауткаллио, А. Хульдена, Й. Вахтола²⁹. Так, Х. Рауткаллио сосредоточил свое внимание на экономических целях Германии в Финляндии в период 1917–1918 гг. А. Хульден в течение пяти лет являлся генеральным консулом Финляндии в Гамбурге, впоследствии он подготовил интересное исследование об установлении в 1918 г. в Финляндии монархической формы правления. Он подверг резкой критике деятельность тогдашнего руководства Финляндии, которое «ради провозглашения независимости», по мнению автора, было готово подчинить Финляндию Германии экономически, политически и в военном отношении³⁰.

Как важную работу, посвященную германо-финляндской проблематике в годы Первой мировой войны, можно отметить труд военного историка, генерал-лейтенанта Рейно Аримо³¹. Она была основана, прежде всего, на немецких источниках и дневниковых записях размещавшейся в Финляндии немецкой Балтийской дивизии. Монография Аримо стала первым подроб-

ным исследованием деятельности немецких военных кругов в Финляндии в 1918 г. Его работа, как верно отмечено профессором И. Н. Новиковой, являющейся специалистом в области германо-финских связей, объясняет многие просчеты финского руководства и излишнюю доверчивость по отношению к Берлину неопытностью лидеров Финляндии в сфере внешней политики. Тем не менее, автор также признал, что «крах кайзеровской Германии в 1918 г. стал спасением для Финляндии»³².

Крайне актуальное исследование по идентификации жертв войны издали историки Яри и Йоуни Ээрола в монографии «Человеческие потери в период гражданской войны в Финляндии в 1918 г.»³³. Авторы на основе раскрытых архивных данных смогли ввести в научный оборот новые количественные показатели за весь период войны от 27 января по 5 мая 1918 г.: личные и боевые потери, пропавшие без вести, убитые гражданские, жертвы террора и количество погибших русских. Число жертв гражданской войны стремились определить с самого конца войны. Данные, согласно официальной версии на период издания книги, насчитывали 26 191 человек, из которых 4 853 были «белые», 20 569 «красные» и неизвестных 769 человек. Женщин, входящих в число жертв, было 454 со стороны «красных», 45 – «белых» и 111 участников неизвестных³⁴.

Исследователи представляют ряд новых данных на основе своих исследований. По их данным, количество жертв было увеличено до 33 633, из которых 5305 составляют потери «белой стороны», 28 088 – «красных» и 240 – гражданских лиц. В результате исследований, авторами было обнаружено почти 8 000 новых жертв со стороны красной гвардии, которые ранее не фигурировали в других исследованиях финских авторов³⁵. Идентификация жертв гражданской войны происходила долгое время. Проблема была лишь частично решена в 30-е гг. XX в., поскольку жертвы со стороны «белых» в скором времени после окончания противостояния были подсчитаны. Самый большой пробел в данных касался потерь «красных» финнов. Яри и Йоуни Ээрола смогли продвинуться в своем исследовании достаточно далеко, и их работа внесла важный вклад в решении поставленной проблемы.

В XXI в. вышли в свет работы авторитетных финских исследователей, посвященные процессу становления финской историографии и разрушению мифов, которые укоренились в ней. Профессор политической истории Осмо Юссила в монографии «Великие мифы финляндской истории»³⁶ разрушает мифы, которые окутали события 1918 г. В своей книге автор анализирует основные финские исследования, посвященные становлению независимости и последующей гражданской войне, в которых начинают формироваться определенные ложные представления о случившихся событиях. Главными мифами данного периода, по мнению О. Юссила, можно считать идею об «освободительном» характере войны, о преувеличении роли егерского движения, о роли В. И. Ленина и его «даре» для финских социал-демократов, о дружественных отношениях между Финляндией и Советским Союзом³⁷. Автор справедливо отмечает, что, начиная со второй половины XX в., финские исследователи предприняли попытку более объективного восприятия гражданской войны. В своей монографии О. Юссила подробно и аргументи-

ровано разбирает основную финскую историографию, что представляется крайне важным для изучения истории Финляндии.

В работах профессора Хельсинкского университета Тимо Вихавайнена присутствует анализ основных стадий развития финской исторической науки о независимости и гражданской войне³⁸. В своих исследованиях ученый также отмечает, что, начиная с 60-х гг. XX в. зарождается новый взгляд на процесс формирования независимости и характер войны 1918 г.³⁹. Авторы все больше изучают цели и деятельность политических партий и идеологий, но авторам все еще было присуще чрезмерное преувеличение роли Ленина в процессе получения независимости. Политическое значение войны 1918 г., по мнению Вихавайнена, во второй пол. XX в. заметно снизилось, однако, при оценке войны 1918 г., в работах финских авторов все равно ощущалась большая симпатия «белому» движению⁴⁰.

В результате вышеизложенного становится очевидно, что к 1960 гг. в финском научном и общественном мнении назревал своеобразный переворот, связанный с попыткой понять истинный ход событий и мотивов обеих враждующих в Финляндии сторон, а также в связи с утверждением дружественных отношений с СССР. На первый план выносятся проблемы террора, который имел место в гражданской войне, как со стороны «красных», так и «белых». Изучаются цели и деятельность политических партий. Ученых начинают интересовать точные данные о количестве погибших и раненых, поскольку сведения, преобладавшие ранее, имели тенденцию к занижению. Немаловажную часть занимают исследования отношений между Финляндией и Германией. В описанный период был развенчан миф о благородной немецкой помощи в освобождении от русских угнетателей.

Разумеется, нельзя отрицать и то, что такие нововведения в изучении войны повлекли за собой споры. Очевидно, что использование официального термина «освободительная» война долгое время не позволяло финским историкам взглянуть с иной точки зрения на проблему и должно было пройти немало лет для того, чтобы наметился сдвиг в этой сфере. Даже в современной Финляндии не могут еще полностью отказаться от представления о некоей борьбе за «освобождение» от России. При этом сам термин «освободительная война» несет в себе очевидное определение некоего героизма, отваги, общей борьбы за свое государство. Эти факторы делают очевидным, почему в Финляндии до сих пор с таким трепетом относятся к этому понятию. Финны гордятся тем, что народ сам в ожесточенных боях завоевал право быть независимым.

1. Лобанова Д. Р. Гражданская война в Финляндии в финской историографии в первой половине XX-го века // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Выборг, 2018. № 19 (2). С. 68–81.

2. Лобанова Д. Р. Гражданская война в Финляндии 1918 г. в работах деятелей финского коммунистического движения // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2016. № 17 (1). С. 225–235.

3. См.: Хенттила С. От обретения независимости до окончания войны – продолжения 1917–1944 // Политическая история Финляндии. М., 2010. С. 121.

4. *Paavolainen J.* Poliittiset väkivaltaisuuDET Suomessa 1918. Osa 1–2. Helsinki, 1966–1967. 787 s.
5. Цит. по: *Новоселова З. А.* Выборг в период революции и гражданской войны в Финляндии // Гражданская война в Финляндии. Выборг. 1918 г. Материалы научно-практической конференции. СПб., 2012. С. 28.
6. *Täyml A.* Страницы пережитого. М., 1956. С. 229.
7. *Paavolainen J.* Poliittiset väkivaltaisuuDET Suomessa 1918, Osa 1–2. 2) *Vankileirit Suomessa 1918.* Helsinki, 1971, 402 s. 3) *Suomen kansallinen murhenäytelmä.* Helsinki, 1974, 261 s.
8. *Paasivirta J.* Suomi vuonna 1918. Porvoo–Helsinki, 1957. 379 s. 2) *Suomi ja Euroopa 1914–1939.* Helsinki, 1984. 549 s.
9. *Puntilla L. A.* Suomi vuonna 1918 // *Historiallinen Aikakauskirja.* 1958. № 4. S. 338–345.
10. *Lappalainen J., Piiionen J., Salkola, M.-L., Rinta-Tassi O.* Punaisen suomen historia 1918. Osa 1–VI. Helsinki, 1981–1986. 2263 s.
11. *Linna V.* Täällä Pohjantähden alla. Osa 1–3. Porvoo, 1959–1962. 1527 s.
12. *Rasila V.* Kansalaissodan sosiaalinen tausta. Helsinki, 1968. 173 s.
13. Торпари (фин. – torppari; от финского слова torppa или шведского torp) – безземельные крестьяне в Финляндии.
14. *Tanskanen A.* Venäläiset Suomen sisällissodassa vuonna 1918. Tampere, 1978. 222 s.
15. *Alapuro R.* State and revolution in Finland. London, 1988. 315 p.
16. *Ibid.* P. 98.
17. *Ibidem.*
18. *Ibid.* P. 103.
19. См. об этом: *Юссила О.* Финляндия – Великое княжество Финляндское в составе Российской Империи 1809–1917 // *Юссила О., Хенттила С., Невакиви Ю.* Политическая история Финляндии. С. 34–48; *Мейнандер Х.* История Финляндии. Линии, структуры, переломные моменты. М., 2006. С. 80–126.
20. См. об этом: *Юссила О.* Финляндия – Великое княжество Финляндское в составе Российской Империи 1809–1917. С. 34–48; *Мейнандер Х.* История Финляндии. Линии, структуры, переломные моменты. С. 80–126.
21. См.: *Layerma M.* Kuninkaallinen Preussin Jääkäripataljoona 27. Helsinki, 1966. 931 s.
22. См. об этом *Lauerma M.* Suomalainen Vapaustaistelija vai preussilainen jääkäri? // *Historiallinen Aikakauskirja.* 1963. № 2. S. 93–112; *Klinge M.* Itsenäisyys – jääkäriiliike – sortokausi // *Historiallinen Aikakauskirja.* 1969. № 4. S. 309–319.; *Ziliacus P.* Jääkäriilikeen synty ja päämäärät // *Historiallinen Aikakauskirja.* 1970. № 1. S. 69–70; *Klinge M.* Vielä jääkäriiliken synnystä ja tavoitteista. // *Historiallinen Aikakauskirja.* 1970. № 4. S. 315–319; *Rautkallio H.* Saksan taloudelliset sodanpäämäärät suomessa // *Historiallinen Aikakauskirja.* 1976. № 1. S. 19–40.
23. *Klinge M.* Itsenäisyys – jääkäriiliike-sortokausi. S. 309–319.; *Klinge M.* Vielä jääkäriiliken synnystä ja tavoitteista. S. 315–319.
24. *Apunen O.* Lisää debattiin Kalliala vastaan Klinge // *Historiallinen Aikakauskirja.* 1970. № 1. S. 57–60.
25. *Kalliala K. I.* Uusaktivismi Ylioppilaskunnan historiassa // *Historiallinen Aikakauskirja.* 1969. № 3. S. 239–244; *Kalliala K. I.* Vieläkin uusaaktivismista // *Historiallinen Aikakauskirja.* 1970. № 1. S. 60–68.
26. *Лобанова Д. Р.* Гражданская война в Финляндии на страницах журнала «Историко-аллинен Айкаускаскрия» // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2012. С. 197–208.
27. *Nurmio Y.* Suomen itsenäistyminen ja Saksa. Porvoo–Helsinki, 1957. 376 s.
28. См.: *Новикова И. Н.* «Финская карта» в немецком пасьянсе: Германия и проблема независимости Финляндии в годы Первой мировой войны. СПб., 2002. С. 20.
29. *Rautkallia H.* Kaupantekoa Suomen itsenäisyydellä. Saksan sodan päämäärät Suomessa 1917–1918. Rauma, 1977. 479 s.; *Hulden A.* Kuningasseikkailu Suomessa 1918. Helsinki, 1988. 341 s.; *Vahtola J.* Saksan idänpolitiikan tavoitteet ja Suomen asema 1318. Oulu, 1989. 199 s.
30. См.: *Новикова И. Н.* «Финская карта» в немецком пасьянсе: Германия и проблема независимости Финляндии в годы Первой мировой войны. С. 25.
31. *Arimo R.* Saksalaisten sotilaallinen toiminta Suomessa 1918. Rovaniemi, 1991. 212 p.
32. См.: *Новикова И. Н.* «Финская карта» в немецком пасьянсе: Германия и проблема независимости Финляндии в годы Первой мировой войны. С. 25.
33. *Eerola J., Eerola J.* Henkilötappiot Suomen sisällissodassa 1918. Turenki. 1998. 182 s.
34. *Ibid.* S. 67.

35. Ibid.
 36. Юссила О. Великие мифы финляндской истории. Хельсинки–СПб., 2013. 336 с.
 37. Там же. С. 267–293.
 38. Вихавайнен Т. Становление независимости Финляндии в финской исторической литературе // Россия и Финляндия 1808–1809 годах. СПб. С. 319–334; Вихавайнен Т. Столетия соседства. Размышления о финско-русской границе. СПб. 2017. 248 с.
 39. Вихавайнен Т. Становление независимости Финляндии в финской исторической литературе... С. 330.
 40. Там же. С. 334.

Литература

- Барышников В. Н. Проблема изучения в СССР в 1920–1930-е гг. истории революции и гражданской войны в Финляндии // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Россия, Финляндия и Скандинавия: Ключевые события в истории. Тематический выпуск: К истории Великой русской революции и независимости Финляндии. Выборг, 2018. № 19 (2). С. 56–67.
 Барышников В. Н., Вассара В.-Т. Отто Вилле Куусинен без маски // Вестник СПбГУ. История. 2018. Т. 63. Вып. 2. С. 660–672.
 Барышников Н. И., Барышников В. Н. Рождение и крах «Терийокского правительства» (1939–1940 гг.). СПб.: Хельсинки: Johan Beckman Institute, 2003. 362 с.
 Вассара В.-Т. Некоторые взгляды на вопрос о происхождении ненависти ко всему русскому в Финляндии // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2010. № 4. С. 244–256.
 Вихавайнен Т. Становление независимости Финляндии в финской исторической литературе // Россия и Финляндия в 1808–1809 годах. СПб.: Европейский дом, 2010. С. 319–334.
 Вихавайнен Т. Столетия соседства. Размышления о финско-русской границе. СПб.: Нестор-История, 2017. 248 с.
 Лобанова Д. Р. Гражданская война в Финляндии 1918 г. в работах деятелей финского коммунистического движения // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2016. № 17 (1). С. 225–235.
 Лобанова Д. Р. Гражданская война в Финляндии на страницах журнала «Исторический альманах Айкакскрирья» // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2012. С. 197–208.
 Лобанова Д. Р. Гражданская война в Финляндии в финской историографии в первой половине XX-го века // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Выборг, 2018. № 19 (2). С. 68–81.
 Мейндер Х. История Финляндии. Линии, структуры, переломные моменты. М.: Весь Мир, 286 с.
 Новикова И. Н. «Финская карта» в немецком пасьянсе: Германия и проблема независимости Финляндии в годы Первой мировой войны. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. 298 с.
 Новоселова З. А. Выборг в период революции и гражданской войны в Финляндии // Гражданская война в Финляндии. Выборг. 1918 г. Материалы научно-практической конференции. СПб., 2012. С. 3–33.
 Смолин А. В. «Первая советско-финляндская война 1918–1920 гг.» историографические мифы или реальность? // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2009. С. 271–278.
 Тайми А. Страницы пережитого. М.: Молодая гвардия, 1956. 256 с.
 Юссила О. Великие мифы финляндской истории. Хельсинки–СПб.: Ruslandia Books Оу, Европейский Дом, 2013. 336 с.
 Юссила О., Хенттиля С., Невакиви Ю. Политическая история Финляндии. М.: Весь Мир, 2010. 472 с.

- Alapuro R. State and revolution in Finland. London: University of California Press, 1988. 315 p.
 Apunen O. Lisää debattiin Kalliala vastaan Klinge // Historiallinen Aikakauskirja. 1970. № 1. S. 57–60.
 Arimo R. Saksalaisten sotilaallinen toiminta Suomessa 1918. Rovaniemi: Pohjois-Suomen historiallinen yhdistys, 1991. 212 p.
 Baryshnikov V. N., Borysenko V. N. Civil War in Finland and Colonel Svechnikov // Вестник СПбГУ. История. 2018. Т. 63. Вып. 3. С. 917–934.
 Eerola J., Eerola J. Henkilötappiot Suomen sisällissodassa 1918. Turenki: Tie Tammissaareen-toimikunta. 1998. 182 s.
 Huldén A. Kuningasseikkailu Suomessa 1918. Helsinki: Kirjayhtymä, 1988. 341 s.
 Kalliala K. I. Uusaktivismi Ylioppilaskunnan historiassa // Historiallinen Aikakauskirja. 1969. № 3. S. 239–244.
 Kalliala K. I. Vieläkin uusaaktivismista // Historiallinen Aikakauskirja. 1970. № 1. S. 60–68.
 Klinge M. Itsenäisyys – jääkäriilike-sortokausi // Historiallinen Aikakauskirja. 1969. № 4. S. 309–319.
 Klinge M. Vielä jääkäriiliken synnystä ja tavoitteista // Historiallinen Aikakauskirja. 1970. № 4. S. 315–319.
 Lappalainen J., Piilonen J., Salkola, M.-L., Rinta-Tassi O. Punaisen suomen historia 1918. Osa I–VI. Helsinki: WSOY, 1981–1986. 2263 s.
 Lauerma M. Suomalainen Vapaustaistelija vai preussilainen jääkäri? // Historiallinen Aikakauskirja. 1963. № 2. S. 93–112.
 Layerma M. Kuninkaallinen Preussin Jääkäripataljoona 27. Helsinki: WSOY, 1966. 931 s.
 Linna V. Täällä Pohjantähden alla, 1–3, Porvoo: WSOY, 1959–1962. 1527 s.
 Nurmio Y. Suomen itsenäistyminen ja Saksa. Porvoo-Helsinki: WSOY, 1957. 376 s.
 Paasivirta J. Suomi ja Euroopa 1914–1939. Helsinki: WSOY, 1984. 549 s.
 Paasivirta J. Suomi vuonna 1918. Porvoo-Helsinki: WSOY, 1957. 379 s.
 Paavolainen J. Poliittiset väkivaltaisuuudet Suomessa 1918. Osa 1–2, Helsinki: Tammi, 1966–1967. 787 s.
 Paavolainen J. Suomen kansallinen murhenäytelmä. Helsinki: Tammi, 1974. 261 s.
 Paavolainen J. Vankileirit Suomessa 1918. Helsinki: Tammi, 1971. 402 s.
 Punttila L. A. Suomi vuonna 1918 // Historiallinen Aikakauskirja. 1958. № 4. S. 338–345.
 Rasila V. Kansalaissodan sosiaalinen tausta. Helsinki: Tammi, 1968. 173 s.
 Rautkallia H. Kaupantekoa Suomen itsenäisyydellä. Saksan sodan päämäärät Suomessa 1917–1918. Rauma: WSOY, 1977. 479 s.
 Rautkallio H. Saksan taloudelliset sodanpäämäärät suomessa // Historiallinen Aikakauskirja. 1976. № 1. S. 19–40.
 Tanskanen A. Venäläiset Suomen sisällissodassa vuonna 1918. Tampere: Tampereen yliopisto, 1978. 222 s.
 Vahtola J. Saksan idänpolitiikan tavoitteet ja Suomen asema 1918. Oulu: Yliopisto Historian laitos Eripainossarja, 1989. 199 s.
 Ziliacus P. Jääkäriilikeen synty ja päämäärät // Historiallinen Aikakauskirja. 1970. № 1. S. 69–70.

Советско-финляндские переговоры в Раяйоки в 1920 г. на страницах газет «Правда» и «Известия»

Урегулирование отношений с Финляндией, которая после гражданской войны была настроена враждебно по отношению к Советской России, а также оккупировала некоторые приграничные территории в Карелии, было одной из задач молодой советской дипломатии. Попытка решить этот вопрос, предпринятая в августе 1918 г. при посредничестве Германии, к успеху не привела. Лишь в сентябре 1919 г. советская сторона впервые обратилась к финляндскому правительству с предложением начать мирное урегулирование¹, однако на тот момент в Хельсинки эта идея не была воспринята положительно. Сказывалось тяжёлое положение РСФСР, сложившееся в Гражданской войне – белые армии и интервенты были как никогда близки к победе. К концу 1919 г. ситуация изменилась – армия Юденича была разбита, на других фронтах ситуация постепенно становилась благоприятной для Красной армии.

Подписание мирного договора между Советской Россией и Эстонией в январе 1920 г., по характеристике В. И. Ленина, был настоящим прорывом для советской дипломатии². Это событие также стало и определённым звеном для остальных окраинных государств, в том числе и Финляндии. В начале 1920 г. Красная армия также провела удачное наступление в Карелии и на мурманском направлении, были взяты Мурманск и Олонец; белогвардейцев, которых поддерживали иностранные интервенты, изгнали из пределов страны. Именно в этих условиях начались переговоры о перемирии между советской и финской делегациями в Раяйоки.

Следует отметить, что исследователи советско-финских отношений начального периода обращались к газетам «Правда» и «Известия» лишь только в качестве источника информации. В их трудах³ отсутствует анализ сообщений опубликованных на страницах этих изданий и их сравнение с архивными источниками.

«Известия» являлись главным печатным органом Советской России, так как официально представляли правительство и ВЦИК. Здесь печатались все основные декреты и распоряжения советского правительства. При жизни Ленина тираж «Известий» составлял 400 тысяч экземпляров, должность редактора газеты занимал Юрий Стеклов. В этой связи особый интерес представляют его небольшие очерки на первой полосе, которые Ленин называл «стекляшками». Как вспоминал советский карикатурист Борис Ефимов: «На стене у него висела в рамочке ленинская записка: “Тов. Стеклов! Читал вашу передовицу. Вот как нужно писать и побольше!”. Стеклов это считал руководством к действию, передовицы писал в каждый номер (они отличались крайней запальчивостью; помню, одна начиналась со слов: “Ну-с, и кто был прав?”), вопреки газетным правилам, каждую подписывал. Что дало Маяковскому повод насмешливо заметить, что у “Стеклова вода не сходилась с пера”»⁴.

До начала переговоров в Раяйоки «Известия» достаточно подробно обращались к финской проблеме. Так, 3 марта (номер 48) Стеклов в передовице пишет: «даже финская буржуазия, которая до сих пор крайне враждебно относится к Советской России, начинает заговаривать о возобновлении торговых сношений с нами»⁵. Обзор иностранной печати в «Известиях» за период, предшествовавший началу переговоров в Раяйоки, был составлен таким образом, чтобы показать, что рабочий класс Финляндии выступал за заключение мира с Россией и даже «соглашательская» социал-демократическая партия добивалась этого⁶. Также публиковались переводы радиотелеграмм, которыми обменивались в марте-апреле глава НКВД РСФСР Г. В. Чичерин и министр иностранных дел Финляндии Э. Р. Холсти.

Сами переговоры о перемирии в «Известиях» освещались достаточно подробно. 15 апреля (номер 79) появилось сообщение о начале работы комиссий в Раяйоки⁷ (сама встреча делегаций началась 12 апреля) с представлением членом делегаций и кратким описанием результатов первой встречи. 20 апреля (номер 83) появилось информативное сообщение НКВД о ходе переговоров⁸. Оно представляло собой стенограмму заседания от 13 апреля, на котором стороны изложили свои условия. Сравнение с архивными источниками показывает, что стенограмму в «Известиях» опубликовали полностью, без каких-либо изъятий⁹. В этом же номере появилось сообщение о прибытии в Раяйоки ингерманландских представителей¹⁰, которые передали финляндской делегации свои предложения.

Следующее сообщение о переговорах появляется 23 апреля (номер 86)¹¹. Оно, в свою очередь, являлось кратким обзором тех вопросов, которые рассматривались 14 апреля. Стоит отметить, что опубликованный материал весьма корректно отражал произошедшие события и здесь явно были опущены некоторые подробности морских переговоров, а также дебатов относительно предложений той и другой стороны. По всей видимости, это связано с тем, что вопрос о территориальных водах не являлся основным на заседании комиссий и не привёл к каким-либо результатам.

Интересным является тот факт, что следующее сообщение о ходе переговоров о перемирии в Раяйоки появляется только 1 мая (номер 93)¹² и освещает шестой день переговоров (17 апреля). Следует отметить, что редакция считала нужным по неизвестным причинам не проливать свет на работы комиссий в промежуток с 14 по 16 апреля. Несмотря на точность в передаче основных вопросов, обсуждавшихся на переговорах, на страницах «Известий» отсутствуют сюжеты, касавшиеся карельских приходов Реболы и Поросозера, оккупированных финскими войсками. Так, глава советской делегации М. М. Лашевич говорил о том, что именно в этих двух волостях русским войскам приказано не переходить границу. В отношении же остальной Карелии «руки у России развязаны. Русские войска имеют право по приказу командования занять тот или иной пункт. Что касается того, что местное население, руководимое мифическим для России Правительством, будет оказывать сопротивление, то Россия будет рассматривать его как повстанцев и примет по отношению к нему соответствующие меры»¹³. В перспективе надвигавшегося объявления о создании Карельской Трудо-

вой Комуны, такое заявление выглядело более чем резким для того, чтобы быть опубликованным в официальном органе ВЦИК. Не нашли отражения на страницах газеты и обвинения финской стороны в том, что Россия сосредотачивает войска в Олонецком районе. В целом, за исключением проблемы урегулирования ситуации в Восточной Карелии, основные вопросы в «Известиях» были переданы предельно точно.

В том же номере можно обнаружить описание переговоров, проходивших на следующий день, 19 апреля. Однако работа комиссий, сводившаяся к письменному обмену проектами перемирия, почти не находила отражения на страницах «Известий». 5 мая 1920 г. (95 номер) был опубликован протест, обращённый к народному комиссару Чичерину, Олонецкого уездного Исполнительного Комитета против присутствия делегации от карел на переговорах между РСФСР и Финляндией в Раяйоки¹⁴.

Интересной представляется передовица газеты от 8 мая 1920 г. (номер 98), написанная Борисом Зулем¹⁵. Он являлся представителем НКВД на завершившихся 24 апреля переговорах в Раяйоки. Зуль здесь указывал на миролюбивые намерения советской делегации и на то, что Советская Россия не претендует «ни на пядь» финской земли, в то время как финны предъявили заведомо невыполнимые территориальные притязания. Причем Зуль объяснял такую позицию финских военных кругов с большим влиянием Лондона и Парижа, и связывал ее с поездкой министра иностранных дел Р. Холсти, а также начальника генерального штаба О. К. Энкеля в европейские столицы именно перед переговорами в Раяйоки. Он также недвусмысленно намекал на главу форин офис Д. Керзона как на главного инициатора срыва переговоров в Раяйоки, наступления Польши в Украине и ответственного за возможный срыв мирных переговоров с Латвией.

Последний номер «Известий», в котором освещались переговоры в Раяйоки, вышел 11 мая. В нём были напечатаны краткие обзоры заседаний 22, 23 и 24 апреля¹⁶. К сожалению, имеется возможность сравнить содержание газетной заметки только со стенограммой заседания от 22 апреля. Но, тем не менее, можно отметить, что «Известия» никак не осветили тот факт, что на последнем этапе переговоров в Раяйоки обсуждался вопрос о задержанных в России гражданах Финляндии. В целом лишь дана характеристика того, почему переговоры не увенчались положительным результатом и освещены причины отъезда русской комиссии под председательством М. М. Лашевича в Петроград.

Газета «Правда» являлась центральным печатным органом РКП(б). Её главным редактором в рассматриваемый промежуток времени был Николай Бухарин, отличавшийся довольно радикальными взглядами относительно внешней политики молодого советского государства (ярким примером этому служит его критическое отношение к Брестскому миру, что затем Ленин назовет «детской болезнью левизны»). «Правда» издавалась меньшим тиражом, чем «Известия», однако она пользовалась большой популярностью и считалась главным идеологическим рупором на протяжении всего существования советского государства.

До начала переговоров в Раяйоки «Правда» реже чем «Известия» обращалась к финской проблеме. Впрочем, это можно сказать и обо всём внешнеполитическом направлении в издательской политике газеты. Здесь уделялось больше внимания, прежде всего, проблемам внутреннего строительства, а также положению на фронтах Гражданской войны. Однако основным мотивом при освещении положения в Европе и мире являлись разногласия между капиталистическими державами в связи со сложившейся международной обстановкой. Таким духом, в частности, пропитана передовица номера от 28 марта, озаглавленная «Новый сдвиг»¹⁷.

Также этому служили публикации речей В. И. Ленина, в которых он касался проблемы отношений с соседними странами. Конкретно, на IX съезде РКП(б) он обращал внимание делегатов на то, что «разлад в стане капиталистических государств вынуждает идти соседней Советской России на мирные переговоры»¹⁸. Подготовка читателей к новости о том, что с Финляндией в скором времени начнутся мирные переговоры также подкреплялась выдержками из беседы премьер-министра Финляндии Р. Эриха с корреспондентом газеты шведской «Афтонбладет», в которой он заявил, что «ход событий как-будто бы указывает на начало мирных переговоров»¹⁹. Это подтверждалось также и публикацией радиотелеграмм, адресованных НКВД РСФСР и Министерству иностранных дел Финляндии, которые также присутствовали в «Известиях».

В отличие от официального периодического издания ВЦИК, «Правда» не размещала стенограмм заседаний комиссий. Однако на её страницах можно найти любопытные материалы, освещавшие переговорный процесс в Раяйоки в апреле 1920 г. Например, 18 апреля было опубликовано интервью Бориса Зуля корреспонденту «Правды» (датированное 16 апреля).

В связи с теми данными, которые нам дают копии протоколов заседаний комиссий, интересно следующее заявление представителя от НКВД: «Условия, предлагаемые финнами, в общем и целом, несмотря на их сильно преувеличенный характер, принципиально допускают возможность заключения перемирия, ибо в основе своей стороны исходят из границ, существовавших между государствами в 1914 г.»²⁰. Исключением являлась Печенга. В то же время мы знаем, что с самого начала финская делегация стремилась уйти от принятия границы 1914 г. за основу, выдвигая также претензии на часть Восточной Карелии. Об этом Зуль не упомянул, или же редакция не посчитала нужным упоминать эту проблему в опубликованном интервью.

В следующем номере от 20 апреля последовало сообщение²¹ о прибытии в Раяйоки ингерманландской делегации со своими требованиями, обращёнными к финской стороне. В этом вопросе позиция «Правды» совпадала с материалом, опубликованным в «Известиях».

25 апреля на страницах газеты появляется любопытный материал, описывавший положение советской делегации в Раяйоки, под заголовком «Боятся заразы». «Финляндская делегация приняла всевозможные меры по изоляции делегации. Два дома оцеплены солдатами Карельского полка. Им дан строжайший приказ не входить ни в какие сношения или разговоры с членами делегации. Был допущен только один английский корреспондент

к обеду делегации»²². Подобного рода материал является единственным в своём роде, который хоть как-то мог приоткрыть обыденную сторону работы российской комиссии.

Подводя итог, можно сказать о том, что, согласно своей изначальной направленности, «Известия» стремились отражать официальный государственный курс относительно переговоров в Раяйоки, в то время как «Правда» выполняла роль вспомогательного идеологического источника, с помощью которого можно было пополнить информацию о ходе встречи комиссий. Интересным представляется тот факт, что обе газеты уделили определённое внимание ингерманландской проблеме, однако оставили не освещённым обсуждение вопроса о судьбе Восточной Карелии. Представляется, что это было сделано умышленно, в связи со скорым образованием Карельской Трудовой Комунны, реализовавшей «право наций на самоопределение».

1. Рупасов А., Чистиков А. Советско-финляндская граница. 1918–1938 гг.: очерки истории. СПб., 2016. С. 99.
2. Интервенция на Северо-западе России. 1917–1920. СПб., 1995. С. 370.
3. Основные исследования советско-финляндских отношений указанного периода: Холодковский В.М. Финляндия и Советская Россия: 1918–1920. М., 1975. 266 с.; Рупасов А., Чистиков А. Советско-финляндская граница... 240 с.
4. Первый день в газете – 80 лет назад // Известия. – Режим доступа: <https://iz.ru/news/303105> Дата обращения: 17.10.2018.
5. Известия. 1920. 3 марта. С. 1.
6. Примеры таких сообщений, См: Известия. 1920. 3 марта. С. 2.; Там же. 10 марта. С. 2; Там же. 30 марта. С. 2.
7. Известия. 1920. 15 апр. С. 2.
8. Там же. 20 апр. С. 2–3.
9. Протоколы заседаний комиссий по перемирию представлены в Российском государственном архиве Военно-Морского Флота (РГАВМФ. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 776).
10. Известия. 1920. 20 апр. С. 4.
11. Там же. 23 апр. С. 3.
12. Там же. 1 мая. С. 3.
13. РГАВМФ. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 776. Л. 46.
14. Известия. 1920. 5 мая. С. 2.
15. Там же. 8 мая. С. 1.
16. Там же. 11 мая. С. 2.
17. Правда. 1920. 28 марта. С. 1.
18. Там же. 31 марта. С. 1.
19. Там же. 1 апр. С. 2.
20. Там же. 18 апр. С. 1.
21. Там же. 20 апр. С. 2.
22. Там же. 25 апр. С. 1.

Литература

- Интервенция на Северо-Западе России. 1917–1920. СПб.: Наука, 1995. 391 с.
- Россия и Финляндия: от противостояния к миру. 1917–1920. М.: Научно-политическая книга; политическая энциклопедия. 2017. 502 с.
- Рупасов А., Чистиков А. Советско-финляндская граница. 1918–1938 гг.: очерки истории. СПб.: Издательство Аврора, 2016. 240 с.
- Холодковский В. М. Финляндия и Советская Россия 1918–1920. М.: Наука. 1975. 268 с.
- Васара В.-Т. Советская Карелия глазами участников «карельских походов» 1918–1922 гг. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Выборг, 2018. № 19 (2). С. 49–55.
- Петров П. В. Документы об участии Финляндии в событиях революции и Гражданской войны в России в фондах ЦГАИПД СПб // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Выборг, 2018. № 19 (2). С. 81–86.
- Смолин А. В. Независимость, рожденная в противостоянии // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2018. № 18 (1). С. 219–227.
- Смолин А. В. «Первая советско-финляндская война 1918–1920 гг.» историографические мифы или реальность? // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2009. С. 271–278.

**Альма Сёдеръельм, историк из Выборга –
от апологии революции до участия в белом движении**

Статья посвящена Альме Сёдеръельм, первой женщине в Финляндии, ставшей доктором наук и высоко ценимой в европейских научных кругах. Она родилась в 1870 г. в семье выборгских дворян, что дало ей с детских лет знание французского языка, здесь же окончила школу.

В 1889 г. поступила в университет Гельсингфорса (Хельсинки), где профессор Всеобщей истории Ю. Р. Даниэльсон-Кальмари, сам увлечённый историей Французской революции, сумел заинтересовать этой темой и Альму, и через 5 лет она защитила магистерскую диссертацию о влиянии «Общественного договора» Руссо на Французскую революцию. Это было чрезвычайно сложное время для девушек, мечтавших о высшем образовании. Права на университетский диплом приходилось добиваться и чисто политическими выступлениями. И Анна лично участвовала в оппозиционной организации De kvinnliga, члены которой выступали также и за право женщины работать в качестве врача, учительницы или государственной служащей – а затем и в других профессиях. И она была даже среди этих «продвинутых» женщин единственной, кто избрал жизненным поприщем науку и высшую школу. Что было непросто в 1910-е гг., когда из-за наступления консерваторов лишь немногие студентки смогли сохранить свои места в аудиториях.

После окончания университета, в 1890-х гг. она два года провела в Сорбонне, став одной из первых финских учёных, собиравших материал для докторской диссертации в иностранных архивах (до этого исследователи из Финляндии в лучшем случае работали в архивах Швеции или России и только «по финским» темам). И здесь она стала первым учёным, исследовавшим условия деятельности газетчиков во время Французской революции, что вызвало к ней всеобщий интерес.

Жизнь в огромном городе изменила и саму Альму. Именно здесь, как утверждают, она приобрела черты радикальной самостоятельности, отличавшие её всю жизнь¹. В Париже скромная выборгская девушка с комплексом внешней непривлекательности стала приобретать уверенность в себе и целеустремлённость в личной жизни. Этот процесс самосовершенствования продолжался и на родине, в результате чего она постепенно превратилась в элегантную, остроумную женщину со светскими привычками, признанного авторитета своей эпохи во всём, что касается тонкостей в традициях и поведении, ценителя прекрасного в искусстве и литературе.

По возвращении в Гельсингфорс она опубликовала и защитила докторскую диссертацию «Положение прессы в годы Французской революции», став, таким образом, третьей женщиной в истории Финляндии, получившей степень доктора философии². Эта книга получила высокую оценку на родине и во французских исторических журналах – а также в Англии и Германии (в общей сложности диссертацию высоко оценили 10 журналов). Но при этом Альма была вынуждена начать изнурительную борьбу за доцентскую сти-

пендию в родном университете (тогда доценты не обеспечивались жалованием и жили на стипендии).

Для женщины допуск на эту должность требовал согласия официального Петербурга. Необходимые документы были посланы её наставником Ю. Р. Даниэльсон-Кальмари имперскому министру, статс-секретарю по делам Финляндии В. К. Плеве. Однако тот долго отказывался, опасаясь создать прецедент, по которому право на доцентуру в университетах потребуют женщины во всей Российской империи.

Но финским покровителям Альмы удалось добиться своего, и в 1906 г. она получила эту должность в Гельсингфорсском университете, став первой женщиной-доцентом в Финляндии и всей Российской империи. Но о профессуре пока не стоило и мечтать – также по чисто гендерным причинам. Лишь в 1924 г., через 6 лет после обретения Финляндией самостоятельности, здешние университетские преподавательницы получили равные с мужчинами права. Но ситуация почти не изменилась. После получения Альмой Сёдеръельм кафедры (1927) следующая женщина стала профессором лишь в послевоенном 1945 г. – это была Хилья Тэряскиели в Университете Турку. А столичный Хельсинкский держал круговую оборону до 1948 г., когда профессию получила известная всему археологическому миру доктор Элла Кивикоски.

Получив должность доцента А. Сёдеръельм не оставляла и исследовательской деятельности. В 1910 г. она отыскала собрание писем Марии-Антуанетты периода революции, вывезенные в Швецию блестящим офицером и дипломатом графом Акселем Ферсеном, и опубликовала их. Это было настолько сенсационным открытием, что в Европе появились сомнения в их подлинности. Началась источниковедческая проверка собрания, но Первая мировая война прервала эту работу. И лишь в 1930 г. три независимых французских эксперта подтвердили подлинность этого бесценного источника³.

Не оставляла Альма и работы над созданием пособий для финской высшей школы и более популярных исторических книг, предназначенных для широкого круга читателей. В частности, она приняла активное участие в создании коллективной многотомной Всеобщей истории на финском языке (Maailmanhistoria, 1917), которая должна была служить и университетским учебником. Одновременно она подвергла новому анализу перемены в культуре и личной жизни французов в годы революции. В особенности интересовали её судьбы графа Ферсена и Марии-Антуанетты. И в 1930 г. она опубликовала на французском языке исследование их отношений, вызвавшее ещё более широкий интерес. А через три года – тайную переписку Марии-Антуанетты и политика Антуана Барнаве. Эти исследовательские результаты сделали ей имя в учёных кругах.

В частности, крупнейший шведский историк Нильс Форселл писал по этому поводу: «Книга о Марии-Антуанетте и Барнаве стала, можно сказать, гербовой печатью на всём творчестве Альмы Сёдеръельм, подтверждением её статуса историка европейского масштаба. Ибо это издание свидетельствует о счастливом завершении исследовательницей целой научной кампании на собственной территории французской аналитической традиции...

Это – эпохальный вклад в весь комплекс французских исторических исследований, таким образом свершённый шведской наукой, событие, равно которому невозможно отыскать в наших учёных анналах»⁴. Всего на французскую тему ею было создано 15 больших и малых трудов – а это больше, чем о Франции написали все финские учёные вместе взятые, утверждает её биограф⁵.

В известные периоды форсированной русификации Финляндии 1899–1905 и 1908–1917 гг. Альма принимала участие в движении сопротивления имперскому культурному прессингу. И сразу же после всеобщей забастовки 1905 г. вошла в число так называемых активистов, борющихся с «культурной» политикой царизма.

В гражданскую войну 1918 г. «красные» финны без суда и следствия казнили её близких родственников. После чего Альма навсегда отошла от революционного романтизма. Более того, она проявила себя безгранично преданной белому делу, укрывала раненых, прятала оружие и печатавшиеся в Швеции подрывные листовки. А в газетах она публиковала статьи, которые её биограф в далёком будущем назовёт не иначе, как «исполненными слепящей ненависти к красным» и даже «кровожадными»⁶. Объясняется это, по его словам, особенностями натуры А. Сёдерьельм – кипуче страстной и эмоциональной, её склонностью отстаивать принятую позицию любой ценой, вплоть до утраты благоразумия. Возможно, в этом есть значительная доля истины, так как после окончания гражданской войны Альма не была замечена ни в каких политических выступлениях – вплоть до «зимней войны», когда она занялась вывозом финских детей и обустройством их в Швеции.

Пока же, в наступившее мирное время, творчество А. Сёдерьельм отразило перемену в её политических симпатиях и антипатиях. В 1918 г. она издаёт сборник эссе «*Revolutionärer och emigranter*», где уделяет возросшее внимание жертвам Французской революции, а через год – пьесе «*Vägen till friheten*», где аристократы-революционеры гибнут после победы революции. Успех этой пьесы во многом повлиял на её дальнейшие творческие планы – она всё более склонялась к свободному писательству.

Вскоре вышло несколько безудержно фривольных и едва прикрытых прозрачными псевдонимами автобиографических романов. С начала 1920 гг. она переезжает в Швецию, где продолжает свои исследования, но теперь уже с акцентом на контрреволюционных персонажах времён Французской революции. Эта метаморфоза особенно ярко отражена в её обзорном труде «*Den franska revolutionen (1924, nytryck 1930)*» и «*Den stora revolutionen 1–2 (1927–1929)*». В последней, крупного объёма книге, наряду с революционерами предоставлена трибуна и их противникам. Это был труд, написанный блестящим стилем, предназначенный для широкой публики. В нём А. Сёдерьельм проявила себя как глубокий знаток революционных событий и личностей. Сказалась здесь и её изменившаяся политическая ориентация. Как она позже сама отмечала, ей было «очень трудно найти верную тональность». Поясняя свою мысль Сёдерьельм далее добавила: «Отчасти потому, что я изменилась сама – исчез мой революционный энтузиазм. Мы были свидетелями слишком многого, чтобы продолжать верить во что-то»⁷.

Её новый большой прорыв к читателям произошёл в 1921 г., когда она стала фельетонистом в шведской газете «*Дагенс Нюхетер*», выступая под псевдонимом «Чужой глаз». Будучи светской дамой, космополитичной по убеждению, она самоуверенно писала об национальных особенностях шведов, что не могло не шокировать приличное общество. В Швеции её раздражало то, что она считала шведскими духовным единообразием и соглашательством с диктатом общества. А на своей родине она бичевала взаимное финско-шведское неприятие, доходившее до изоляционизма.

Тема, к которой она часто возвращалась в своей эссеистике и беллетристике – это отношения между мужчинами и женщинами. Её дебютный роман «*Kärlekens väninna*» (1922), вызвавший скандал, был посвящён трудности совмещения эротической страсти и интеллектуальной общности. Ничего не было для неё ненавистнее, чем обращение к ней не как к профессору, а как к «профессорше». Она никогда не была замужем, но, превратив свой дом в салон, всегда находилась в окружении друзей. К ним относились, среди других, прозаик и драматург Ялмар Бергман, шведский принц Вилхельм, режиссёр Мауритц Стиллер и кинорежиссёр Альберт Энгштрём – и она с удовольствием давала понять окружающим, что отношения эти отчасти были интимными.

Она обожала раздражать окружающих, а говоря о своём внешнем уродстве (которое отнюдь не имело места), не терпела возражений. Напротив, при этом подразумевалось, что она берёт своё шармом и эротическим опытом. Всеобщим достоянием стал следующий инцидент. Когда встреченная ею на улице знакомая спросила: «Я слышала, что ты любовница принца Вилхельма?», то она высокомерно ответила: «Когда это касается высочайших персон, принято использовать термин не “любовница”, а “метресса”»⁸.

Но и здесь не всё так просто. Альма Сёдерьельм признавалась, что у неё бедная фантазия. Поэтому она, благодаря своей исследовательской подготовке в университете, использовала доступный источниковый материал (в данном аспекте – друзей и знакомых) таким же образом, как при подготовке биографий шведского военачальника К. фон Дёбельна, дипломата А. Ферсена, впоследствии тщетно пытавшегося спасти королевскую семью, вывезя её из Версаля за рубеж, Марии-Антуанетты, членов клана Бонапартов и других. Много позже, в 1935 г., эта тема завершится фундаментальным изданием «*Prinsar och prinsessor av Corsika*». Альма Сёдерьельм привлекала и очаровывала читательские круги своим оригинальным стилем, её тексты были чистосердечны и богаты на верные и точные формулировки. В её бережном обращении со словом и модерном вкусе объединялись интеллект и сугубо классические воспитание и образование⁹.

Ещё в 1925–1928 гг. она опубликовала в трёх томах дневники Акселя фон Ферсена, обнаруженные ею в частном архиве замка Ставсунд. В её всеобъемлющем творчестве А. Ферсен и Мария-Антуанетта занимали совершенно особое место. После интенсивных архивных штудий и публикаций на эту тему ей предложили читать лекции в Сорбонне. Она согласилась, а окончила свой курс постановкой вопроса: «Был ли Ферсен любовником Марии-Антуанетты»? Для неё самой ответ был однозначно утвердительным.

Рассчитывая на более широкую публику, она писала научно-популярные сочинения. История Финляндии отразилась в её труде о городе Якобстаде (3 band, 1907–1914) и в истории города Брахестада, а также в крупном исследовании об отношении шведского правительства и общества к Французской революции «Sverige och den franska revolutionen» (2 band, 1920–1924). Культурно-историческую ценность представляют её мемуары («Min värld», I–III, 1929–1931; «Mina sju magra år», 1933; «Åbo tur och retur», 1938).

Во второй половине 1920-х гг. Сёдеръельм полностью переключается в своём творчестве с истории государственного масштаба на исследование человеческих отношений в прошлом. Сама она так объясняла этот переход: «Мои исследования постепенно увели меня прочь от политики к персональной истории. Я, как и столь многие молодые люди, некогда полагала, что история людей – неинтересна, я также не желала уподобляться всем этим пишущим дамам, возящимся с любовными сюжетами в истории. А мы все в Финляндии интересовались тогда только политикой. Но постепенно меня захватили личная история и истории любви. Ибо прожив достаточно долгую жизнь, начинаешь понимать даже такую вещь, что не бывает личной жизни без любви»¹⁰. Вследствие чего она стала писать о любви. Причём об одной из самых известных во все времена любовных историй.

В конце 1927 г. Сёдеръельм стала профессором на созданной для неё (за счёт Фонда Дальстрёмов) кафедре Всеобщей истории Абоской академии. Один из её студентов, Бёрье Коллиандер вспоминал её появление не иначе, как «взрыв бомбы в нашем тихом городе»¹¹. В методах преподавания она обгоняла своё время. Она скептически относилась к кафедральному чтению лекций, как и к семинарам: «Мне более по душе самостоятельная деятельность в гуманитарной области, она столь же важна, как любые эксперименты». И даже разыгрывала в аудиториях сцены из истории Франции, в которых актёрами выступали студенты, а нередко и она сама. И если коллеги относились к ней по этой и иным причинам настороженно, то тем более ценным было для неё тёплое отношение студентов. Им было за что любить её – она стала первым профессором, преподавшим им умение усваивать материалы сколь угодно крупного объёма. Поэтому когда она в 1937 г. вышла на пенсию, это было ударом для академической молодёжи. Теперь она не хотела оставаться в Турку и переехала в Стокгольм, где и жила до самой кончины в 1949 г.

Из крупнейших произведений, созданных ею после получения профессорской кафедры, следует назвать «Georg Carl von Döbeln» (1937), «Carl Johan» (1939), «Oscar I» (1945), что говорит о её практически полном переходе на тематику шведской истории.

Что же касается литературного творчества А. Сёдеръельм, то на протяжении длительного времени она публиковала не только романы, но и пьесы, поэтические сборники, сценарии к кинофильмам. Всего ею опубликовано 1345 сочинений, из которых более тысячи относятся к кратким памфлетам и статьям в газетах и журналах¹². Центральное место в её автобиографических произведениях занимают описания детства, юности, студенческих лет и первых жизненных опытов, подробно изложенные в трёхтомных мемуа-

рах «Min värld». А для понимания её духовного мира более всего подходит чтение её романов, прежде всего «Kärlekens väninna» (1922).

Это – один из первых шведских романов о новой, сексуально свободной от гнёта традиционных быта и морали, всесторонне раскрепощённой женщине. И в так называемом психоэротическом жанре шведской прозы 1920 гг. Сёдеръельм выступила как первопроходец. Причём она не только отразила сексуальную природу новой женщины, но и глубоко, с вниманием и пониманием исследовала мужскую субкультуру, в том числе и гомосексуальную, её проблемы в дуалистическом обществе – также одной из первых в шведском культурном мире.

Её последнее собрание исторических очерков и эссе («Gustaf III:s syskon», 1945), посвящённое младшим братьям Густава III, герцогам Карлу (Карл III) и Фредрику Адольфу и их сестре Софии Альбертине, привлекло гораздо большее внимание в Швеции, чем более ранние работы исследовательницы на французские темы. Эта книга давала несколько одностороннюю картину шведской истории того периода, будучи почти исключительно посвящённой любовным и иным интригам при дворе. Политические события и другие интересы членов королевской семьи оставались на заднем плане. Тем не менее, успех книги в Швеции был столь велик, что рецензии о ней появились в трёх десятках газет¹³.

Её главный биограф Мария Энгман заканчивает свою 480-страничную книгу о ней словами, что Альма Сёдеръельм находилась в вечном отчуждении. Она была чуждой в мужском мире, чуждой в среде женщин, которых она втайне презирала, называя их «бабами», чуждой в чисто финском обществе – едва ли не по собственной вине, чуждой в Швеции. И, наконец, чуждой своему времени, которое она постоянно обгоняла. Из последней коллизии она находила выход в творчестве, где жила в ладу с эпохами своих исследований, всецело принадлежа им¹⁴.

Шведский поэт и редактор «Дагенс Нюхетер» Улоф Лагеркрантц вспоминал: «Я знавал одну даму XVIII столетия, Альму Сёдеръельм. Вблизи неё всегда в разгаре царило лето. Она была блестящей собеседницей как дама, чьими близкими друзьями были Густав III и Аксель фон Ферсен... Остроумие и мужество она считала высшими достоинствами, сама обладая ими более всех других»¹⁵.

А Мерете Маццарелла, другая исследовательница жизни и творчества исследовательницы из Выборга, определила её как «женское движение в единственном лице»¹⁶, поскольку общее феминистское течение ту не интересовало. И вообще она создала саму себя в качестве уникального явления северной культуры, а отнюдь не просто женщины, хоть и ослепительно яркой.

Чего оказалось вполне достаточно. Две Альмы Сёдеръельм – это было бы слишком.

1. Engman M. Kvinnan som inte förfäradas: Alma Söderhjelm, Arbiter Elegantiarum; forskare I fransk historia // Ennen ja Nyt. 2006. 1 september. (Далее: Engman, 2006).
2. Hurmerinta R.-I. Alma Söderhjelm // 375 Humanists. Faculty of arts. University of Helsinki. 2015. 28. 04. P. 2.
3. Engman, 2006.
4. Forsell N. Recension // Dagens Nyheter. 1934. 13.12. Цит. по: Engman, 2006.
5. Engman, 2006.
6. Tudeer A. Pionjär blir man genom att vara den första // Ny Tid. 21 1997. februari (Далее: Tudeer, 1997)
7. Engman, 2006.
8. Lönnqvist B. Alma Söderhjelm. Ett litteraturantropologiskt porträtt. Stockholm, 2013.
9. Svenska Dagbladet. 1996. 06. 08; Dagens Nyheter. 1996. 17. 06.
10. Söderhjelm A. Åbo tur och retur. Stockholm, 1938. S. 187.
11. Engman M. Alma Söderhjelm // Vetenskapskvinnor – Режим доступа: <http://www.helsinki.fi/akka-info/tiedenaiset/english/soderhjelm.html> Дата обращения: 20.09.2018.
12. Tudeer, 1997.
13. Engman, 2006.
14. Engman M. Det främmande ögat. Alma Söderhjelm i vetenskapen och offentligheten // Svenska litteratursällskapet (SLS) 602. 1996. S. 480.
15. Lagercrantz O. Dagbok. Stockholm, 1989. S. 112.
16. Цит. по: Tudeer, 1997.

Литература

- Engman M. Det främmande ögat. Alma Söderhjelm i vetenskapen och offentligheten. Helsingfors: Svenska litteratursällskapet, 1996, 480 s.
- Engman M. Kvinnan som inte förfäradas: Alma Söderhjelm, Arbiter Elegantiarum; forskare I fransk historia // Ennen ja Nyt. 2006. 1 september.
- Hurmerinta R.-I. Alma Söderhjelm // 375 Humanists. Faculty of arts. University of Helsinki. 2015.28. 04.
- Lagercrantz O. Dagbok. Stockholm: Wahlström & Widstrand, 1989. 101 s.
- Lönnqvist B. Alma Söderhjelm. Ett litteraturantropologiskt porträtt. Stockholm: Svenska folkskolans vänner, 2013. 280 s.
- Söderhjelm A. Åbo tur och retur. Stockholm: Albert Bonniers förlag, 1938. 495 s.
- Tudeer A. Pionjär blir man genom att vara den första // Ny tid. 1997. 21 februari.

Российская послереволюционная эмиграция в Финляндии в советско-финляндских отношениях 1920-е гг. (по документам архива внешней политики РФ)

Советско-финляндские отношения в 1920-е гг. были довольно сложными и неоднозначными. Их развитие обусловлено разными факторами. Одним из важнейших стал фактор русской эмиграции и вообще так называемый «эмигрантский вопрос», игравший важную роль в международных отношениях 1920-х–1930-х гг.

Российская диаспора в Финляндии не была столь многочисленна, как в основных центрах русского рассеяния – Франции, Германии, Чехословакии и т.д. По разным данным в 1917 г. русских беженцев в Финляндии было около 3000, в конце 1919 г. – 5000, в 1921 г. после Кронштадтского мятежа в Финляндию перебрались более 6000 человек. К концу весны 1921 г. количество русских эмигрантов в Финляндии достигло 15000–19000 человек¹. Отдельную, и довольно значительную группу эмигрантов составляли участники вооруженного восстания в Восточной Карелии 1921–1922 гг. позже сюда направились и беженцы от коллективизации и репрессий. Специфической группой стали солдаты – беглецы из советских концлагерей².

Приток беженцев ставил перед правительством Финляндии целый ряд проблем, затрагивавших сферу государственной безопасности и внешней политики³. С одной стороны, финские власти справедливо опасались проникновения в страну под видом беженцев большевистских агентов, с другой – подготовки прибывшими беженцами специальных мероприятий с целью восстановления прежней России, что, безусловно, несло угрозу государственному суверенитету Финляндии⁴. Тема большевистских агентов в Финляндии поднималась неоднократно не только в политических кругах, но и спецслужбами. Так, начальник III отдела генерального штаба, в ведении которого тогда находился политический сыск, Холгер Хонгисто весной 1919 г. констатировал усиление шпионажа, осуществляемого засланными в страну красными офицерами⁵. В то же время, выслать прибывших из России беженцев финское руководство не могло, так как, во-первых, для этого просто не хватало необходимых сил и средств, а во-вторых, проявление гуманности в отношении беженцев должно было способствовать благожелательному отношению общественного мнения в европейских странах к независимости Финляндии⁶. А это было очень важно для страны, только что добившейся суверенитета. Финляндия в 1920-е гг. находилась в весьма неоднозначной ситуации, как с точки зрения внутренней политики, так и с точки зрения внешней. Это не позволяло ей решить «эмигрантский вопрос», но и не реагировать на его проявления она не могла.

Опасения финского руководства были небеспочвенными. На протяжении 1920-х гг. советско-финляндская граница оставалась практически прозрачной. Этим весьма активно пользовались и советские спецслужбы, и структуры Коминтерна, и генеральный штаб Финляндии, и финляндские

активисты, и, собственно, различные структуры российской эмиграции в Европе⁷. Например, практически во всех приграничных населенных пунктах Финляндии существовали ячейки Братства Русской Правды (БРП), члены которой, в том числе, глава ее местного отделения А. Н. Толль в 1920-е гг. неоднократно бывали на советской территории и даже, в Ленинграде⁸.

Наиболее ярким примером влияния «эмигрантского фактора» на советско-финляндские отношения может служить знаменитая операция «Трест». В первые дни июня 1927 г. из Финляндии через границу на Карельском перешейке отправились шестеро боевиков РОВС. Одна «тройка» направилась в Ленинград, вторая – в Москву. Одним из организаторов и исполнителей терактов стал ключевой персонаж «Треста» – двойной агент ОГПУ А. О. Опперпут/Стауниц⁹. Он организовал взрыв в Ленинграде. После этого террористы С. Соловьев, Д. Мономахов и В. Ларионов вернулись в Финляндию. Участники второй «тройки», доверенная великого князя Николая Николаевича М. Захарченко, сам А. Опперпут и Г. Петерс, должны были произвести взрыв в Москве. После неудачной попытки теракта они бежали из Москвы, но были убиты возле Смоленска. В течение этого же лета из Финляндии были организованы еще две попытки диверсии. Двоих (А. Шахрина и С. Соловьева) выследили и убили, двоих других (А. Болмасова и А. Сольского) арестовали¹⁰.

В Архиве внешней политики Российской Федерации отложились документы, проливающие свет на последствия этого события и показывающие его влияние на отношения СССР и Финляндии.

14 июля 1927 г. состоялась беседа советского представителя в Финляндии С. Рабиновича с сотрудником министерства иностранных дел Финляндии А. Юрьё-Коскиненем. МИД Финляндии изъявил готовность заняться выяснением обстоятельств пребывания и деятельности А. Опперпута в Финляндии, но попытался дистанцироваться от этого дела. По данным финляндского МИДа, А. Опперпут прибыл в Финляндию из СССР без визы и являлся для финских властей нелегальным перешедшим границу советским гражданином. Его арестовали и держали в заключении несколько недель, подозревая в нем агента ГПУ. После произведенных допросов А. Опперпута освободили, и в дальнейшем вернули в СССР. Важно отметить, что возвращению А. Опперпута на территорию СССР МИД Финляндии придавал характер акта, говорящего в пользу лояльности властей в отношении СССР¹¹. Однако советскую сторону такой ответ не удовлетворил и Рабинович дал понять, что тайная переброска А. Опперпута из Финляндии в СССР могла сыграть немалую роль «в образовании того крайне тяжелого впечатления, которое вся Опперпуттовская история произвела на общественные и правительственные круги в Советском Союзе»¹².

25 августа 1927 г. СССР направил Финляндии меморандум, в котором потребовал высылки всех террористов-эмигрантов. Через некоторое время руководство Финляндии опубликовало приказ о высылке русских эмигрантов. Были высланы: Д. С. Мономахов, В. А. Ларионов. В Архиве внешней политики РФ отложились документы, характеризующие отношение финского общества и финской прессы к данному документу и к этой высылке. Из письма полпреда СССР в Финляндии С. С. Александровского члену Кол-

легии НКВД Ф. А. Ротштейну от 8 октября 1927 г. следует, что меморандум был воспринят всей финской прессой довольно благоприятно. Общий тон заявлений заключался в том, что эта высылка правильная и своевременная, поскольку установлено, что эмигранты злоупотребили правом убежища. Однако во всех высказываниях на эту тему следует отметить две побочных тенденции: левые решительно выступали против своих финских «реакционеров» за связь и сочувствие русским монархистам. Правая же печать жестко выступала против СССР. Причем основной мотив этих публикаций заключался в том, что, высылая русских, Финляндия тем самым доказала «свою лояльность» и от финского правительства нужно теперь требовать, чтобы оно того же добилось от СССР, т.е., чтобы СССР также воздействовал на финских коммунистов-эмигрантов и не допускал бы их подрывной работы в Финляндии. Тем не менее, как фиксировали советские представители, в самой среде русских эмигрантов происходившая депортация не производила какого-нибудь «особого впечатления». По имеющимся у советского наблюдателя сведениям там настроения оставались достаточно спокойными¹³.

Одновременно советское руководство отнюдь не удовлетворила высылка двух русских эмигрантов. Переговоры СССР и Финляндии по «эмигрантскому вопросу», в частности, о необходимости принятия соответствующих мер, чтобы впредь пресекать на территории Финляндии деятельность русских эмигрантов, направленную против СССР, продолжались всю осень 1927 г., но к реальным результатам не приводили. Советские дипломаты настаивали на более жестких мерах со стороны финского правительства. Тогда как представители финляндского руководства подчеркивали свою непричастность к деятельности эмигрантских организаций.

В 21 ноября 1927 г. состоялся разговор советского полпреда в Финляндии С. С. Александровского и министра иностранных дел Финляндии В. Войонмаа. Последний заверил советского представителя в том, что Финляндия в своих собственных интересах не может сама допускать усиления деятельности монархистов, поэтому СССР не должен ни минуты сомневаться в отношении Финляндии по этому вопросу и «верить» в дружеские чувства своего соседа. По его словам, «Финляндия хочет положить предел всякому проникновению враждебных элементов с ее территории в СССР...». Он сослался на решение финских властей о высылке трех эмигрантов и на то, что один из правительственных чиновников уже отстранен со своей должности. Также Войонмаа заверил советского представителя, что это только первый шаг в данном направлении. Он заявил, что сам лично не остановится перед решительными мерами против тех, кто в органах власти попустительствуют деятельности эмигрантов или не исполняет решения правительства, ослабляя тем самым контроль над эмигрантами. В целом, В. Войонмаа твердо утверждал, что подобные действия являются необходимыми для Финляндии не только по соображениям демонстрации лояльности в отношении к СССР, но и по внутривластным причинам¹⁴.

Однако советская сторона считала, что меры принятые финским правительством для расследования данного дела, все же были не совсем достаточными. Это следует из письма С. С. Александровского 30 ноября 1927 г. члену

коллегии НКВД СССР Б. С. Стомонякову. В качестве доказательства приводился тезис о том, что «в кругах русской эмиграции в Финляндии высылка Мономахова и Ларионова не произвела никакого впечатления». Александровский также подчеркнул, что по имеющимся у советских властей новым фактам перехода нескольких русских эмигрантов в СССР, и то, что одна из таких попыток даже переросла чудь ли не в сражение на границе, явно указывает на то, что в Финляндии на данные инциденты просто не обращают серьезного внимания.

В целом советская сторона продолжала обвинять финские власти в невыполнении обещаний по расследованию деятельности белоэмигрантов. В частности, обращалось внимание на то, что меморандум советского правительства по данному вопросу, переданный финской стороне 25 августа 1927 г. наркомом иностранных дел Г. В. Чичериным, остался без всякого официального ответа.

В результате постепенно СССР стал переходить к пока еще завуалированным угрозам, намекая на возможность собственными силами (т.е. СССР – Е.Н.) принять соответствующие меры «защиты от нападения». Финское же руководство, со своей стороны, продолжало лишь стремиться демонстрировать свои доказательства их участия в расследовании этого дела, указывая на произведенный обыск и допросы русского эмигранта полковника А. Ф. Григорьева. Как тогда сообщалось, у него было найдено достаточно компрометирующего материала для того, чтобы по отношению к нему были применены по всей строгости закона соответствующие репрессии. Кроме того, советским представителям сообщалось, что в Финляндии уже принято решение об увольнении ряда «оказавшихся недобросовестными» финских чиновников¹⁵.

С другой стороны, финские власти также обращали внимание на то, что деятельность русских эмигрантов в Финляндии поддерживалась извне, и эта поддержка, как считалось, еще более затрудняла борьбу с их незаконными действиями. В результате, обращалось внимание советской стороны, что противодействие в Финляндии деятельности белой эмиграции вынуждает в отношении них собирать достаточно солидный компрометирующий материал, ибо борьба с ними, «иначе невозможна, как только генеральным ограничением права убежища и въезда». Но провести такую меру в условиях демократической Финляндии, по утверждению финской стороны, было, однако, чрезвычайно трудно¹⁶.

Тем не менее, советские дипломаты продолжали требовать официально ответа на меморандум Г. В. Чичерина и настаивали на общем усилении решительных действий по отношению к незаконной деятельности русской белой эмиграции. Полпред СССР в Финляндии С. С. Александровский со своей стороны тоже предлагал увеличить давление на финляндское руководство по данному вопросу. В частности, из письма С. С. Александровского, адресованного Б. С. Стомонякову от 5 января 1928 г. следует, что советский полпред явно предлагал подкрепить требования НКВД «соответствующей кампанией в печати и каким-нибудь давлением на непосредственные финские интересы». В частности, он считал возможным «призвать финнов в плавании

по Неве и Ладоге или зверобойном промысле на севере». Александровский прямо тогда написал: «Повторяю, это только примеры. Я просто в данный момент не компетентен предложить что-нибудь определенное и хочу этим только сказать, что финнов нужно ущемить по возможности, чувствительно. В результате, конечно, подымется вой по поводу нашей агрессивности, но я бы на это сейчас не обратил внимания...[...] по-моему, необходимы такие действия, которые подняли бы на ноги и общественное мнение Финляндии, если это даже и будет сопряжено с воплем об агрессии»¹⁷.

В Москве это мнение было воспринято «с пониманием» и в газете «Правда» 8 января 1928 г. были опубликованы дискредитирующие белую эмиграцию в Финляндии секретные письма барона Б. Н. Гревеница, который являлся председателем Особого комитета по делам русских в Финляндии и представителем в Финляндии Совещания русских послов. Сами эти письма были адресованы во Францию, председателю Совещания русских послов М. Н. Гирсу. Но данная корреспонденция попала в руки советских спецслужб, причем при весьма загадочных обстоятельствах, поскольку Гревениц их доверил французскому военному атташе в Финляндии, который тогда уезжал в Париж, обещав ему лично доставить корреспонденцию по адресу¹⁸. Но получили их, однако, в Москве...

В письмах же говорилось о событиях, связанных с расследованием финляндскими властями деятельности русских эмигрантов, готовивших теракты на территории СССР. В частности, Б. Н. Гревениц признавал, что «некоторые эмигранты действительно злоупотребляли правом убежища», подчеркивая, что расследование тогда проводила политическая полиция, несмотря на то, что данные лица состояли на службе финляндского генерального штаба. Гревениц также сообщал, что 21 сентября троие эмигрантов из Финляндии неудачно пытались перейти границу и что в результате двое (А. Балмасов и А. Сольский) были убиты, а одному удалось бежать¹⁹.

В письмах также подтверждалась информация, частично переданная советским властям о том, что при обыске у полковника А. Ф. Григорьева был найден материал, доказывавший его связи с Радкевичем-Шульцем, принимавшим непосредственное участие в террористических актах на территории СССР²⁰. Кроме того, Гревениц засвидетельствовал еще и то, что произведенное финской политической полицией расследование подтвердило сделанное советской властью заявление о связях, имеющих у полковника А. Ф. Григорьева и поручика А. А. Швецова с генералом А. П. Кутеповым²¹.

Далее, из опубликованной в СССР переписки, становилось также известно о контактах белой эмиграции с представителями финляндского руководства. В частности, Б. Н. Гревениц сообщал, что 18 ноября 1927 г. лично встретился с президентом страны Л. К. Реландером. Причем, судя по обнародованным письмам, он попытался вести с этим человеком переговоры о возможности смягчения позиции финляндских властей в отношении русских эмигрантов. Характерно, как пишет Б. Н. Гревениц, что Л. К. Реландер отнесся к его просьбе «с большим вниманием». Он в его присутствии «по телефону переговорил с министром внутренних дел и начальником политической полиции и просил их, насколько обстоятельства позволяют, дать

делу несколько другое направление и заменить высылку из страны переменной места жительства»²².

Безусловно, обнародованные письма несколько дискредитировали действия финских властей в отношении белой эмиграции. С другой стороны, однако, в данных документах все же были и определенные подтверждения утверждений о не до конца лояльном отношении в Финляндии к русской политической эмиграции. В частности, в одном из последующих писем, опубликованных в СССР, Гревениц сообщал, что его попытки помешать высылки русских эмигрантов из Финляндии успеха все же не имели. При этом Гревениц все же сообщил, что другому белому эмигранту В. А. Ларионову, который тогда содержался в тюрьме, ему удалось помочь. В частности, его ходатайство об освобождении Ларионова было удовлетворено. Причем, как утверждал Гревениц, данный вопрос рассматривался на заседании государственного совета²³.

Разумеется, опубликование столь подробных писем вызвало скандал. Только что вступивший в должность новый министр иностранных дел Финляндии Я. Прокопе срочно вызвал к себе С. Александровского и официально сообщил, что полковник Григорьев уже выслан из страны и 10 декабря покинул Финляндию. При этом, естественно, главная цель беседы заключалась в обсуждении содержания писем Гревеница. Финская сторона четко заявила, что СССР сугубо злонамеренно раздувает «это дело» и главной целью данной политики, по словам Прокопе, стало стремление «прижать Финляндию». Особенно тревожил финское руководство приведенный в опубликованном письме факт переговоров Гревеница с президентом республики. Я. Прокопе даже предположил, что С. С. Александровский сам является автором этой истории и на данном предположении было высказано подозрение в его личной агрессивности по отношению к Финляндии²⁴.

Далее же, после этой встречи, С. С. Александровский имел еще отдельный разговор с прежним министром внутренних дел страны Р. Итконеном. На этой встрече опять был поднят вопрос о белой эмиграции, и Р. Итконен, объясняя сложившуюся ситуацию, вынужден был просто указать, что «монархистов до чрезвычайности трудно выслать». Р. Итконен заметил, что для Финляндии достаточно сложно депортировать русских эмигрантов в соседние государства, поскольку «другие страны дают разрешения на въезд до чрезвычайности неохотно, и, если делают это, то только при том непреклонном условии, чтобы на их паспортах были обратные визы». Указывая на этот факт, Итконен пояснил, что «таким образом, их можно выслать в лучшем случае на несколько месяцев, равных сроку разрешения на въезд в другую страну, после чего они автоматически возвращаются обратно в Финляндию». Что касалось случая с Гревеницем, то, как сообщал С. С. Александровский в Москву, Итконен все же признал факт встречи Гревеница с президентом, но считал его проявлением неосторожности и политической необдуманности. При этом он подчеркнул, что совершенно не допускает мысль о каком-нибудь серьезном политическом значении подобного разговора, поскольку, как зафиксировал слова советский полпред, «Реландер лично весьма честный и лояльный человек, чуждый авантюризма, а “иска-

ние гарантий” у монархистов, как это изображают московские газеты, было бы чистейшим авантюризмом для Финляндии и финна любого направления». В целом же Итконен дал понять советскому представителю, что финляндское руководство готово договариваться по данному вопросу с СССР²⁵.

После этих переговоров С. С. Александровский постарался дать еще развернутый анализ общественных настроений, которые стали складываться в Финляндии после публикаций в СССР писем Гревеница и появившейся в результате этого информации о встрече русского эмигранта с президентом страны. Данный анализ выполнялся на основе разбора публикаций в финских газетах. Причем, как Александровский сообщал Б. С. Стомонякову, материалы финской прессы полностью отражали мнение, которое ему выразили финские официальные лица. В газетных статьях, как он докладывал в Москву, повторялась мысль, что президент допустил лишь «неосторожность и необдуманность». Также финская пресса резко критиковала публикации советских газет по данному поводу, подчеркивая лишь положение о том, что СССР этим только стремиться ущемить Финляндию. В результате Александровский прямо подчеркнул, что «этот случай действительно поднял на ноги общественное мнение страны, и оно уже не в состоянии отделаться от сознания, что во взаимоотношениях с нами далеко не все благополучно [...] Опубликование этих документов, безусловно, достигло своей цели...».

Однако он также признавал и то, что «одновременно с привлечением внимания общественности к нашим взаимоотношениям оказалось затронутым чувство собственного достоинства, затронут престиж еще молодой, а потому повышено чувствительной страны»²⁶. Как отмечала в своих воспоминаниях русская эмигрантка И. Еленевская, «финляндское правительство было в полной панике, особенно был возмущен Министр Иностранных Дел Ялмар Прокопе»²⁷.

Вскоре последовала ответная кампания. Финская пресса, как отмечали советские дипломаты, единодушно стала выдвигать к СССР контрпретензии за «различные формы» коммунистической пропаганды. Поскольку в результате советско-финляндские отношения начали стремительно обостряться, Александровский вынужден был все же подчеркнуть, что его главная задача состоит в том, чтобы «добиться улучшения взаимоотношений». В конечном итоге возникший на почве проблемы белой эмиграции в Финляндии конфликт стал преодолеваться. С финской стороны тоже последовали миролюбивые заверения устранить «такое небольшое, но весьма неприятное препятствие» на пути к взаимному сотрудничеству, как деятельность русской эмиграции в Финляндии²⁸.

Закрепил этот шаг вечер, проведенный С. С. Александровским за бокалом вина с высокопоставленным чиновником МИДа Финляндии Э. Х. Палином, который придавал разговору исключительно дружеский характер. Он вел беседу весьма тонко, несколько раз возвращался к тому, что Финляндия не без оснований боится СССР и из-за этого страха часто преувеличенно реагирует на малейшие шаги, которые предпринимаются в отношении Финляндии со стороны Советского Союза²⁹. В конечном итоге, участники встречи пришли к соглашению, что необходимо «раз и навсегда покончить

с опасностью, которую представляют из себя интриги и террористическая деятельность монархистов». По делу же «писем Гревеница» Палин признал, что президент не намеревался интриговать против СССР и «несомненно, стал жертвой монархистов, обнаглевших именно потому, что до сих пор не встречали серьезного противодействия своим интригам»³⁰.

Через два дня Э. Х. Палин представил реальные меры, предпринятые финским руководством для решения «эмигрантской проблемы»: все главные организаторы террористической деятельности были высланы, причем по линии советской разведки эти действия также были подтверждены³¹. Позже был выслан «со всем семейством» и сам барон Гревениц³², также был распущен и Особый комитет³³.

Таким образом, эмигрантский фактор в советско-финляндских отношениях 1920-х гг. был довольно значительным и оказывал серьезное влияние на взаимодействие двух государств. Документы, отложившиеся в архиве российского внешнеполитического ведомства, свидетельствуют об однозначно жесткой позиции советского руководства в отношении анти-советской деятельности русской эмиграции. Советские власти требовали от финляндских коллег не только её расследования и пресечения, но и подтверждения этого на официальном уровне. Это имело важное значение, так как подтверждало заявления руководства Финляндии о его дружественном отношении к СССР. Однако это имело значение не только для двусторонних отношений СССР и Финляндии, но и для укрепления положения СССР на международной арене. В то же время, советское руководство не упускало возможности за счет эмигрантского вопроса достичь и других целей на северо-западном направлении своей внешней политики.

В свою очередь, финляндское руководство, заявляя о своем дружественном отношении к СССР, стремилось показать свою независимость во внешнеполитических и внутривнутриполитических вопросах, что было особенно важно на этапе становления независимого государства, каким являлась Финляндия в 1920-е годы.

1. *Невалайнен П.* Изгой. Российские беженцы в Финляндии (1917–1939). СПб., 2003. С. 21.
2. *Чистиков А. Н.* Беглецы из ГУЛАГа в Финляндии / Российское Зарубежье в Финляндии между двумя мировыми войнами. Сборник трудов. СПб., 2004. С. 8.
3. *Рупасов А. И.* Дебаты в эдускунте о беженцах из России. Январь 1919 г. / Российское Зарубежье в Финляндии между двумя мировыми войнами. Сборник трудов. СПб., 2004. С. 24.
4. Там же. С. 27.
5. Там же. С. 31.
6. *Рупасов А. И.* Дебаты в эдускунте о беженцах из России. С. 26.
7. Там же. С. 30.
8. *Базанов П. Н.* Братство Русской Правды – самая загадочная организация Русского Зарубежья. М., 2013. С. 120.
9. Александр Оттович Опперпут – настоящее имя Александр Упениньшили Упенинц, Упенинц также известен как Павел Иванович Селянинов, Касаткин, Эдуард Стауниц – латыш по национальности, член Союза защиты Родины и свободы, боевой организации генерала Кутепова, террорист, по некоторым данным сотрудник НКВД. Подробнее см: *Абрамов В.* Контрразведка. Щит и меч против Абвера и ЦРУ. М., 2006; *Гаспарян А. С.* Стауниц-Опперпут // Операция «Трест». Советская разведка против русской

эмиграции. 1921–1937 гг. 1-е. М., 2008; Тюремная одиссея Василия Шульгина: Материалы следственного дела и дела заключённого / Сост., вступ. ст. Макаров В.Г., Репников А.В., Христофоров В.С.; комм. Макаров В.Г., Репников, А.В. М., 2010; *Беленкин Б.И.* Опперпутелинц (Э.О. Опперпут-Стауниц и М.В. Захарченко-Шульц) // Пасынки революции. Савинков, Опперпут и др. 1-е. М., 2005. С. 123–158.

10. *Июффе Э.* Линия Маннергейма: письма и документы, тайны и открытия. СПб., 2017. С. 263.
11. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 0135. Оп. 10. П. 119. Д. 1. Л. 155.
12. Там же. Л. 156.
13. Там же. Л. 281.
14. Там же. Л. 281–285.
15. Тогда в Выборгской губернии по обвинению в поощрении деятельности русских эмигрантов от пограничной службы был отстранен некий Розенстрём.
16. АВП РФ. Ф. 0135. Оп. 10. П. 119. Л. 305–308.
17. Там же. Оп. 11. П. 122. Д. 1. Л. 4.
18. *Еленевская И.* Стокгольм. 1968. С. 155
19. Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века. Документы и материалы. Т. 6. «Схватка». 1925–1927 гг. М., 2013. С. 315.
20. До своего избрания президентом Л. К. Реландер был губернатором Выборгской губернии. В Выборге с 1919 г. Б. Н. Гревениц исполнял обязанности помощника Управляющего Делами особого Комитета по делам Русских в Финляндии. См.: *Еленевская И.* Воспоминания. С. 154–155.
21. Там же. С. 342.
22. Там же. С. 341.
23. Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века. Документы и материалы. Т. 6. «Схватка». 1925–1927 гг. М., 2013. С. 344.
24. АВП РФ. Ф. 0135. Оп. 11. П. 122. Д. 1. Л. 60.
25. Там же. Л. 58.
26. Там же. Л. 19.
27. *Еленевская И.* Воспоминания. С. 155.
28. АВП РФ. Ф. 0135. Оп. 11. П. 122. Д. 1. Л. 18.
29. Там же. Л. 15.
30. Там же. Л. 14.
31. Там же. Л. 13.
32. Там же. Л. 47–49.
33. Однако уже в 1928 г. Социальный министр утвердил его новый состав. – *Еленевская И.* Указ. соч. С. 155.

Литература

- Абрамов В.* Контрразведка. Щит и меч против Абвера и ЦРУ. М.: Яуза, Эксмо, 2006. 336 с.
- Базанов П. Н.* Братство Русской Правды – самая загадочная организация Русского Зарубежья. М.: Посев, 2013. 424 с.
- Беленкин Б. И.* Опперпутелинц (Э. О. Опперпут-Стауниц и М. В. Захарченко-Шульц) // Пасынки революции. Савинков, Опперпут и др. М.: Яуза, Эксмо, 2005. С. 123–158.
- Барышников В. Н.* От прохладного мира к зимней войне: Восточная политика Финляндии в 1930-е годы. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 1997. 353 с.
- Барышников В. Н.* СССР и Финляндия в 1920–1930-е гг.: проблема начала «зимней войны» // 105 дней «зимней войны». К шестидесятилетию советско-финляндской войны 1939–1940 гг. СПб.: Открытое общество, 2000. С. 6–15.
- Барышников В. Н.* Проблемы финляндско-советских взаимоотношений в области культуры в 1920–1930 гг. // Скандинавские чтения 2006 года. СПб.: МАЭ РАН, 2008. С. 384–397.

Васара В.-Т. Некоторые взгляды на вопрос о происхождении ненависти ко всему русскому в Финляндии // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. № 4. 2010. С. 244–256.

Гастарян А. С. Стауниц-Опперпут // Операция «Трест». Советская разведка против русской эмиграции. 1921–1937 гг. М.: Вече, 2008. 465 с.

Зимняя война 1939–1940. Кн. 1. Политическая история. М.: Наука, 1998. 382 с.

Еленевская И. Воспоминания. Стокгольм: изд. автора, 1968. 214 с.

Иоффе Э. Линии Маннергейма: письма и документы, тайны и открытия. СПб.: Изд-во «Пушкинский фонд», 2017. 432 с.

Невалайнен П. Изгои. Российские беженцы в Финляндии (1917–1939). СПб.: Журнал «Нева», 2003. 368 с.

Невалайнен П. Основные черты иммиграции русских в Финляндии в 1917–1939 гг. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2004. С. 179–184.

Новикова И. Н. Деятельность русских организаций в Финляндии в 1918 г. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2001. С. 47–51.

Рупасов А. И. Дебаты в эдускунте о беженцах из России. Январь 1919 г. // Российское Зарубежье в Финляндии между двумя мировыми войнами. Сборник трудов. СПб.: Сударыня, 2004. С. 24–31.

Рупасов А. И. Советско-финляндские отношения. Середина 1920-х – начало 1930-х гг. СПб.: Европейский Дом, 2001. С. 310.

Русская военная эмиграция 20-40-х годов XX века. Документы и материалы. Т. 6. Схватка. 1925–1927 гг. М.: РГГУ, 2013. 820 с.

Смолин А. В. Ларс Вестерлунд. «Мы ждали вас как освободителей, а вы принесли нам смерть...» СПб: Аврора-Дизайн, 2013. 128 с. // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2014. № 12. С. 254–259.

Смолин А. В. Политическая деятельность русской эмиграции в Финляндии в 1918–1919 гг. // Зарубежная Россия, 1917–1939. Сб. ст. СПб.: Европейский Дом, 2000. С. 65–68.

Смолин А. В. Русские в Финляндии в 1918–1919 гг. (Рапорт лейтенанта Дихта морскому атташе в Швеции В. А. Сташевскому) / часть I // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2011. № 6. С. 126–152.

Смолин А. В. Русские в Финляндии 1918–1919 гг. Часть 2. Трагедия русских в Финляндии // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2011. № 7. С. 165–172.

Смолин А. В. Русские в Финляндии 1918–1919 гг. Часть 3. // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2012. № 9. С. 149–177.

Смолин А. В. Формирование антифинляндских настроений среди русских беженцев в Финляндии в 1918–1920 гг. // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2012. № 9. С. 80–93.

Тюремная одиссея Василия Шульгина: Материалы следственного дела и дела заключённого М.: Русский путь, Книжница, 2010. 480 с.

Чистиков А. Н. Беглецы из ГУЛАГа в Финляндии // Российское Зарубежье в Финляндии между двумя мировыми войнами. Сборник трудов. СПб.: Сударыня, 2004. С. 7–12.

РЕЛИГИЯ, НАУКА И КУЛЬТУРА

Церковь во имя Рождества Христова в Выборге в середине XVIII столетия

Кафедральный собор Выборга был построен в XV в.¹ В течение нескольких столетий он являлся главным храмом города². Первоначально существовал католический храм, освященный в честь Св. Марии и Св. Олафа, но после Реформации он стал лютеранским собором³. После взятия Выборга российскими войсками в 1710 г., собор был разрушен артиллерийским огнем. Горожане подали царю список зданий города, которыми они хотели бы пользоваться. Однако Петр I удивился, когда не обнаружил среди строений кафедрального собора⁴. Но вскоре царь распорядился о строительстве православной деревянной церкви. В 1710 г. временная церковь была освящена новгородским митрополитом Иовом в честь апостолов Петра и Павла⁵.

Неизвестно, когда именно отремонтированный каменный собор был освящен. Однако имеются свидетельства, что в 1722 г. храм был уже освящен. Некоторые источники называют годом освящения 1725 г., тогда в храме был установлен новый большой алтарь и престол во имя Рождества Христова, а храм стал называться Рождественским собором. 17 сентября того же года в документах Святейшего Синода говорилось о существовании и колокольни при соборе.

С постройкой в 1788 г. Спасо-Преображенского собора, Рождественский собор был окончательно заброшен. Все иконы и церковная утварь из закрытого собора были переданы в новый храм. Причт Рождественского собора тоже был переведен в новый собор. 1 июня 1793 г. здание храма и колокольня пострадали в очередной раз от пожара. Впоследствии в здании бывшего кафедрального собора разместили хлебный склад военного ведомства. Но в 1913 г. была произведена реконструкция здания и в помещении храма была устроена православная церковь Трех Святителей 8-го Финляндского стрелкового полка. Полностью собор был разрушен в 1939–1940 гг. До наших дней сохранились лишь основания стен храма, над которыми возвышается Часовая башня — бывшая колокольня⁶.

Архивные материалы по истории Рождественского собора Выборга в середине XVIII в. сохранились в значительном количестве, представляя определенный интерес.

Рождественский собор часто горел на протяжении XVIII в. В 1738 г. собор сильно пострадал от очередного пожара. На восстановление собора императрица Анна Иоанновна пожаловала 1000 руб. из наличных денег Выборгской портовой таможни. Так, 19 мая 1739 г. в Святейший Синод из Выборгской провинциальной канцелярии был прислан рапорт с реестром о починке старого Рождественского собора в Выборге в связи со случившемся пожаром⁷. Требовалось побелить церковь и приобрести новую церковную утварь, в частности: 2 апостола, 3 служебника, несколько требников – 1 большой и 3 малых, а также псалтырь, 2 часослова, 2 минеи, несколько тарелок и чаш для воды. Согласно протоколу Святейшего Синода от 4 июля 1740 г., сумма

церковной утвари составляла: 1 служебник – 60 коп., 1 часослов – 15 коп., псалтырь и минеи – по 2 руб. Кроме того, для освещения собора во время службы были необходимы свечи в большом количестве. На восстановление Рождественского собора требовалась сумма в 300 руб., однако согласно указу е.и.в. следовало выделить лишь 100 руб. из доходов самой губернии. Однако в следующем году (10 июня и 20 декабря 1740 г.) снова сообщалось о починке колокольни соборной церкви в Выборге и о выделении денежной суммы на покупку церковной утвари⁸. Спустя несколько лет (5 февраля 1746 г.) по ведению Правительствующего Сената снова была выделена сумма из Штатс-конторы в 2 тыс руб. на ремонт имеющейся в Выборге Церкви Рождества Христова⁹.

Однако сохранились документы не только о ремонте Рождественского собора в середине XVIII в., но также и о назначении священников. 15 марта 1736 г. обер-комендант Выборга, полковник Михаил Молчанов, сообщал в Святейший Синод об определении второго священника на службу¹⁰. В Рождественском соборе изначально следовало находиться 1 протопопу и 2 священникам, а на 1736 г. там имелся протопоп Мокий Лаврентьев и при нем один священник (Иван Иванов). В связи с одержимой жестокой болезнью, протопоп М. Лаврентьев не всегда мог справиться со своими обязанностями, а одному священнику трудно было справляться со службой в храме. Тогда в Выборге находилось немалое число людей, в особенности, воинских чинов. Поэтому полковник М. Молчанов требовал прислать еще одного священника для причащения больных солдат в местном госпитале. В результате был прислан из Синода в Выборг священник Иван Михайлов.

По архивным документам, 6 августа 1739 г. умер священник Иван Иванов. За свою службу в соборе он получал жалование по 30 руб. и 10 коп. Протопоп церкви требовал назначить нового священника в Выборгский собор. 16 января 1740 г. был отправлен на службу в Выборг уволенный из лейб-гвардии Измайловского полка священник Федор Никитин.

29 января 1741 г. протопоп Выборгской соборной церкви Рождества Иисуса Христова, М. Лаврентьев, подал в Святейший Синод прошение с просьбой определить на место священника дьячка Ивана Зотикова¹¹. Однако пономарь И. Зотиков не был утвержден Синодом в связи с определением его к церкви в Карелии, так как И. Зотиков прекрасно владел финским языком.

В том же году (15 апреля 1741 г.) протопоп Выборгской соборной церкви М. Лаврентьев подал прошение в Синод о производстве на место умершего священника Василия Елеферева дьякона Михаила Иванова¹². Изначально планировалось определить священником в Рождественский собор Ивана Иванова – священника из Петербургской церкви Живоначальной Троицы при Галерной гавани. Однако по указу е.и.в. от 19 августа 1741 г. следовало быть священником при церкви в Выборге бывшему священнику церкви Николая Чудотворца, что в Карелии, Федору Софрониеву. Для его пропитания и устройства ризницы требовалось выделить из казны сумму в 14 руб. и 73, 5 коп., а планировавшегося священника И. Иванова определить на службу священником в Муромский пехотный полк.

Спустя несколько лет, 11 августа 1759 г., в Синод из Главной полицмейстерской канцелярии поступил документ, в котором говорилось, что 6 августа 1759 г. при рапорте был представлен к показаниям дьячок церкви Рождества Христова г. Выборга Василий Васильев, который на допросе в Главной Полиции показал, что он сбежал неделю назад от протопопа Рождественского собора Николая Феокистова. Протопоп Выборгского собора желал, чтобы Василий жил вместе с ним, но дьячок отказался. Поэтому В. Васильев сбежал без вещей в Петербург, где жил за Ямской московской слободой, в лесу. Многочисленные дальние родственники приносили дьячку пропитание. В результате дело дьячка В. Васильева отослали для рассмотрения епархиальному архиерею, преосвященному Сильвестру.

В заключение необходимо сказать, что осветив некоторые сведения из деятельности православной церкви во имя Рождества Христова в Выборге, можно заметить то, что церковь была не в лучшем состоянии: денег на её содержание и на жалование священнослужителям в XVIII в. не хватало, а сами священники часто сменялись. Однако, благодаря сохранившимся до наших дней архивным материалам, мы узнаем любопытные сведения по истории этого храма.

1. См: *Гоголицын Ю. М., Гоголицына Т. М.* Памятники архитектуры Ленинградской области. Л., 1987.; *Липатов А. А., Сакса А. И., Смирнов А. М.* Архитектурно-археологические загадки старого кафедрального собора в Выборге. Некоторые результаты исследований 2013 года // Вопросы всеобщей истории архитектуры. 2017. № 1 (8). С. 167–189; Архитектурные памятники города Выборга: (Рек. указ. лит.). Выборг, 1982.
2. См: *Сакса А. И.* Старый кафедральный собор в Выборге – уникальный объект культурного наследия // *Stratum plus: archaeology and cultural anthropology*. 2014. № 6. С. 261–270; *Губинская К. Ю.* Этапы формирования исторической городской застройки города Выборга в период с XIII по XVI столетия // *Вестник гражданских инженеров*. 2017. № 2(61). С. 14–21.
3. См: Краугольный камень. М, 2010; *Сакса А. И., Смирнов А. М.* Археологические исследования средневекового Выборга // *Бюллетень Института материальной культуры РАН (охранная археология)*. СПб, 2013. С. 145–152; *Весь Выборг: Ил. худож.-ист. путеводитель*. Выборг, 2002.
4. *Кенн Е.Е.* Архитектурные памятники Выборга XVII – XX: Путеводитель. Л., 1977. С. 215.
5. *Церковная история Выборга и его окрестностей*. СПб., 2007. С. 208.
6. См: *Кенн Е. Е.* Город Выборг. Памятники архитектуры и истории. Л., 1978.
7. Российский государственный исторический архив (РГИА) Ф. 796. Оп. 21. Д. 242. Л. 1–23 об.
8. Там же. Оп. 23. Д. 1129. Л. 9.
9. Там же. Оп. 27. Д. 47. Л. 1–4.
10. Там же. Оп. 17. Д. 100. Л. 2 об.–17 об.
11. Там же. Оп. 22. Д. 51. Л. 1–5.
12. Там же. Д. 263. Л. 2–14.

Литература

- Архитектурные памятники города Выборга: (Рек. указ. лит.). Выборг: Б.и., 1982. 18 с.
Весь Выборг: Ил. худож.-ист. путеводитель. Выборг: Реклама Балт, 2002. 118 с.

Гоголицын Ю. М., Гоголицына Т. М. Памятники архитектуры Ленинградской области. Л.: Стройиздат, 1987. 303 с.

Губинская К. Ю. Этапы формирования исторической городской застройки города Выборга в период с XIII по XVI столетия // *Вестник гражданских инженеров*. 2017. № 2 (61). С. 14–21.

Кенн Е. Е. Архитектурные памятники Выборга XIII–XX: Путеводитель. Л.: Лениздат, 1977. 215 с.

Кенн Е. Е. Город Выборг. Памятники архитектуры и истории. Л.: Общество «Знание РСФСР», 1978. 14 с.

Краугольный камень. М.: Ломоносовъ, 2010. 552 с.

Крипотова Ю. И. Православные приходы Выборгской губернии в составе Великого Княжества Финляндского // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2009. № 10. С. 381–392.

Липатов А. А., Сакса А. И., Смирнов А. М. Архитектурно-археологические загадки старого кафедрального собора в Выборге. Некоторые результаты исследований 2013 года // Вопросы всеобщей истории архитектуры. 2017. № 1 (8). С. 167–189.

Мусаев В. И. Коневецкий монастырь – православный центр в финляндской Карелии // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2013. № 15. С. 335–346.

Сакса А. И. Старый кафедральный собор в Выборге – уникальный объект культурного наследия // *Stratum plus: archaeology and cultural anthropology*. 2014. № 6. С. 261–270.

Сакса А. И., Смирнов А. М. Археологические исследования средневекового Выборга // *Бюллетень Института материальной культуры РАН (охранная археология)*. СПб.: Периферия, 2013. С. 145–152.

Церковная история Выборга и его окрестностей. СПб.: Русская классика, 2007. 208 с.

Шувалова А. Н. Метрические книги православных церквей Старой Финляндии середины XVIII в. как исторический источник // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Выборг, 2018. № 19 (2). С. 209–214.

**Финско-протестантская экспансия
в православной Карелии в начале XX в.**

1905 г. в Российской империи был ознаменован, помимо прочего, изменениями в религиозном законодательстве. Положение Комитета Министров об укреплении начал веротерпимости, высочайше утверждённое 17 апреля 1905 г., допускало выход из православия и присоединение к другим религиозным общинам. Тогда же было смягчено законодательство в отношении Финляндии. 22 октября (5 ноября) 1905 г. появился высочайший манифест о Финляндии «О мерах к восстановлению законного порядка в крае». Согласно его положениям, утрачивали силу постановления и указы, принятые в период 1899–1902 гг. и ограничивавшие автономию Великого княжества Финляндского. Основным следствием всех перемен была заметная активизация финского лютеранского и в целом протестантского натиска на православное карельское население. В российской печати во время первой русской революции появились понятия «панфиннизм» и «панфинская пропаганда»: этими терминами правые политики и публицисты стали обозначать разнообразную деятельность финских активистов в Карелии, направленную на усиление финско-протестантского политического и культурного влияния. Это явление, естественно, возникло не в одночасье. Интерес финской патриотической интеллигенции к Карелии и другим областям, населённым родственными финнам народами и племенами, возник ещё в XIX в., в период становления финского национального движения. К концу столетия в кругах финских интеллектуалов сформировалось движение, получившее наименование «карелианизм»¹. Поиск национальной идентичности и истоков собственной культуры привёл романтически настроенных деятелей финской интеллигенции в Карелию. Именно здесь Э. Лённрот собрал многие руны «Калевалы». Среди финской общественности укоренялись представления об общем происхождении и близком родстве финнов и карелов и о необходимости их слияния в единую нацию. Об этом образно писал один из классиков финской литературы Закариас Топелиус в своей книге для чтения «Книга нашей страны» («Maamme kirja»), ставшей своего рода евангелием финского национализма: «Финский народ – как дерево, которое уходит корнями в землю. Его самые большие и мощные корни – это две родственные нации, которые долго были разлучены, а теперь соединились, а именно – карелы и хяме»².

Карелианизм, согласно определению известного финского исследователя Ханнеса Сихво, имел две формы: культурную и национально-идеологическую³. Именно в своём втором проявлении он представлял наиболее серьёзную угрозу для русско-православных интересов. Недовольство финской патриотической общественности вызывала культурная отчуждённость карелов, их неготовность отождествлять себя с финнами. Основным препятствием к интеграции карелов в финскую нацию представлялось русское влияние, главным средством поддержания которого была православная

вера. Православие ассоциировалось с «русскостью». Сами православные карелы называли свою веру «русской», а лютеранскую – «шведской»: этноним «туоһси» («швед») они применяли для обозначения любых последователей лютеранства в Финляндии. Соответственно, одним из основных средств духовного объединения карелов с финнами должна была стать борьба против русско-православного влияния в Карелии.

В изданной позднее брошюре «Православная Карелия» антиправославная составляющая финского националистического движения объяснялась следующим образом: «Если принять... во внимание, что финляндцы проникнуты пренебрежением к православной церкви и враждебно к ней относятся, видя в ней одно из коренных препятствий к слиянию карельского элемента с финским, то тягостное положение православия в Финляндии становится тем более очевидным. Не следует забывать при этом, что быстро развивающаяся финско-национальная культура вредна для успехов православия не только ради своего протестантизма, как вероисповедания, а главным образом в силу враждебного России и всему русскому политического направления. С того времени, как стало развиваться ложное учение об особом финляндском государстве, и в особенности за два последних десятилетия русских объединительных реформ в Финляндии, когда православное население выказало сочувствие этим реформам и апатично отнеслось к подпольной деятельности агентов финляндского сепаратизма, русская православная вера стала признаваться опасной для целостности Финляндии, и православные стали полагаться в финляндском смысле “политически неблагонадежными”. Прилагаются все старания поэтотому, чтобы привить православным финнам и карелам национальные чувства, для чего в Финляндии и домогаются прежде всего обратих их в лютеранство»⁴. Об этом же писали авторы церковных периодических изданий. «Церковные ведомости» отмечали: «Следует отметить, что вероисповедный вопрос в Карелии в сильной степени является вопросом национальным... Финляндская “патриотическая” интеллигенция вообще равнодушна к вере, однако в отношении к Карелии она проявляет лютеранский фанатизм – и вполне понятно, почему: потому что в олютеранении Карелии она видит орудие прочного национального и политического слияния ее с Финляндией»⁵. В том же духе высказывались «Олонецкие епархиальные ведомости»: «В Финляндии православная вера иначе и не называется, как русской верой (venäläinen usko). А финн, принявший православие, в глазах своих соотечественников делается русским. И действительно, в большинстве случаев с православной верой новоприсоединенный воспринимает и симпатии ко всему русскому. Не только русские, но и финские православные карелы всегда тяготели и тяготеют к единоверной им России. Отнимите у них православную веру, дайте им лютеранство, и, наверно, симпатии их будут на стороне финнов. Это хорошо понимают и на это, наверно, рассчитывают финляндские сепаратисты, мечтатели о финляндском государстве»⁶.

Насаждение в Ладужской Карелии финских народных школ, деятельность Сердобольской учительской семинарии были наглядными проявлениями финской экспансии. Действенным средством финнизации стали

финские банки, основанные в Сердоболе. Они охотно выдавали кредиты местным карелам, однако соглашались предоставлять льготы при их погашении только тем должникам, которые выказывали себя сторонниками финского влияния, меняли свои русские имена и фамилии на финские и т. п. С тех же, кто упорствовал в своих русско-православных симпатиях, высказывался за богослужение на церковно-славянском языке, жертвовал землю или средства для православной церкви или русской школы, долги взыскивали неукоснительно. В результате православные карелы разорялись и лишались своей собственности, а земельные наделы и торговые предприятия переходили в руки финнов⁷. «Новое время» так изображало финскую политику в Карелии: «Во время великого надела, т. е. лет 10 назад, землемеры позаботились дать участкам земли финские названия и переименовали живущих на них крестьян сообразно новым наименованиям местностей, и таким образом получили карел, инстинктивно сбрасывающих гнет всего, что носит следы русского влияния. Лично крестьяне этому противились и противятся, но, не посвященные в тонкости местного судопроизводства, они должны терпеть приписываемые им инстинкты и влечения. В местах, где особенно сильно противились и противятся навязыванию новых фамилий, финны стремятся достигнуть результатов путем запугиваний: в противном случае, говорят они, ваши документы и бумаги станут незаконными, т. е. недействительными. И экономически забитые, имеющие нужду в казенных и частных сделках карелы, во избежание лишних проволочек и оттягиваний дела, поневоле соглашаются на все»⁸.

Таким образом, деятельность по финнизации (или, как писали правые русские издания, «офинению», «офинниванию») православной Карелии осуществлялась и ранее. Однако с 1905 г. она приобрела более активный и целенаправленный характер. Для этого сложились более благоприятные условия благодаря отмене законодательных актов, ущемлявших финляндские свободы, указу 17 апреля 1905 г. и общей демократизации политической системы. С другой стороны, среди самих карелов к этому времени начало проявляться политически активное движение. Его зарождение было связано с деятельностью мелких торговцев – коробейников, преимущественно беломорских карелов, которые по своим торговым делам подолгу бывали в Финляндии. Некоторым из них удавалось обосноваться в Финляндии, открыть там свои торговые предприятия. Они постепенно усваивали финскую культуру, проникались идеями финско-карельского единства. Именно эти осевшие в Финляндии выходцы из Беломорской Карелии задавали тон в развитии карельского национального движения. В августе 1906 г. в Тампере (Таммерфорсе) был основан «Союз беломорских карелов» («Vienan Karjalaisten Liitto»), который развернул энергичную просветительскую работу по другую сторону границы. В эту организацию вошло около 750 человек, в том числе около 550 финнов и примерно 200 выходцев из Беломорской Карелии. «Союз» приступил к изданию газеты «Karjalan rakinoita» («Карельские разговоры»). В 1908–1909 гг. газета выходила под другим названием – «Karjalan kävijä» («Карельский путник»), прежде чем российским властям удалось, наконец, добиться прекращения её издания. Для школ

«Союзом» было издано учебное пособие «Pieni alkuopastaja Vienan karjalaisille» («Небольшое начальное руководство для беломорских карелов»), распространённое в количестве около 1800 экземпляров⁹. «Союз» даже сумел привлечь к своей деятельности земляков за границей: в его члены вступили несколько человек из финско-карельской колонии в США в штате Иллинойс. Американские карелы собрали 700 марок на финские библиотеки и детские школы в Архангельской Карелии¹⁰. Хотя архангельские губернские власти старались пресечь деятельность «Союза беломорских карелов» на территории губернии, воздействие, в той или иной форме, на население российской Карелии с другой стороны административной границы не прекратилось. В ноябре 1907 г. в Сердоболе было организовано новое объединение, преследовавшее схожие цели – «Карельское просветительское общество» («Karjalan Sivistysseura») ¹¹.

В связи со всем этим в 1905–1906 гг. и стал набирать силу процесс, который русские патриотические публицисты и общественные деятели окрестили как «панфинско-лютеранский поход финляндцев на православную Карелию». Именно под таким названием несколько лет спустя была издана брошюра, автор которой, В. А. Алексеев, писал: «С изданием манифеста от 17 апреля 1905 г. вспыхнуло гонение на православных финляндских карел. И в общественной жизни, и в печати православие стало подвергаться целому ряду насмешек и оскорблений... Православные бедняки – торпари были согнаны с арендуемых ими помещичьих земель, православной прислуге стали отказывать от мест, православные учителя не находили себе занятий, доктора лютеране за свой брак с православными теряли доброе имя и лишались практики»¹². В. А. Алексеев останавливался и на той роли, которую в этом «походе» играли учителя финских школ: «Очень незавидную роль играют в деле распространения идей панфинизма и учителя-карелы народных школ. Многие из них ренегаты, другие хотя и продолжают числиться православными, но только номинально. Нередко народные учителя принимают деятельное участие в политической жизни и стоят во главе социал-демократической партии в своем приходе. Там, где на них возложено преподавание Закона Божия, эти уроки ведутся ими в чисто протестантском духе, причем школьным руководством служит исключительно краткий катехизис “собственного издания”, составленный в Финляндии. Хотя катехизис митрополита Филарета давно переведен на финский язык, но его в школах не употребляют»¹³.

Финско-лютеранский натиск на карелов представлялся тем более опасным, что вслед за финляндской, он начинал угрожать и российской – Олонецкой и Беломорской (Архангельской) – Карелии. Как отмечалось в журнале «Миссионерское обозрение», «фанатики не разделяют Карелии финской и русской, вся Карелия сливается для них в одно невозделанное поле для насаждения лютеранства, и они появляются всюду, где только язык не будет помехой»¹⁴. А «Архангельские епархиальные ведомости» цитировали выступление доктора О. А. Хайнари (Форсстрёма) на учредительном собрании «Союза беломорских карелов»: «Мы финны образуем маленький островок среди других народов. Числом нас в княжестве нет и трех миллионов. Нель-

зя поэтому считать маловажной ту победу, когда мы соединимся с беломорскими карелами... в своих национальных стремлениях. А если с помощью беломорских карелов удастся нам пробудить и Олонецкую Карелию, то как много будет значить эта добавочная в 200 000 душ сила для успехов финской национальной культуры»¹⁵. По сообщению «Олонецких епархиальных ведомостей», в двух приходах Беломорской Карелии действовали пять нелегальных финских школ, ремесленная финская школа работала в селе Ухта. «Для обучения в этих школах издан уже букварь на финском языке, в виде богато иллюстрированной книги на 64 страницы, распространением которого ведаёт теперь школьный комитет в той же Ухте. Вся обширная площадь Беломорской Карелии покрыта сетью финских читален и библиотек, их насчитывается до 22-х. Из Финляндии различные редакции и издательские союзы засыпали эти библиотеки своими подарками»¹⁶.

Задачам финско-лютеранской пропаганды в населённых карелами областях и Финляндии, и России служил ряд периодических изданий, в частности, такие газеты как «Karjala», «Laatokka», «Kotimaa», «Raja-Vahti», «Kaikuja Kajaanista». «Laatokka», в частности, ставила задачу «пробуждать финское национальное чувство там, где его нет; развивать и укреплять там, где оно проявилось»¹⁷. Для этих газет характерными были выпады против православия, критика в адрес обрядов православной церкви и православных священнослужителей. К примеру, «Laatokka» указывала на пороки некоторых представителей православного духовенства: пьянство, невежество, неприличное поведение. По словам В. А. Алексеева, «приводятся отдельные печальные факты, которые затем обобщаются и передаются в специфически финляндском освещении»¹⁸. Православие газета называла «вероисповеданием, которое в течение столетий проявило себя неспособным поднять низший образовательный уровень народа»; она высмеивала почитание икон и другие православные обряды¹⁹. Особенно опасная пропаганда, по мнению Алексеева, исходила от газеты «Kotimaa»: «Редактируется она пасторами и отличается, как и следовало ожидать, крайним фанатизмом. На страницах "Kotimaa" духовное состояние русской Карелии преднамеренно рисуется самыми мрачными красками. Заботясь о спасении карельских душ, газета печатает воззвания о необходимости просвещения заблудших»²⁰. В газете публиковались патетические призывы к «миссионерскому подвигу» в Карелии.

Город Сердоболь (Сортавала) со времени основания в нём учительской семинарии и финских банков во всё большей степени становился центром распространения финского влияния в Ладожской Карелии. В сентябре 1906 г. при местном Евангелическом обществе состоялось собрание агитаторов, где было решено образовать при обществе миссионерский денежный фонд для просветительных целей в Карелии. С 1907 г. при обществе действовал особый отдел по карельской миссии. Здесь особенно активную роль играл преподаватель сердобольской семинарии Бруно Бокстрём, автор ряда статей в газете «Kotimaa»²¹. Сам Б. Бокстрём утверждал, что деятельность общества не носит антиправославного характера, оно только стремится пробудить братьев к духовной жизни и отвлечь от языческих верований. В воззвании «миссия в Карелии» он писал: «Прежде всего, нам следует рас-

пространять среди карел Священное Писание, свидетельствовать об Иисусе Христе и проповедовать Его Евангелие, не противодействуя, в то же время, никакой церкви, а просто служа спасению и блаженству душ через живое слово Божие»²². Однако у защитников православия этот деятель пользовался особой неприязнью. По словам В. А. Алексеева, это был «непримиримый фанатик и самый лютый ненавистник всего русского, личность энергичная, умная, смелая и поэтому крайне опасная»²³. «Финляндская газета» писала по поводу декларируемой финскими просветителями борьбы с невежеством: «Попутно с невежеством борьба здесь очень и очень часто ведётся и против проявлений русского влияния в православных карелах, причем эта борьба иногда носит довольно страстный характер. Борьба ведётся именно против всех тех явлений, которые сближают православного карела с русским и отличают его от финна. Финская народная школа деятельно работает в направлении искоренения русских слов из языка карел. Учителя финских школ, опираясь на общность корня, усердно и настойчиво внушают карелу, что финский язык и есть родной язык для карелов»²⁴.

Наряду с лютеранским влиянием, в православную Карелию начало также проникать влияние других протестантских течений. Свободно-церковное движение появилось в Финляндии в середине XIX в. под влиянием англо-американской и шведской церковной традиции. С 1850-х гг. начала действовать община баптистов, в 1880-х гг. появились методисты и Армия спасения (фин. Pelastusarmeija). В начале XX в. возникла община пятидесятников. Правовое положение новых общин было определено законом 1889 г., который разрешил образовывать легальные общины тем протестантским течениям, которые основывались на Библии и апостольском символе веры. С того же года лица, принадлежавшие к нелютеранским исповеданиям, получили право занимать должности на государственной службе. Вскоре после принятия закона 1889 г. была основана т. н. Свободная миссия – первая свободно-церковная община, возникшая на местной почве. Настоятель тайпальской церкви в 1906 г. сообщал, что его приход стали посещать «проповедники-сектанты: свободноцерковники, баптисты и чины армии спасения»; эти проповедники, по его мнению, были более опасны, чем лютеране²⁵. Между Евангелическо-лютеранской церковью Финляндии и свободными общинами отношения складывались не всегда гладко. Однако при ведении «просветительской» работы в Карелии между представителями различных протестантских течений наблюдались сотрудничество и координация действий в условиях наличия общего противника в лице православия и русского влияния.

Как и деятельность лютеранских проповедников, «просветительская» работа активистов свободно-церковных организаций не ограничивалась финляндской Карелией и простиралась также на другую сторону административной границы. В справке Министерства внутренних дел обращалось внимание на активную пропаганду, которой занимались представители методистской церкви. Руководителем методистских миссионеров назывался доктор Альберт Симонс, «называющий себя суперинтендантом методистской епископальной церкви в Финляндии и России, известный Министер-

ству по его неоднократным ходатайствам о разрешении свободного исповедания этого вероучения, до настоящего времени не легализованного, однако, в России»²⁶. По сообщению «Московских ведомостей», методистско-епископальная карельская миссия имела свою главную квартиру в Борго (Порвоо), которая была там основана в марте 1909 г. Этот отдел карельской миссии был ориентирован главным образом на российскую Карелию и имел свой печатный орган – журнал «Rauhan sanomat» («Мирные известия»), издававшийся в Таммерфорсе. Пропагандой среди финляндских карелов занимался комитет, учреждённый в Выборге в конце декабря 1906 г. с целью организации свободно-церковной карельской миссии; его председателем был проповедник М. Сааринен. При миссии содержались проповедники, комитетом был организован и специальный женский миссионерский союз. Кроме того, в Келломяки на Карельском перешейке было основано «Восточно-карельское евангелическое общество»²⁷.

Враждебные по отношению к православию настроения просматривались и в финляндском социалистическом движении, которое набирало силу в начале XX в., и для которого были характерны атеистические тенденции²⁸. Его влияние также стало ощущаться в финляндской Карелии. В очерке «Православная Карелия» об этом говорилось следующее: «В довершение всего финские социалистические органы все шире распространяют свою деятельность в Финляндии, проникают и в Карелию, ведут там настойчивую пропаганду среди карел, вызывают их на свои собрания и с отрытой наглостью высмеивают их религиозные и монархические чувства, их православно-русские симпатии. Удобный повод для восстановления населения против православного духовенства дают финнам-социалистам местные порядки по собиранию оброков на духовенство. Как и во всей Финляндии, оброки в пользу духовенства и в православной Карелии точно определены законом, и при неуплате в срок взыскиваются через посредство полиции. Оброки в пользу духовенства довольно значительны, и любовного отношения к уплате их, понятно, не найти. Социалисты-финны этим и пользуются для своей пропаганды среди карел, внушая им мысли о чрезмерности оброков в пользу “попов”, и о бесполезности якобы православного духовенства, и о праздной и сытой якобы жизни его за счет народного труда»²⁹. В отчёте по Финляндской епархии за 1907 г. отмечались успехи в пропаганде социализма в Салми, Питкяранта, Кителя и Соанлахти (часть прихода Суйстамо)³⁰. Тот же отчёт констатировал: «Религиозному индифферентизму способствует также распространившееся между безземельным населением социалистическое учение. При совершенно бесконтрольной свободе слова и собраний, социалистами теперь открыто проповедуется необходимость отделения церкви от государства, ненужность духовенства, церквей, таинств и т. д. до полного атеизма»³¹.

Таким образом, в середине – второй половине 1900-х гг. православие в Финляндии оказалось перед лицом новых угроз. При этом финско-протестантское влияние уже не ограничивалось православным населением собственно Финляндии и всё активнее проникало в российскую Карелию. От нового руководства, вставшего во главе Финляндской епархии в 1905 г.,

требовались значительные усилия для того, чтобы отстаивать русско-православное дело в Великом княжестве и оберегать свою паству от «инославного» и антирелигиозного воздействия. В создавшихся условиях крайне важно было координировать такие усилия с духовными и светскими властями соседних российских губерний – Олонецкой и Архангельской, в целях противостояния угрозам, общим для всех частей Карелии.

1. *Витухновская М. А.* Карельские приходы и «панфинская пропаганда» (1906–1914 гг.) // Православие в Карелии. Материалы 2-й международной научной конференции. Петрозаводск, 2003. С. 113.
2. Цит. по: *Витухновская М. А.* Карелы на границе конкурирующих национальных проектов: социо-экономические различия Российской и Финляндской Карелий как фактор национальной политики // *Ab Imperio*. 2003. № 1. С. 115.
3. *Sihvo H.* Karjalan kuva. Karelialismin taustaa ja vaiheita autonomian aikana. Joensuu Karelialismin taustaa ja vaiheita autonomian aikana. Joensuu, 1973. S. 10–12.
4. Православная Карелия. Очерк. Пг., 1914. С. 47–48.
5. Карельское дело // Прибавление к Церковным ведомостям. 1911. № 27. С. 1178.
6. Олонецкие епархиальные ведомости. 1907. № 15. С. 395.
7. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1276. Оп. 18. Д. 52. Л. 235, 239 об.; *Luntinen P.* Karjalaiset suomalaisuuden ja venäläisyyden rajalla // *Venäläiset Suomeassa*. 1809–1917. Helsinki, 1984. S. 133.
8. Новое время. 1910. 21 сентября.
9. *Витухновская М. А.* Российская Карелия и карелы в имперской политике России, 1905–1917. СПб., 1906. С. 117–125; *Hämynen T.* Suomalaisajat, venäläistäjät ja rajakarjalaiset. Kirkko- ja koulukysymys Raja-Karjalassa 1900–1923. Joensuu, 1995. S. 63–64.
10. Финляндская газета. 1911. 18 (31) января.
11. Финляндская газета. 1907. 23 ноября (6 декабря).
12. *Алексеев В. А.* Панфинско-лютеранский поход на православную Карелию. СПб., 1910. С. 15–16.
13. Там же. С. 16.
14. Панфинская пропаганда в Русской Карелии (Докладная записка иеромонаха Киприана) // Миссионерское обозрение. 1907. № 1–6. С. 385.
15. Архангельские епархиальные ведомости. 1907. № 3. С. 70.
16. Олонецкие епархиальные ведомости. 1907. № 13. С. 335.
17. Цит. по: Московские ведомости. 1910. 5 декабря.
18. *Алексеев В. А.* Панфинско-лютеранский поход на православную Карелию. С. 28.
19. Финляндская газета. 1911. 10 (23) июля.
20. *Алексеев В. А.* Панфинско-лютеранский поход на православную Карелию. С. 29.
21. Московские ведомости. 1909. 19 августа.
22. Цит. по: Миссионерское обозрение. 1907. № 1–6. С. 391.
23. *Алексеев В. А.* Панфинско-лютеранский поход на православную Карелию. С. 32.
24. Финляндская газета. 1905. 13 (26) августа.
25. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2185. Л. 31.
26. Там же. Ф. 821. Оп. 5. Д. 1040. Л. 113–114.
27. Там же. Л. 113; Олонецкие епархиальные ведомости. 1907. № 13. С. 334, 338; Миссионерское обозрение. 1907. № 1–6. С. 394–395.
28. *Lindström H.* Religion och politik. Studier i finländsk politisk idévärld och politisk miljö vid 1900-talets början. Åbo, 1973. S. 168–169.
29. Православная Карелия. С. 49.
30. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2248. Л. 23.
31. Там же. Л. 24–24 об.

Алексеев В. А. Панфинско-лютеранский поход на православную Карелию. СПб.: Гос. тип., 1910. 105 с.

Арзамасцева Е. Н. Нарастание противоречий между Российской империей и Великим княжеством Финляндским в освещении финляндской политической прессы (1907–1910) // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2017. № 17(1). С. 192–205.

Витухновская М. А. Карелы на границе конкурирующих национальных проектов: социо-экономические различия Российской и Финляндской Карелий как фактор национальной политики // *Ab Imperio*. 2003. № 1. С. 102–123.

Витухновская М. А. Российская Карелия и карелы в имперской политике России, 1905–1917. СПб.: Норма, 1906. 381 с.

Нетужилов К. Е. К проблеме распространения влияния Православной Церкви в Финляндии в конце XIX – начале XX вв. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2002. № 3. С. 215–218.

Нетужилов К. Е. Православные периодические издания в Великом княжестве Финляндском // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2004. № 5. С. 230–236.

Крупатова Ю. И. Православные приходы Выборгской губернии в составе Великого Княжества Финляндского // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2009. № 10. С. 381–392.

Мусаев В. И. Коневецкий монастырь – православный центр в финляндской Карелии // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2013. № 15. С. 335–346.

Мусаев В. И. Миграционные контакты между Петербургской и Выборгской губерниями (XIX начало XX века) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2006. № 7. С. 325–332.

Панфинская пропаганда в Русской Карелии (Докладная записка иеромонаха Киприана) // Миссионерское обозрение. 1907. № 1–6.

Православная Карелия. Очерк. Пг.: Гос. тип., 1914. 143 с.

Hämynen T. Suomalaistajat, venäläistäjät ja rajakarjalaiset. Kirkko- ja koulukysymys Raja-Karjalassa 1900–1923. Joensuu: Studia Carelica humanistica, 1995. 261 s.

Lindström H. Religion och politik. Studier i finländsk politisk idévärld och politisk miljö vid 1900-talets början. Åbo: Åbo Akademi, 1973. 328 s.

Luntinen P. Karjalaiset suomalaisuuden ja venäläisyyden rajalla // Venäläiset Suomessa. 1809–1917. Helsinki, 1984. S. 87–149.

Sihvo H. Karjalan kuva. Karelianismin taustaa ja vaihteita autonomian aikana. Joensuu: SKS, 1973. 470 s.

Судьба внуков И. Е. Репина Гая и Дия после 1917 г.

Конец 1917 г. стал переломным для многих европейских стран и трагическим для их жителей. Ушли в небытие Оттоманская, Австро-Венгерская, Российская и Германская империи. На карте мира появились новые независимые государства. Получило независимость и Великое княжество Финляндское, входившее до того в состав Российской империи. Декрет о признании независимости был подписан В. И. Лениным. На Карельском перешейке граница прошла по реке Сестре и практически сразу была закрыта как со стороны новой России, так и со стороны Финляндии. На перешейке оказалось много выдающихся русских людей – писателей, поэтов и художников. Одни из них имели там дачи или прочую недвижимость, а другие просто бежали от ужасов, последовавших после Октябрьской революции. Все они в одночасье превратились в эмигрантов. Петербургский профессор И. А. Доронченков при публикации писем Татьяны Ильиничны Репиной-Язевой отмечал, что «по оценке В. Ф. Зеелера¹, к началу 1920-х гг. в Финляндии скопилось до 15 тысяч русских беженцев, в том числе 11 тысяч в Выборгской губернии»².

По-новому складывались отношения, а они были достаточно сложными, между русскими эмигрантами и финнами. С одной стороны, в финском обществе произошел всплеск русофобии, а с другой – «превращение поданных Российской Империи – как писал историк А. В. Смолин – в эмигрантов, не знавших языка и культуры нового государства, да еще презрительно относящихся к чужнам, не могло пройти безболезненно»³. Финская сыскная полиция установила слежку практически за всеми русскими, которые на тот момент находились в стране.

Среди вынужденных эмигрантов оказался и всемирно известный русский живописец И. Е. Репин. Илья Ефимович жил в своем имении «Пенаты» в 6 километрах от границы в поселке Куоккала (Репино). Там же на территории отцовской усадьбы обитала и семья Юрия Ильича. В феврале 1909 г. Репин сообщил Д. И. Яворницкому⁴, что «сын, слава Богу, купил себе дом и живет в соседстве со мною – шагов 30 от меня, – работает, у него уже двое детей»⁵. Дом-студия Юрия располагался ближе к заливу. Он назвал его «Вигвам». Там, собственно, жили его жена Прасковья Андреевна Андреева (1883–1929) и сыновья: Гай, крещенный Георгием, родившийся в 1906 г., и крещенный Дмитрием – Дий, 1907 г. рождения. Дети воспитывались на книгах из жизни североамериканских индейцев, да и название дома Юрия Ильича было «говорящим». Вполне вероятно, что детские игры Гая и Дия и название их дома были навеяны рассказами хозяйки усадьбы Наталии Борисовны Нордман (1863–1914) о Северной Америке. Она в юности путешествовала по заокеанским землям.

Детские годы Гая и Дия прошли на глазах у деда. И вполне вероятно, что некоторые странности, относящиеся к детским годам внуков Ильи Ефимовича, сказались впоследствии на их судьбах. Мальчики постоянно играли в

парке «Пенатов» в индейцев. Это была их любимая игра, которая была отмечена близким другом и соседом Ильи Ефимовича Корнеем Ивановичем Чуковским (1882–1969). «Как и всякий великий труженик, Репин умел отдыхать. – писал Чуковский – ...Мне помнится один июльский день, когда, переходя из аллеи в аллею, вдоволь насладившись и белыми китайскими розами, и флоксами, и зарослями оранжевых лилий, постояв у тихого пруда, на берегу которого вечно играли в индейцев его насупленные внуки Гай и Дий, одетые, как девочки (с косичками!), он приблизился, наконец, к гордости своего сада, к колодцу, из глубины которого ночью и днем била ледяная вода»⁶. Родители считали, что братья с заплетенными косичками похожи на североамериканских индейцев, что, судя по реакции на детей гостей Ильи Ефимовича, явно не соответствовало действительности.

В начале 50-х гг. прошлого века Гай Юрьевич по настоянию отца написал краткие воспоминания о «Пенатах», которые хранятся в архиве Музея-усадьбы И. Е. Репина. «Мне в детстве, – писал Гай, – по желанию отца не стригли волос, хотя я и был мальчиком. Мама каждое утро расчесывала мне длинные по пояс волосы и заплетала их в косы с бантом, как у девочки. Я очень тяготился этим и часто просил остричь мне волосы, чтобы быть похожим на других мальчиков»⁷. Показательна фотография, сделанная в 1912 г. в парке «Пенатов» одним из лучших Петербургских фотографов К. К. Булла (1853–1929). На ней внуки Репина, оба с косичками, сидят на санках, в которые запряжена собака Юрия Ильича. Гай и Дий выглядят как маленькие девочки, а не «индейцы», что и подметил наблюдательный Корней Иванович, стоящий на заднем плане этой фотографии. Не совсем обычный вид внуков художника отмечали и другие гости репинской усадьбы. Так жена революционера-народовольца Н. А. Морозова (1854–1946) Ксения Алексеевна писала, что «иногда по средам бывал живший рядом с «Пенатами» сын Ильи Ефимовича, Юрий Репин, со своей ярко рыжей женой и двумя длинноволосыми мальчиками»⁸.

Необходимо отметить, что отношения между Ильей Ефимовичем и Юрием Ильичом были довольно натянутыми. Вследствие этого сын заглядывал к отцу не часто. Свидетелем этих семейных неурядиц был Василий Филиппович Леви⁹. В своих воспоминаниях он приводит слова Ильи Ефимовича: «Юра редко заходит. Вот внуки, те забегают»¹⁰. Ухудшение взаимоотношений произошло после женитьбы Юрия. Отец считал брак мезальянсом, так как Прасковья Андреева¹¹, ставшая женой Юрия, до венчания была прислугой у Репина.

К моменту революции внуки Репина приобрели вполне нормальный вид, если судить по описанию их внешнего облика, которое оставила дочь писателя Леонида Андреева Вера. Она одно время, после смерти отца в 1919 г., жила в «Пенатах». «Это были тихие, скромные юноши, – писала Вера Леонидовна, – и, кроме звучных имен, [они] ничем не напоминали древних патрициев времен расцвета Римской империи»¹². По каким-то своим соображениям она считала, что имена сыновей Юрия Репина Гай и Дий были древнеримские.

И. Е. Репин писал 29 июня (12 июля) 1921 г. своему другу адвокату А. Ф. Кони¹³: «А море ревело всю ночь, похолодало и дождик, дождик ... А утром внук мой Дий сказал, что еще шесть недель будет такая же скверная погода и не поспеют у нас ни помидоры, ни яблоки и будет голод, голод. А это потому, что на Самсона (третьего дня) был дождь: примета верная. Так у русских людей есть свой особый календарь, вернее барометр; и даже дети знают его»¹⁴.

Илья Ефимович постоянно беспокоился о том, как живут и чем занимаются сыновья Юрия Ильича. Как отмечал В. Ф. Леви: «Материальные заботы о детях и внуках, даже правнуках, всегда лежали на Репине, но он их нес в меру возможности легко и охотно»¹⁵. О тревогах за судьбы внуков свидетельствует его переписка с разными знакомыми и друзьями на протяжении многих лет. При том что жизнь Гая и Дия Репиных складывалась по-разному.

1 июля 1924 г. Репин, с гордостью за внуков, написал певице Аделаиде Львовне Шкилондзь¹⁶: «А мои внуки Гай и Дий выросли совсем большие, и Гай третьего дня отличился в Териокском спектакле (первую роль «Медведя» Чехова так сыграл, что заслужил всеобщее одобрение от директора до сторожа гимназии)»¹⁷.

Во второй половине 1924 г. Гай вместе с Верой Ильиничной отправился в Прагу. Поводом к поездке послужила продажа картины «Крестный ход в дубовом лесу»¹⁸. К этому времени Гай Юрьевич окончил русскую гимназию в Терийоки (Зеленогорск) и собирался поступить в какое-либо высшее учебное заведение в Чехословакии. Об этих планах Илья Ефимович написал художнику И. С. Остроухову¹⁹ 8 сентября 1924 г.: «Внук мой Гай, сын Юрия, поступит там в университет (он только что кончил гимназию в Териоках, в Праге он надеется получить стипендию)»²⁰.

По поводу того, куда поступал и где в конечном итоге учился Гай Репин в Праге, в доступных источниках имеются существенные расхождения. Сам Репин был убежден, что Гай, уехав из дома в 1924 г. вместе с Верой Ильиничной в Прагу, поступил и учился в Пражском Карловом Университете. Это убеждение Репина подтверждено в его переписке с разными людьми.

В следующем году, судя по письмам Ильи Ефимовича, казалось, что жизненные пути Гая и Дия определились. В письме от 26 апреля 1925 г. к Дмитрию Ивановичу Яворницкому также сквозит гордость И. Е. Репина за успехи внуков: «Гай поступил в Пражский университет (огромный детина), Дий едет юнгой в кругосветное путешествие»²¹. Здесь надо заметить, что сам Репин был человеком достаточно щуплым и маленького роста.

В то же время, из материалов, находящихся в отделе рукописей Третьяковской галереи, следует, что Гай в 1925 г. поступил в Пражский Политехнический институт, но оставил его, не закончив обучения²². Эти сведения противоречат утверждениям Ильи Ефимовича, которые находятся в его переписке, об учебе Гая в Пражском университете.

Советский художник Е. А. Кацман, который побывал в гостях у И. Е. Репина в 1926 г., в своих воспоминаниях, описывая обитателей «Пенатов», отметил, что «Юрий сам уже на пороге старости, ему 49 лет, у него два взрослых сына – моряки финского флота»²³. Но то, что сообщал Кацман, только ча-

стично соответствовало действительности. Моряком был только младший сын Юрия Ильича – Дий, да и то, плавал он на шведских судах, и к финскому флоту явно не имел никакого отношения.

Чувство гордости за старшего внука можно заметить и в письме к К. И. Чуковскому. «Гай учится на инженера, – писал Илья Ефимович в 1927 г. – Ему надо было овладеть чешским языком, и он овладел»²⁴.

О дальнейшей судьбе внуков Репин сообщал Елене Павловне Тархановой-Антакольской²⁵ 29 октября 1929 г. «У нас объявился – Дий, Юрин сын моряк, приплыл из Африки... Рассказов, рассказов... Я так рад за Юру; ведь он, бедный, был совсем одинок, после похорон Паши, своей жены, матери сыновей. Третьего дня они ездили в монастырь – Ментуля, где Паша похоронена. Теперь Дий живет с отцом. Другой сын Юрия – Гай – в Праге, в университете...»²⁶. Написав о монастыре, Репин, возможно, имел в виду ныне уничтоженный Линтуловский монастырь.

О своем одиночестве после смерти любимой жены в январе 1929 г. Юрий Ильич написал своему другу Алексею Ивановичу Фюку 15 марта 1929 г.: «Живу я один совершенно во всем доме с одной моей собакой, Нэро – его звать; топлю одну комнату, где и сплю и работаю. Столуюсь у папы, который кормит меня и Нэро. На сердце и душе у меня страшная тоска и могильный безотрадный ужас»²⁷. Так что возвращение Дия в родной дом, несомненно, скрасило одинокую жизнь отца и обрадовало деда, внеся в их жизнь некоторое разнообразие. Живя в «Пенатах», Дий особо ничем не занимался, если не считать охоты. «Юра с Дием, – писал Илья Ефимович 29 октября 1929 года Е. П. Тархановой-Антакольской, – ушли на охоту – могут притащить по зайцу»²⁸.

В отличие от младшего брата, Гай Юрьевич вернулся в Финляндию перед самой кончиной деда. Гай вспоминал: «В начале сентября 1930 г. отец писал мне в Прагу – состояние деда тяжелое. 20 сентября 1930 г. я приехал в «Пенаты». Дед обрадовался, потом был безразличен. 29 умер»²⁹.

Когда Илья Ефимовича не стало 29 сентября 1930 г., проводить его в последний путь собралась вся многочисленная семья Репина, в том числе его внуки Гай и Дий. Об этом свидетельствуют фотографии, на которых Юрий Ильич с сыновьями стоят у изголовья репинского гроба на Зимней веранде «Пенатов».

Необходимо отметить, что хотя Илья Ефимович старался, по мере возможности, отмечать успехи и достижения внуков, они, по-видимому, не давали для этого достаточных оснований, если судить по письмам Татьяны Ильиничны Репиной-Язевой, младшей дочери художника³⁰. Она смогла приехать с многочисленным семейством к отцу из СССР только в августе 1930 г., незадолго до его смерти.

Письма Татьяны Ильиничны к давней подруге Лидии Николаевне Карсвиной (1881–1961) во Францию являются ценнейшим историческим источником, дающим достаточно правдивую и объективную картину последних недель жизни Илья Ефимовича и времени сразу после его кончины. В них отражены сложные взаимоотношения, сложившиеся между всеми членами семьи великого живописца. Описаны склоки между детьми-наследника-

ми художника, которые начались еще при жизни Ильи Ефимовича. После знакомства с корреспонденцией Татьяны Ильиничны, уместно обратить внимание на некоторую обиду дочери Репина, высказанную ею после того как она познакомилась с опубликованным в СССР в 1948–1949 г. двухтомником «Репин». «Конечно, в «их» интересах, – писала Татьяна Ильинична 8 июня 1951 г. В. Ф. Зеелеру, – было зачеркнуть всю нашу семью так, – чтобы – «они» одни остались достойными наследниками Репина [имеются в виду редакторы издания Грабарь и Зильберштейн. – Ю. Б.]. Велено было создать наследников Репина – «выродками», вот и старались наскрести со всех углов мусор на наши головы, чтобы до настоящих наследников не докопаться было. Чтобы их и вовсе можно было «изъять из оборота»³¹. Конечно, можно согласиться с утверждениями Татьяны Ильиничны, что все материалы этого академического издания тенденциозны и очерняют семью Ильи Ефимовича. Но, как следует из её же переписки и других писем, которыми обменивались между собой члены семьи, и воспоминаний ближайшего окружения великого художника, дискредитировать их еще в большей степени, чем сделали они сами, весьма сложно.

Татьяна Ильинична весьма нелицеприятно отзывалась как о племянниках, так и о старшем брате. Юрий и его сыновья Гай и Дий доставляли ей немало волнений. 31 августа 1930 г. она написала подруге, ссылаясь, правда, на свидетельство Веры Ильиничны (1872–1948), которую она также не слишком жаловала: «Юра напился и, придя, кричал – “Все мое”»³². Из этого свидетельства видно, что еще при жизни Ильи Ефимовича между его детьми начались склоки по поводу дележа имущества.

В другом письме от 7 апреля 1931 г., уже после смерти отца, она сообщила подруге: «Юра – пьет и не способен охранять что-либо»³³. Речь шла о том, что когда в усадьбе никого нет, то её вполне могут ограбить, как это случилось со многими близлежащими домами, в частности с дачей К. И. Чуковского. Далее она продолжила рассказывать грустные семейные новости: «Юра на Пасху с забулдыгами пил одеколон, громадную склянку, и встретили его босиком с валенками под мышкой – идет по снегам. Говорит: “Промочил валенки”»³⁴. Комментировать отношение младшей сестры к старшему брату – излишне.

В своих письмах Татьяна Репина уделяет много места рассказам о жизни своих малолетних внуков, которые требовали постоянного внимания. Уход за ними был возложен на двух молодых девушек. «Прислуги две сестры Юля, Эмма (16 и 18 лет), – сообщила 9 мая 1931 г. Татьяна Ильинична подруге, – очень милые, главное любят детей и играют с ними, но Юрины жеребцы (Гай и Дий) не дают им прохода, особенно, когда выпьют!»³⁵.

Судя по письмам Татьяны Ильиничны, «любимые» племянники и их бабushка, по-видимому, доводили её до «белого каления» своими постоянными выходками. Она оставалась в «Пенатах» до того момента, когда вместе с семейством смогла уехать из Финляндии во Францию.

В апреле 1932 г. Вера Ильинична в письме к Д. И. Яворницкому достаточно подробно описала последние дни Ильи Ефимовича и последующие события. В частности она писала: «Всегда веселый и бодрый, папа оживлял

всех. И теперь так пусто и уныло без него! Сестра Татьяна Ильинична с большой семьей уехала во Францию³⁶. Между Тулузой и Бордо купила имение, около г. Анжер (занимают виноградники и пр.). Брат Юрий живет рядом с Пенатами в своей даче и занимается живописью. Сын его Гай в Праге, а другой, Дий, был матросом, теперь пока дома»³⁷. Это письмо в числе прочих приводит друг И. Е. Репина в своих воспоминаниях.

Гай Юрьевич, пробыв какое-то время после похорон деда в Финляндии, вернулся в Чехословакию. Он уехал продавать картины И. Е. Репина, которые в то время пользовались спросом в Чехословацкой республике, а заодно и продолжить обучение. Вероятно, это была вторая попытка Гая получить высшее образование. «Гай теперь в Праге, – писала подруге Лидии уже из Франции Татьяна Ильинична 11 мая 1932 г., – с картинами поехал учиться, но, конечно, учиться и не думает, все прокучивает»³⁸.

Из короткого замечания младшей дочери живописца становится более понятным трагикомичный эпизод из студенческой жизни Гая. О нём поведала несколько лет назад одна пожилая жительница Праги. Её сосед учился вместе с Гаем в институте и часто одалживал ему деньги, которые Гай своевременно не отдавал. В конце концов, соученику это надоело, и он попросил Гая вернуть долг. На что внук Репина ответил, что денег у него нет и отдавать долг нечем. На что раздосадованный кредитор сказал: «Ты ведь называешь себя художником, так возьми что-нибудь и нарисуй и мы будем в расчете». После чего кредитор запер его на несколько дней в своей квартире, сказав, что не выпустит его, пока Гай не напишет картину в счет долга. По мнению кредитора, если ты внук великого художника, то и сам должен обладать талантом живописца. Гай, сидя под замком, написал несколько картин, представлявших собой некие абстрактные деревенские пейзажи³⁹.

В итоге, достоверные сведения о том, закончил или нет Гай Юрьевич какой-либо институт в Праге, отсутствуют. Но интересен тот факт, что когда в 1939 г., после германской оккупации, Чехословацкая республика прекратила свое существование и превратилась в протекторат Богемии и Моравии, Гай через какое-то время стал членом «Профессионального союза русских художников Протектората», о чём свидетельствует его удостоверение за № 22 на трех языках – немецком, русском и чешском, с фотографией, выданное в Праге 16 августа 1944 г.

Можно задаться вопросом, чем в действительности занимался и чем зарабатывал на жизнь относительно молодой и вполне здоровый (если судить по фотографиям) человек, живший в Праге с 1939 по 1945 гг.?

Ответа на эти риторические вопросы на сегодняшний день нет, во всяком случае, в доступных источниках. Гаю Юрьевичу в 1939 г. было тридцать три года, и он регулярно получал в полицейско-президиуме столицы Протектората ежегодную отметку о месте проживания. Последняя запись в паспорте сделана в июне 1945 г., уже после освобождения Праги советскими войсками. Почему Гай не оказался как многие русские на «Восточном фронте», хотя бы в качестве переводчика⁴⁰. Этот вопрос также остается без ответа.

Как сложилась жизнь Гая Юрьевича Репина в первые послевоенные годы тоже не совсем ясно... Но, рассматривая период с 1945 по 1948 гг., следует

обратить внимание на то, о чем написал в своей статье «Новонайденный и утраченный Репин» известный советский коллекционер и исследователь жизни и творчества И. Е. Репина И. С. Зильберштейн. Он, рассказывая об огромном количестве появившихся на Европейском художественном рынке после Второй Мировой войны работ маститого живописца, отмечал, что «поразительно то количество фальшивок, которые наводнили Запад. Даже фотографии свидетельствуют с абсолютной несомненностью, что многие из тамошних вещей не подлинные, а псевдо репинские работы...»⁴¹. Исходя из изучения доступных ему материалов, Зильберштейн пришел к выводу, что большинство предлагаемых к продаже произведений Репина – фальшивки. При этом, он, ссылаясь на неназванные источники, утверждал, что к появлению подделок репинских работ в Европе причастен Гай Репин. «Чуть ли не в каждой пачке фотографий с репинских работ, присылаемых из-за границы, – писал Зильберштейн, – попадаются явные подделки. Так, среди фотографий с десяти пражских вещей – три оказались псевдо репинскими: портрет старика снабжен явно фальшивой подписью, этюд мальчика в картузе совершенно беспомощен, а портрет генерала с бакенбардами и с темным моноклом в правом глазу, тоже, конечно, никакого отношения к этюдам «Государственного Совета» не имеет, несмотря на все уверения владельцев. В недавние годы в Праге фабрикацией «произведений Репина» был занят внук великого художника – Гай Юрьевич; после того, как это было обнаружено, некоторые пражские коллекционеры научились узнавать его «почерк» и откровенно называют его имя»⁴².

Если предположить, что версия Зильберштейна верна, то в условиях послевоенной Европы обманутые покупатели вполне могли разобрататься со старшим внуком Репина весьма жестко. При этом можно вспомнить недавнюю историю России, когда в 90-е гг. XX в. многие коммерческие вопросы решались силовыми методами.

Сделав это допущение, становится очевидным, как и почему Гай полным инвалидом попал на лечение в Центральный госпиталь старинного города Ансбах в Германии. Небольшой городок в Баварии находился после Второй мировой войны в западной зоне оккупации. И как следует из переписки Гая с отцом Юрием Ильичом, который жил в Хельсинки, Гай в 1948 г. был человеком полуслепым, с трудом передвигающимся, и имел целый «букет» других серьёзных заболеваний, о чём свидетельствуют медицинские справки, хранящиеся в архиве «Пенатов».

Уже после смерти отца в 1954 г., английская газета «Дэйли Скетч» («Daily Sketch») от 12 сентября 1960 г. поместила на своих страницах небольшую заметку с фотографией Гая Юрьевича Репина, сидящего в инвалидном кресле-каталке. И, как следует из трогательной подписи под фотографией, «Очаровательная 18-ти летняя девушка-волонтер Сюзен Бёрд (Susan Bird) помогает жертве нацистских концлагерей слепому русскому Гаю Репину (Guy Repin) раскуривать трубку»⁴³. Подпись более чем странная, если вспомнить ежегодные печати в паспорте Гая Юрьевича с 1939 по 1945 гг. Непонятно, когда и как он стал узником, если спокойно жил в Праге, числясь русским художником, и регулярно отмечаясь в полицейско-президиуме столицы Про-

тектората до момента окончания войны и разгрома Германии? Также возникает вопрос, когда и как Гай Репин покинул Прагу, и как в конечном итоге попал в Баварию?

Совершенно фантастичным представляется утверждение Галины Ермошенко, которая, ссылаясь на западногерманского исследователя Инору Крайзман, сообщила, что Гай Юрьевич Репин бежал из Праги в Германию с войсками Русской освободительной армии (РОА), так называемыми «власовцами». Эти утверждения явно противоречат отметкам в паспорте Гая Репина.

Сам же Гай в своих «Воспоминаниях» скромно написал о последствиях для него Второй мировой войны: «Война... Нервные потрясения, переутомление, недоедание военного времени, настолько подорвали мое здоровье, что я принужден был лечь в больницу. К тому же я потерял зрение»⁴⁴.

Как следует из писем Юрия Репина к сыну, Юрий Ильич в течение продолжительного времени добивался переезда сына в Хельсинки, где, как он считал, сын получит более квалифицированную медицинскую помощь. Кроме того, находясь в одном городе, отец и сын могли бы постоянно встречаться. При этом Юрий Ильич обращался за содействием даже к президенту Финляндии. Но, несмотря на все хлопоты отца, Гай по каким-то своим соображениям не захотел переезжать в Финляндию. При этом надо отметить, что финские официальные власти были готовы обеспечить бесплатный переезд внука Репина в Финляндию, о чем и было сообщено Юрию Ильичу.

Последующие годы Гай, если судить по временному германскому удостоверению личности и западногерманскому паспорту, жил в Баварии в городе Регенсбург, где даже умудрился жениться на госпоже Кристине фон Громан, которая на протяжении многих лет ухаживала за ним. О его жизни и болезнях можно составить некоторое представление по письмам Юрия Ильича и медицинским справкам. К сожалению, исследованиям сейчас доступны только письма Ю. И. Репина к сыну, которые хранятся в архиве музея Репина в «Пенатах». Ответные письма Гая к отцу если и сохранились, то, вероятно, находятся в каком-либо архиве Финляндии, вполне возможно даже в полицейском, учитывая обстоятельства смерти Ю. И. Репина в 1954 г.⁴⁵ Гай Юрьевич Репин умер 12 октября 1974 г. в Западной Германии, так и не встретившись с отцом, которого пережил на 20 лет.

Судьба Дия Юрьевича Репина сложилась гораздо более трагично, если сравнить с тем, что выпало на долю его старшего брата. По разным источникам разбросано довольно много сведений о жизненном пути Дия Репина. Они не всегда совпадают. Наиболее правдивыми, вероятно, являются те данные, которые опубликовал П. Н. Базанов в своей монографии «Очерки истории русской эмиграции на Карельском перешейке (1917–1939)»⁴⁶. В исследовании основной упор сделан на материалы, хранящиеся в архиве Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Дело Дия Юрьевича Репина небольшое, всего 55 листов⁴⁷. Оно содержит достаточно подробные сведения о его жизни и о знакомых в Финляндии.

Дий Репин, окончив только пять классов русского Реального училища (по другим источникам четыре) в Терийоки, не мог устроиться на работу и многократно менял профессию, изучая парикмахерское, столярное и са-

пожное ремесло. Тем не менее, он знал в совершенстве шведский язык, хуже финский, и плохо немецкий. По вероисповеданию он, как ни странно, был католиком.

В 1925 г. Дий, получив «нансеновский паспорт»⁴⁸, завербовался юнгой на шведский парусный барк «Вания» («Vanja») и плывал на нем примерно 20 месяцев до лета 1927 г. Как упоминалось выше, И. Е. Репин 26 апреля 1925 г. сообщал Д. И. Яворницкому, что Дий «едет юнгой в кругосветное путешествие». А с 27 сентября того же года он уже матрос парусника «Киллоран» («Killoran»). На нем он плывал до 16 октября 1929 г. Как отметил П. Н. Базанов, Дий «по 1934 г. регулярно ходил на различных судах, став моряком. <...> Потом работал на шведских кораблях и учился на шоферских курсах в Выборге, затем совершил рейс в Бразилию, где работал на строительстве железной дороги между городами Сантос и Сан Пауло, потом опять плывал»⁴⁹. Периодически Дий возвращался в Куоккала. Но, живя в отцовском доме, он особо ничем не занимался, если не считать, как упоминалось выше, охоты.

В 1932 г. Дий подал официальное прошение на получение визы для въезда в СССР, но получил отказ. Вероятно, внук Репина рассчитывал, что его примут в стране Советов с «распростертыми объятиями». Он прекрасно помнил, как к Илье Ефимовичу приезжали визитеры из СССР, уговаривая его переехать в страну рабочих и крестьян. Но Дий не учитывал того, что Советскому Союзу в свое время был необходим И. Е. Репин, имя которого и его переезд, если бы он состоялся, можно было использовать в пропагандистских целях. А «морской бродяга» с сомнительной репутацией и без какого-либо серьезного образования вряд ли представлял какую-либо ценность для советского государства.

Следует отметить, что Юрий Ильич, подобно отцу, тоже беспокоился о своих детях. 26 января 1934 г. Юрий Репин написал в Париж письмо В. Ф. Зеелеру, в котором просил Владимира Феофиловича посодействовать сыновьям. «Я имею двоих сыновей, – прямых внуков моего родителя, – писал Юрий Ильич, – одному 28 лет и второму 27 лет. Оба рисуют и пишут, и имеют большие способности по заключению моего родителя и моему... нельзя ли их устроить в Академию Парижа... хотелось дать им возможность окончить художественное образование...»⁵⁰.

После смерти деда, Дий во время своих визитов домой связался с антисоветскими организациями. На территории Карельского перешейка их было множество. «В 1920-е годы в стране находилось свыше 20 белоэмигрантских организаций, обществ и их филиалов, – отмечал историк Э. П. Лайденен, – боровшихся с советской властью»⁵¹. Крупнейшими военно-политическими организациями русского зарубежья в то время были «Русский Общевоинский Союз» (РОВС) и «Братство Русской Правды» (БРП). Как указывал П. Н. Базанов: «В Братстве состоял Дий Юрьевич Репин, внук художника Ильи Репина, проживавший после революции в Куоккале. Куоккальское отделение БРП возглавляли бывшие офицеры Александр Башмаков и Константин Бренев. По показаниям Дия Репина, «Куоккальская группа БРП занимается распространением листовок БРП в приграничной полосе...»⁵². Позже он «дал подписку о работе на РОВС»⁵³.

Очередной раз, оставшись без работы в 1934 г., Дий вернулся в Куоккала. 23 февраля 1935 г. Дий Юрьевич неожиданно для всех ушел из дома. С этого момента ни родственники, ни знакомые о нем ничего не знали. Юрий Репин, как следует из его писем, до самой своей кончины считал Дия живым, полагая, что тот живет где-то в СССР на нелегальном положении. В письмах он постоянно писал, что просит Бога о ниспослании здоровья как Гаю, так и Дию. Так, в письме от 1 июля 1950 г. он сообщал Гаю, что его завещание на имя Гая и Дия, а также деньги в сумме 154030 финских марок и рисунки И. Е. Репина, находятся в Банке «Kansallis Osake Pankki» в Хельсинки⁵⁴.

Юрий Ильич, предполагая, что Дий отправился в Ленинград, несколько раз обращался к различным людям, живущим в СССР, чтобы выяснить, что случилось с Дием. Так, 28 апреля 1935 г. он написал В. Д. Бонч-Бруевичу, прося его узнать о судьбе сына⁵⁵. Еще одно письмо, но уже на имя И. В. Сталина от 12 ноября того же года, привела Т. П. Бородина в статье, посвященной надзору финской полиции за семьей Репина⁵⁶. Естественно, что никаких ответов Юрий Репин не получил.

Из следственного дела, находящегося в Архиве УФСБ, известно, что Дий Юрьевич Репин был задержан в 15.00 28 февраля 1935 г. при нелегальном переходе границы между современными поселками Ленинское и Репино на реке Сестре. П. Н. Базанов установил, изучая следственное дело, что Дий сразу после ареста 28 февраля дал показания о том, что нелегальный переход границы был связан с тем, что он хотел поступить учиться в Академию художеств в Ленинграде. Жить он собирался «у известного советского художника Исаака Израилевича Бродского⁵⁷, или у своего двоюродного брата Алексея Васильевича Репина (рабочий фарфоровой фабрики, жил в Красном Селе. – Ю.Б.), или же у скульптора Моисея Яковлевича Гинцбурга^{58,59}. На втором допросе 1 марта Дий изменил свои предыдущие показания, причем, как установил Базанов, без какого либо принуждения со стороны следователя. «Подпись не дрожит, пятен крови, воды, слез на листах нет», – отметил Базанов, ссылаясь на архивные документы⁶⁰.

«Согласно “Протоколу судебного заседания от 10 июня 1935 г.”, Д. Ю. Репин виновным себя не признал. В заключительной речи указал, что хотел перейти в СССР из-за тяжелых материальных условий и просоветских взглядов, при этом подтвердил контакты с БРП и РОВС, но от намерения организовать убийство И. В. Сталина и К. Е. Ворошилова решительно отказался»,⁶¹ – указал Базанов. В результате суда Дий был приговорен «военным трибуналом Ленинградского военного округа, – как отметила Т. П. Бородина, – по статьям 58-8 и 84 УК РСФСР к расстрелу»⁶². «Дий Юрьевич Репин был расстрелян 6 августа 1935 г. Похоронен в Койранкангасе, восточнее Токсово. В 1991 г. дело было прекращено в связи с отсутствием состава преступления и материальных доказательств»,⁶³ – написал П. Н. Базанов в своей монографии.

Результат авантюрного перехода советско-финской границы Дием Репиным вполне закономерен для 30-х гг. прошлого века в СССР. При изучении этой трагической истории создается стойкое впечатление, что работавшие на советскую контрразведку осведомители, а они наверняка существовали

в большом количестве в рядах антисоветских организаций в Финляндии, проинформировали контрразведку в Ленинграде как о самом предполагаемом незаконном пересечении границы Дием Репиным, так и о его в высшей степени странном задании устроить ликвидацию советских лидеров, при том без какого-либо технического обеспечения. При этом нужно заметить, что практически все антисоветские организации были связаны с финскими спецслужбами и, борясь за источники финансирования, конкурировали между собой.

По мнению П. Н. Базанова, Дий честно рассказал о своих связях с антисоветскими организациями на Карельском перешейке, рассчитывая на снисхождение со стороны следствия. Он считал, что ничего не совершил противозаконного, кроме нелегального пересечения советско-финляндской границы, поэтому, собственно, он ничем не угрожал советскому государству. Наивные размышления Дия привели к тому, что он был безжалостно расстрелян. Его мысли для сотрудников советской госбезопасности ничего не значили. Юрий Репин, как было указано выше, неоднократно обращался с вопросом по поводу судьбы сына, но советские власти хранили молчание.

Единственно, что вызывает удивление, так это то, что после заявления Дия на допросе 1 марта 1935 г. о его намерении жить в Ленинграде на квартире И. И. Бродского, И. Я. Гинцбурга или своего родственника, их не репрессировали, предъявив обвинение в связях с антисоветским подпольем в Финляндии.

Необходимо отметить, что современные либеральные исследователи, как российские, так и западноевропейские, описывая трагическую судьбу Дия Юрьевича Репина и считая его невинной жертвой «кровавого» советского режима, совершенно не учитывают реалий, существовавших в те годы в СССР. При этом абсолютно не учитывается как политическая обстановка, существовавшая в то время в СССР и в Финляндии, так и взаимоотношения между двумя странами.

В заключение уместно привести выдержку из воспоминаний В. Ф. Леви о внуках И. Е. Репина. Свидетель непростой жизни великого художника, Василий Филиппович достаточно трезво оценивал ситуацию, сложившуюся в семье Репина. Напряженные отношения между всеми членами семьи, естественно, сказывались и на самом Илье Ефимовиче, который постоянно переживал за своих детей и внуков. «Оставалась радость от внуков и надежды на них, – писал В. Ф. Леви, – но и они были иллюзорны, а вскоре сменились разочарованием и рядом неприятностей; внуки приносили мало чести дедовскому большому имени»⁶⁴.

1. Зеелер Владимир Феофанович (1874–1954). Литератор и художественный критик, коллекционер. После Революции 1917 г. жил в Париже. Член Российского земско-городского комитета помощи российским гражданам за границей (ЗЕМГОР). В 1935 г. усилиями Зеелера был образован «фонд Репина – Комитет по увековечиванию памяти И.Е. Репина», где он стал председателем.

2. Доронченков И. А. Семья И. Е. Репина в письмах Т. И. Репиной-Язевой // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1991 год. СПб., 1994. С. 254.

3. *Смолин А. В.* Формирование антифинляндских настроений среди русских беженцев в Финляндии в 1818–1920 гг. // Труды кафедры истории Нового и Новейшего времени. 2012. № 9. С. 81.
4. Яворницкий (Эварницкий) Дмитрий Иванович (1855–1940). Историк-археолог. Помогал Репину в сборе исторических материалов, касающихся казачества. Послужил натурой для фигуры писаря в картине «Запорожцы пишут письмо турецкому султану».
5. *Репин И. Е.* Письма к художникам и художественным деятелям. М., 1952. С. 189.
6. *Чуковский К. И.* Репин в «Чукоккале» // Репин. Художественное наследство. Т. 1. М.–Л., 1948. С. 273.
7. *Репин Г. Ю.* Пенаты // Предисловие. Архив Юрия Репина в Музее-усадьбе И. Е. Репина «Пенаты». Машинопись. С. 17.
8. *Морозова К. А.* В Пенатах с Николаем Александровичем Морозовым // Репин. Художественное наследство. С. 250.
9. Леви Василий Филиппович (1878–1953). Юрист, художник-любитель. В послереволюционные годы, став другом И. Е. Репина, помогал ему и Юрию Репину устраивать различные выставки-продажи картин в Финляндии и Европе.
10. *Леви В. Ф. И. Е.* Репин в годы Революции // Репин. Художественное наследство. С. 313.
11. Андреева (в замужестве Репина) Прасковья Алексеевна (в некоторых источниках Андреевна), умерла от туберкулеза в январе 1929 г.
12. *Андреева В. Л.* Эхо прошедшего. М., 1986. С. 101.
13. Кони Анатолий Федорович (1844–1927). Юрист, писатель и общественный деятель. С 1907 г. – член Государственного совета. После революции 1917 г. – профессор Петроградского университета.
14. *Репин И. Е.* Письма к художникам и художественным деятелям. С. 227.
15. *Леви В. Ф. И. Е.* Репин в годы Революции. С. 309.
16. Андреева-Шкилондз Аделаида Львовна (1882–1969). Певица и артистка оперной труппы Народного дома в Петрограде, а затем Шведской Королевской оперы в Стокгольме. Репин написал три портрета Шкилондз.
17. *Репин И. Е.* Письмо к А. Л. Шкилондз // Новое о Репине. Художник РСФСР. Л., 1969. С. 128.
18. Над картиной «Крестный ход в дубовом лесу» Репин работал с перерывами с 1877 г. Она была окончена только в 1924 г. В 1925 г. картина была куплена с выставки в Праге г-ном Маглич.
19. *Остроухов Илья Семенович* (1858–1929). Художник-пейзажист. Коллекционер и знаток искусства. Его собрание древнерусского искусства с 1918 г. получило название «Музей иконописи и живописи». Остроухов оставался пожизненным хранителем Музея. После его смерти все экспонаты Музея вошли в состав собрания Государственной Третьяковской галереи.
20. *Репин И. Е.* Избранные письма в двух томах 1867–1930. Т. 2. М., 1969. С. 360.
21. Там же. С. 406.
22. *Репин И. Е.* Письма к художникам и художественным деятелям. С. 378.
23. *Кацман Е. А.* Поездка к Репину в 1926 году // Репин. Художественное наследство. М.–Л., 1948. Т. 2. С. 314.
24. *Репин И. Е., Чуковский К. И.* Переписка. 1906–1929. М., 2006. С. 272.
25. *Тарханова-Антакольская Елена Павловна* (1868–1932). Племянница скульптора М. М. Антакольского. Жена физиолога И. Р. Тарханова.
26. *Репин И. Е.* Избранные письма в двух томах 1867–1930. С. 405.
27. Архив потомков Фюка. Репин Ю. И. Письмо к А. И. Фюку и его семье от 15.03.1929.
28. *Репин И. Е.* Избранные письма в двух томах 1867–1930. С. 406.
29. Фонды Музея-усадьбы И. Е. Репина «Пенаты». Архив Юрия Репина. *Репин Г. Ю.* Пенаты // Предисловие (машинопись). С. 1.
30. Репина Татьяна Ильинична, в замужестве Язева (1880–1957). После революции осталась жить в первом именовании И. Е. Репина «Здравнево» на берегу Западной Двины недалеко от Витебска. Опубликованные в 1994 г. 13 писем охватывают период от 31.08.1930 по 11.05.1932 гг., причем письма с № 10 по № 13 отправлены уже из Франции.
31. Колумбийского университета (США). Фонд В. Ф. Зеелера. Коробка 8. Репина-Язева Т. И. Письмо В. Ф. Зеелеру от 8.06.1951 г.
32. *Доронченкова И. А.* Семья И. Е. Репина в письмах Т. И. Репиной-Язевой. С. 269.
33. Там же. С. 279.
34. Там же. С. 280.
35. Там же. С. 286.
36. Семья Татьяны Ильиничны Репиной-Язевой покинула Финляндию, отплыв на корабле из Хельсинки в Антверпен 25.09.1931 г.
37. *Яворницкий Д. И.* Как создавалась картина «Запорожцы» // Репин. Художественное наследство. Т. 2. С. 105.
38. *Доронченкова И. А.* Семья И. Е. Репина в письмах Т. И. Репиной-Язевой. С. 308.
39. Эти картины XXI в. их хозяин предложил купить Музею-усадьбе И. Е. Репина «Пенаты». Но руководство музея на это не пошло, поскольку хозяин картин оценил их несоразмерно высоко. Кроме того, если судить по присланным фотографиям, работы никакой художественной ценности не представляют. Тем не менее, естественно, с исторической точки зрения картины имеют определенную ценность.
40. Выходцы из России очень часто служили в действующих частях германской армии переводчиками, или работали на оборонных предприятиях, которых на территории Протектората было великое множество.
41. *Зильберштейн И. С.* Новонайденный и утраченный Репин // Репин. Художественное наследство. Т. 1. С. 77.
42. Там же. С. 78.
43. Daily Sketch. 1960.12.09.
44. Фонды Музея-усадьбы И. Е. Репина «Пенаты». Архив Юрия Репина. *Репин Г. Ю.* Пенаты. // Предисловие (машинопись). С. 1.
45. Юрий Ильич Репин трагически погиб летом 1954 г., выпав из окна 5 этажа приюта Армии Спасения в Хельсинки. В нем он проживал после Второй мировой войны.
46. *Базанов П. Н.* Очерки истории русской эмиграции на Карельском перешейке (1917–1939). СПб., 2015.
47. Архив УФСБ. Д. П-79622 Д. Ю. Репин.
48. «Нансеновский паспорт» – удостоверение личности. Выдавался Лигой наций беженцам, не имевшим гражданства. Разработан в 1922 г. норвежцем Ф. Нансеном, комиссаром Лиги наций по делам беженцев.
49. *Базанов П. Н.* Очерки истории русской эмиграции на Карельском перешейке (1917–1939). С. 87.
50. Бахметьевский архив Колумбийского университета (США). Фонд Зеелера, коробка 8. Просьба Юрия Репина более чем странная, учитывая то, что Гай закончил обычную гимназию, а Дий всего 4 или 5 лет проучился в реальном училище, его не закончил и отправился плавать. Таким образом, ни один из братьев не имел никакого специального художественного образования. В детстве они рисовали, как все дети. Правда, Илье Ефимовичу нравились их рисунки, но это никак не могло способствовать их поступлению хоть в советскую Академию художеств, хоть во французскую.
51. *Барышников Н. И., Лайдинен Э. П.* Из истории советско-финляндских отношений. СПб., 2013. С. 346.
52. *Базанов П. Н., Соловьев М.* Ночью Сталину не спится, все веревка ему снится ... // Родина. № 8. 2007. С. 81.
53. *Базанов П. Н.* Очерки истории русской эмиграции на Карельском перешейке (1917–1939). С. 88.
54. Фонды Музея-усадьбы И. Е. Репина «Пенаты». Архив Юрия Репина. *Репин Ю. И.* Письмо к Гаю Репину от 01.07.1950 г.
55. *Шумихин С. В.* Побег внука гения. // Полит. Журнал. 2005. № 40 (91) – Режим доступа: <http://www.politjournal.ru/preview.php?> Дата обращения: 22.11.2018.
56. *Бородина Т. П.* Надзор сыскальной полиции Финляндии за И. Е. Репиными его семьей // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб, 2011. С. 43.
57. И. И. Бродский (1884–1939), один из любимых учеников И. Е. Репина, приехав к нему летом 1926 г. в составе делегации советских художников, пытался уговорить Илью Ефимовича переехать из Финляндии в Советский Союз. Кроме того, Бродский был товарищем отца Дия, Юрия Репина, с которым он учился в Академии художеств.
58. Имя известного российского, а в последствии советского скульптора, и его фамилия в книге Базанова указаны неверно – его звали Илья Яковлевич Гинцбург (1859–1939). Вероятно, это связано с тем, что Дий недостаточно хорошо знал скульптора.
59. *Базанов П. Н.* Очерки истории русской эмиграции на Карельском перешейке (1917–1939). С. 88.
60. Там же. С. 88.
61. Там же. С. 92.
62. *Бородина Т. П.* Надзор сыскальной полиции Финляндии за И. Е. Репиными его семьей. С. 44.
63. *Базанов П. Н.* Очерки истории русской эмиграции на Карельском перешейке (1917–1939). С. 92.
64. *Леви В. Ф. И. Е.* Репин в годы Революции. С. 309.

Литература

- Андреева В. Л. Эхо прошедшего. М.: Советский писатель, 1986. 325 с.
- Базанов П. Н. Очерки истории русской эмиграции на Карельском перешейке (1917–1939). СПб.: Издательство «Культурно-просветительское товарищество», 2015. 182 с.
- Базанов П., Соловьев М. Ночью Сталину не спится, все веревка ему снится... // Родина. 2007. № 8. С. 78–81.
- Барышников Н. И., Лайдинен Э. П. Из истории советско-финляндских отношений. СПб.: РХГА, 2013. 495 с.
- Бородин Т. П. Надзор сысской полиции Финляндии за И. Е. Репиными его семьей. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб.: РХГА, 2011. С. 33–45.
- Зильберштейн И. С. Новонайденный и утраченный Репин // Репин. Художественное наследство. Т. 1. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1948. С. 33–80.
- Кацман Е. А. Поездка к Репину в 1926 году. // Репин. Художественное наследство. Т. 2. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1949. С. 305–318.
- Леви В. Ф. И. Е. Репин в годы Революции // Репин. Художественное наследство. Т. 1. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1948. С. 309–316.
- Морозова К. А. В Пенах с Николаем Александровичем Морозовым // Репин. Художественное наследство. Т. 2. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1949. С. 247–256.
- Репин И. Е. Избранные письма в двух томах 1867–1930. Т. 2. М.: Искусство, 1969. 463 с.
- Репин И. Е. Письма к художникам и художественным деятелям. М.: Искусство, 1952. 408 с.
- Репин И. Е. Письмо к А. Л. Шкилондзь // Новое о Репине. Л.: Художник РСФСР, 1969. 435 с.
- Репин И. Е., Чуковский К. И. Переписка. 1906–1929. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 352 с.
- Смолин А. В. Формирование антифинляндских настроений среди русских беженцев в Финляндии в 1818–1920 гг. // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. СПб., 2012. № 9. С. 80–93.
- Чуковский К. И. Репин в «Чукоккале» // Репин. Художественное наследство. Т. 1. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1948. С. 273–292.
- Яворницкий Д. И. Как создавалась картина «Запорожцы» // Репин. Художественное наследство. Т. 2. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1949. С. 57–106.

А. Г. Мартынова

Выражение тоски о потерянном городе в ностальгических работах выборгских финских художников эвакко (1939–1944)

«Мои родители, и в особенности моя мать, никогда не оправились от шока. Выборгская эвакуация стала самой жестокой мерой наказания...»
Э. Аалто

До 1940 г. Выборг был вторым по величине городом Финляндии (свыше 70 тыс. жителей) и значительным художественным центром страны. После того, как финны покинули свой город, их живописные работы, представляющие обычно идиллические пейзажи¹, стали уже наполняться внутренними ностальгическими мотивами о прежнем родном городе (например, работы Йормы Холопайнена, Йормы Вормала и др.). В этом контексте можно даже предложить ввести в научный оборот новый искусствоведческий термин «ностальгический пейзаж», касающейся, прежде всего, финских художников и в первую очередь уроженцев Выборга, а также тех, кто учился в Выборгской рисовальной школе Общества любителей искусств², но вынужденно покинувших родной дом в связи с довоенной эвакуацией. Отметим, что некоторые финские исследователи характеризуют потерю Выборга как «сдачу города».

Исторические аспекты судеб финских переселенцев были освещены в работе профессора Г. И. Большаковой. Трагизм положения «финских карел», по мнению исследователя, заключался в том, что население Выборга и его окрестностей дважды вынужденно покидало свою родную землю. Жители этих мест уже в советское время имели иную культуру, язык и традиции и осваивал эти земли «по-своему». Переселяясь на новые места в своей стране или за рубежом, финские переселенцы чувствовали себя изгоями – их называли «эвакко» (от латинского слова перемещать, опустошать). При размещении переселенцев финские власти стремились к тому, чтобы выходцы из одного района селились поблизости друг от друга. Однако эвакуированным не всегда на местах расселения оказывался радушный прием. Так, некоторые смотрели на «эвакко» свысока, как на дешевую рабочую силу. Трагедия военной и послевоенной поры в том, что её переживает простой народ независимо от национальности, на долю которого выпадают такие страшные испытания как утрата семейного очага, вынужденное расставание с родными местами³.

Говоря о выборгском финском «ностальгическом пейзаже», следует обратиться к терминологии. *Ностальгия* в переводе с латинского – это тоска по родине, в бытовом значении – тоска по прошлому. Понятие менялось со временем. Впервые этот термин употребил швейцарский врач Иоганн Хофер в 1688 г. Долгое время ностальгия считалась болезнью. В своих исследованиях Хофер писал о швейцарских наемниках и студентах, учившихся вдали от дома. Болевшие люди шли на поправку именно после возвращения

в родные края. У наполеоновских солдат такое состояние было подобно эпидемии.

В XVIII в., во многом благодаря философским размышлениям Ж.-Ж. Руссо, понятие *ностальгия* начало трактоваться в ином смысле – в отношении городских жителей, скучавших по единению с природой. Философия, психология и социология заинтересовались ностальгией в первой пол. XX в. Морис Хальбвакс в 1920-е гг. выдвинул тезис о том, что воспоминания – это реконструкция прежнего опыта человека и они включают также субъективные оценки того, кто вспоминает. Парадокс ностальгии состоит в том, что люди могут тосковать по негативным отрезкам времени прошлого⁴.

В этом отношении можно согласиться с мнением Э. Йокипелто, супруги сына экспрессиониста Вайно Раутио – Матти, что послевоенные картины художника Вайно Раутио (Выборг, 9 мая 1894 г. – Лаппеенранта, 10 апреля 1974 г.), выполненные в темных живописных тонах и прерывистых штрихах в графике, вызывают шокирующие чувства и показывают взгляд человека, испытавшего потерю родного дома. Действительно, после краткого этапа эвакуации художник стал писать в исключительно мрачном, черном колорите. В послевоенный период В. Раутио жил в Лаппеенранта, где он возрождал художественную жизнь, а также основал общество Друзей искусств. Свою безграничную любовь к Выборгу в полной мере он так и не смог выразить⁵.

В. Раутио был одним из ярчайших представителей финского модернизма, учеником А. Гехбарда, Х. Симберга, Э. Ярнефельта, В. Блумстедта. Он учился в Санкт-Петербурге, в Германии, в парижской Академии Коларосси и Академии де ла Гранд Шомьер. На его творчество большое влияние оказали также финские художники Ю. Риссанен и Т. Саллинен. При этом показательно, что сам живописец стал выставляться достаточно рано, уже в 17 лет, и в том числе в родном Выборге⁶. Он написал более 300 портретов, в том числе известных деятелей финского искусства⁷. В столице Финляндии Хельсинки Раутио выставлялся с 1922 г., где, собственно, основал художественное объединение «Про Натура»⁸. Развитие художественного образа Выборга можно уже наблюдать в его работах с 1936 г. Так, его работа, написанная в это время, с изображением Нового кафедрального собора, является жемчужиной коллекции в Художественного музея Южной Карелии в Лаппеенранта. Она выполнена в дымке, в пастозной манере, а сама композиция статична, спокойна и созерцательна (илл. 1).

Однако, полотно В. Раутио «Уход из Выборга» 1940 г. (илл. 2) отличается уже ярким колорит, линейная композиция, динамичный ритм, создающий ощущения трагичности положения. Это, очевидно, уже был взгляд человека, переживающего потерю дома и любимого города.

Полотна «Выборгская Часовая башня» (1943) (илл. 3) и «Выборгская Круглая башня» (1944) тоже отличаются жесткой композицией, контуры линий дребезжат, цвета яркие, насыщенные⁹.

Работы художника 1960-х гг. представляют собой абстрактную, фигуративную живопись художника, который не смог смириться с потерей родного дома (илл. 4).

Илл. 1

Илл. 3.

Илл. 2

Илл. 4

Илл. 1. Вайно Раутио, работа с изображением Нового кафедрального собора Выборга. 1936 г. Холст, масло.

Художественный музей Южной Карелии, Лаппеенранта.
Lappeenranta museot.

Илл. 2. Вайно Раутио «Уход из Выборга», 1940 г. Холст, масло.

Художественный музей Южной Карелии, Лаппеенранта.
Lappeenranta museot.

Илл. 3. Вайно Раутио «Выборгская Часовая башня», 1943 г. Холст, масло.

Савитайпале.
(фотофиксация А. Г. Мартыновой, 9 сентября 2016 г.).

Илл. 4. Послевоенная работа Вайно Раутио, 1965 г.

Холст, масло. Местонахождение неизвестны.

Ценнейшим документом данного периода является книга посещений семьи Раутио в Выборге. Первая часть записей была сделана, когда семья Раутио жила на улице Пеллервонкату (ул. Мира), вторая – с 1941 г. и была сделана, когда семья уже проживала на Арвинкату (ул. Александра Невского). Книга открывается записью, сделанной 3 октября 1929 г., а заканчивается пометой от 12 марта 1944 г. Дальше уже было, вероятно, не до гостей. Причем весьма любопытной представляется запись от 25 февраля 1940 г. Она иллюстрируется рисунком фугасной бомбы с подписью «Война началась». Таким образом, тема войны глубоко вошла в сознание этих людей.

В целом, в книге посещений отметились известные представители творческой интеллигенции Финляндии того времени. Это художники Х. Отава, Т. Тиселл, Э. Лехикайнен, Л. Райама, художник и писатель В. Койо, музыкант В. Хаапалайнен и др.¹⁰ Интересно, что сын художника Матти тоже расписывался в этой книге, причем практически каждый год и с малых лет.

Кроме В. Раутио «карельский», «выборгский» дух проявлялся еще у художника Унто Пуса (Выборг, 18 января 1913 г. – Вааса, 8 ноября 1973 г.). Живописец был одним из тех, кто развил в Финляндии абстрактное искусство и для развития финского современного искусства сыграл ключевую роль¹¹. Тем не менее, он сам недолго проживал в Выборге. Этот город он покинул в раннем детстве, в возрасте 4-5 лет, когда его семья переехала в Турку. Но ностальгические мотивы в творчестве У. Пуса хорошо прочитываются уже с 1960-х гг. Особенно это ярко это заметно в картине «Таким был Выборг» (илл. 5). Эта многоуровневая работа явно выражает солидарность художника с чувствами людей, которые были вынуждены покинуть Выборг в 1940-е гг. Очевидно, что на сюжет полотна также оказал свое большое влияние военный опыт художника. Дело в том, очевидно, что сам разрушенный город остался навсегда в его памяти, когда он оказался в нем в 1941 г.

Фигуративная работа изображает одновременно множество различных событий. На работе художник выделяет значительные здания выборгской городской панорамы: Замок, Круглая башня, Часовая башня, здание архива, библиотеки вокзала, все четко узнаваемы. К краугольным моментам новейшей истории Выборга относятся эвакуация и военное опустошение города. Эти сюжеты присутствуют в нижней части полотна, где представлена безымянная людская масса «эвакко», а также человеческие тела, борющиеся в огненном пламени. Насыщенность цвета явно здесь выдаёт влияние на эту работу творчества знаменитого А. Э. Б. Матисса¹².

Серьезное влияние выборгских мотивов проявляется также в творчестве финского художника Ээли Аалто¹³. Этот живописец родился в Выборге в 1931 г. Изначально в его работах явно просматривается влияние финского матера Вильхо Хенрика Лампи, но далее Аалто получил уже прекрасное образование, обучаясь вначале в финской Академии изящных искусств, а также затем в парижской академии Андре Лота¹⁴.

Что же касается его воспоминаний о своем детстве в Выборге¹⁵, то, очевидно, они очень значительно повлияли на определенные сюжеты, которые Э. Аалто выбирал для своих художественных работ¹⁶. Это хорошо заметно особенно после того, как этот мастер побывал в Выборге в 1991 г. Он мог по-

сетить свои родные места, от облика которых уже мало что сохранилось, но вызвало, безусловно, прилив определенных эмоций, которые выразились в серии работ, подписанных в левом нижнем углу как «Путешествие в Выборг» (илл. 6–7). На них художник изображает себя на фоне архитектурных пейзажей.

Действительно, мастеру трудно было уже узнать те места, где прошло его действие. Дом семьи художника в районе Сотиласкату был разрушен еще во время «зимней войны», и теперь здесь появился целый микрорайон. Тем не менее, выборгские мотивы продолжали существовать в его творчестве. На некоторых работах художник изображает себя маленьким мальчиком, смотрящим на свой родной город. Так, например, на графическом листе Э. Аалто рисует легендарную выборгскую горку у скульптуры «Лось», с которой он катался еще маленьким мальчиком (илл. 8).

Другой, весьма примечательной в данном отношении, работой был впечатленный им вид на Выборг с восточной части города (илл. 9). Конкретно

Илл. 5. Унто Пуса «Таким был Выборг», 1971 г. Холст, масло.
Художественный музей
Южной Карелии, Лаппеенранта.
Lappeenranta museot

Илл. 6-7. Ээли Аалто.
Серия Путешествие
в Выборг, 2000 г.
Холст, масло.
Собственность художника

Илл. 8. Графический лист Ээли Аалто с изображением выборгской горки у «Лося», 2002 г. Атрибутивные признаки информации отсутствуют. Собственность художника

Илл. 9. Ээли Аалто, вид с Батарейной горы, 2000 г. Холст, масло. Собственность художника

по этому поводу художник в своем дневнике заметил: «Я стою на вершине Батарейной горы практически сразу после распада Советского Союза. Гора была местом, где я часто бегал в детстве. Там был красивый вид на город Выборг»¹⁷.

Далее, комментируя эту работу, художник также заметил: «Я видел, как маленький мальчик шел к больнице на Батарейной горе, словно я сам пятьдесят лет назад. Тот же старый, ржавый проволочный сетчатый забор, по которому мы лазали по пути в школу, все еще был там. Я был довольно хорошим "альпинистом". В меня словно вселилось какое-то сумасшествие. Словно притягиваемый магнитом я шел по опасным насыпям вдоль рвов, от которых меня всегда предостерегала мать... Вот каким ярким открылся мне Выборг, когда я вспоминал спустя полвека свое детство, стоя на Батарейной горе». Затем он еще приписал: «Тот парень слева – это я»¹⁸.

В целом, можно с несомненной уверенностью утверждать, что с уходом прежних финских жителей города, исчезла их обширная среда обитания, её материальный и духовный мир. В результате практически все работы выборгских финских «художников-эвакко» уже мифологизированы и пронизаны «духом места», а сами картины явно имеют символический смысл по отношению к родному городу.

1. Мартынова А. Г. Место выборгской темы в художественной жизни Финляндии // Сборник международной научно-практической конференции XX Юбилейных Царскосельских чтений (20–21 апреля 2016 г.). Т. I. СПб., 2016. С. 165–168.
2. Выборгская рисовальная школа существовала в городе с 1891 по 1939 гг.
3. См: *Большакова Г. И.* Карельский перешеек в 1940-е годы: миграционные процессы по обе стороны границы // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 84.
4. Википедия. «Ностальгия». – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9D%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%B3%D0%B8%D1%8F>. Дата обращения: 12.09.2018.
5. *Jokipeltö E.* Väinö Rautio Viipuri. Lappeenranta, 1994. S.128.
6. *Rautio M. J.* Väinö Rautio – Режим доступа: <http://artpaimensaari.com/matti.rautio> Дата обращения: 12.09.2018.
7. Справка о Вайно Раутио выборгского краеведа М. Н. Костоломова (1953–2016).
8. *Hokkanen P.* Viipuri Kuvataiteessa. Pro gradu-tutkielma. Juväskylän yliopiston taidehistorian laitos. 1986.
9. Мартынова А. Г. Выборгский «ностальгический пейзаж» финских художников Вайно Раутио, Унто Пуса и Еэли Аалто // Современные научные исследования и разработки. Международный научно-практический журнал. 2017. №3 (11). С. 156–180. – Режим доступа: http://olimpiks.ru/d/1340546/d/zhurnal_311.pdf Дата обращения: 20.09.2018.
10. Мартынова А. Г. Выборг в биографиях финских и русских художников XX – начала XXI века. СПб., 2017. С. 20
11. Там же.
12. См: *Hokkanen P.* Viipuri Kuvataiteessa.
13. Известная современная финская поп-певица Саара Аалто – внучка художника. В 2018 г. С. Аалто представляла Финляндию на популярном музыкальном конкурсе «Евровидение».
14. *Oulu.ouka.fi.* – Режим доступа: <http://oulu.ouka.fi/100kuvaa/index.html>. Дата обращения: 20.09.2018.
15. Детские воспоминания художника о городе нашли свое отражение в его видеофильме, показанном затем на финском телевидении.
16. Художник говорит, что стал беженцем с 8 лет: «Мои родители, и в особенности моя мать никогда не оправилась от шока. Выборгская эвакуация стала самой жестокой мерой наказания... Карелия – и Выборг, в частности, – это всегда актуальная тема.

Городской герб Выборга в контексте средневековой геральдики стран Северной Европы

Уроженцы Выборга, живущие в Финляндии, стареют, их осталось не так уж много, но они ценят образ этого места. Даже те, кто никогда не бывал в Выборге, молодые и старые, несут в себе картину города. Выборг – это лишь ментальная картина – миф? Однако Выборг является документальным свидетельством моих детских впечатлений. Вскоре после распада Советского Союза мой продюсер отправил меня в Выборг, чтобы понять, есть ли шанс создать документальный фильм о городе, в котором я родился. Я не посещал Выборг с военного времени. В моих воспоминаниях это был богатый, светлый и веселый город. Но это было холодное рандеву. Что не было разрушено войной, то разрушено в годы мира. Я провел несколько дней в Выборге на рубеже 1990–1991 гг., шагая по мокрому снегу, делая фотографии и записывая в свой дневник заметки... Выборг 31 декабря 1990 г. Я думал, что я никогда не захочу что-либо здесь делать, и тем более снимать фильм. Не думая ни о чем, я делал фотографии того, что меня волновало. Мои ноги были мокрые, а также моя одежда, шапка, перчатки, и даже камера. Я попытался купить пару резиновых сапог в обувном магазине, но там были только детские размеры. Да кому это нужно? – подумал я и продолжил фотосъемку...». Facebook. Личная страница художника Ээли Аалто – Режим доступа: <https://www.facebook.com/eliaalto> Дата обращения: 20.09.2018.

17. Ibidem.
18. Ibidem.

Литература

Большакова Г. И. Карельский перешеек в 1940-е годы: миграционные процессы по обе стороны границы // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. №84.

Мартынова А. Г. Место выборгской темы в художественной жизни Финляндии / А. Г. Мартынова // Царскосельские чтения. Т. I. СПб., 2016. С. 165–168.

Мартынова А. Г. Выборг в биографиях финских и русских художников XX – начала XXI века. СПб.: СатисЪ, 2017. 250 с.

Jokipeltto E. Väinö Raution Viipuri. Lappeenranta: Karjalan kirjapaino, 1994. 128 s.

Говоря об истории выборгского герба, необходимо учитывать, что речь идет об одном из старейших городских гербов в России, поскольку его первые изображения датируются первой пол. XV в. Средневековый герб Выборга дошел до наших дней с минимальными дополнениями и изменениями. Претендовать на старшинство, помимо выборгского, могут лишь несколько гербов муниципальных образований Калининградской области (часть бывш. Восточной Пруссии)¹.

Безусловную древность рассматриваемого символа обуславливает тот факт, что правила европейской геральдики утвердились в России лишь в XVIII в. Толчком к развитию символической дисциплины послужили преобразования Петра I, в первую очередь – создание регулярной армии и флота, которым требовалась военная символика. Наиболее старыми русскими городскими гербами можно назвать городские эмблемы, возникшие задолго до появления петровской символики. Так, на государственной печати Ивана IV, датируемой 1570-ми гг., помещены шестнадцать эмблем, которые впоследствии станут гербами старейших российских городов, таких как Новгород, Псков, Казань, Рязань, Ярославль, Тверь, Астрахань, Смоленск, Вятка и др. Однако в тот период упомянутые эмблемы ассоциировались не с городами, а с землями, составлявшими царский титул². Соответственно, в России нормы городской геральдики были установлены всего три столетия назад.

В 1403 г. Выборг получил от Эрика XIII Померанского грамоту о даровании ему городских прав, скрепленную печатью короля трех стран, входивших в Кальмарскую унию³. Получение городских прав означало утверждение института городского совета, который скреплял свои документы печатью магистрата. На печати изображалась городская символика. В Средние века особую роль в распространении гербов на невоенные круги общества сыграли именно печати. Печать выражала индивидуальность, заявляла о личности и содержала информацию о некоем юридическом лице. Две трети печатей, сохранившихся на средневековых документах, принадлежат к тому же иконографическому типу, что и гербы: т.е. геральдические элементы вписывались в поле печати⁴. Первые столетия герб Выборга встречался лишь в контексте юридического оформления документов, и только в эпоху Раннего Нового времени герб города вышел за поле городской печати и получил законченное геральдическое оформление.

Выдающийся финский исследователь геральдики К. Лаурла приводит следующее описание средневекового выборгского герба: «Литера W – первая буква в названии города – главный символ, а три короны взяты из герба Швеции. На государственном гербе короны расположены 2 + 1, но поскольку они находятся в верхней части поля, горизонтальное размещение кажется более естественным»⁵. Автор исследования «Гербы и флаги Карелии» А. М. Пашков относит литеру на выборгском гербе «к первой букве названия

города «Wiiborg»», т.е. к шведскому названию⁶. Украинский исследователь Д. А. Бойко дает следующее обобщающее толкование средневекового выборгского герба «...литера W – означала первую букву шведского названия города. Включение в печать этого элемента было традиционно для средневековой сфрагистики Финляндии... три короны символизировали принадлежность города Шведской Короне, а также указывали крепость, представляющую королевскую власть на востоке, и являющуюся важным пограничным центром»⁷. Стоит отметить, что все геральдические фигуры имели золотой цвет на лазоревом поле, хотя первое достоверное цветное изображение герба датируется лишь первой половиной XVIII в.⁸

Для того чтобы ответить на вопрос, насколько было распространено использование в городских гербах Северных стран литер из названия поселения, а также объяснить использование трех корон и их нетипичного расположения «в пояс», необходимо обратиться к практике использования аналогичных элементов в средневековой геральдике данного региона.

В коллективном труде по истории геральдики Ленинградской области дается следующее обоснование использования Выборгом литеры «W» в городском гербе: «Выборг играл совершенно особую роль, и это было отражено совершенно особым, необычным, идущим вразрез с общими правилами, гербом⁹. С точки зрения современной геральдики использование букв, цифр и надписей противоречит базовым ее правилам. Но, как справедливо заметил Д. А. Бойко, использование первой буквы из названия города типично для средневековой сфрагистики Финляндии. В академическом издании Р. Хаузена можно обнаружить аналогичные Выборгу печати городов Або (Турку), Борго (Порвоо), Улвсби (Улвила), Нодендаль (Наантали). Рассматривая средневековые печати с эмблемами финляндских городов (далеко не все из них вписаны в геральдический щит) можно заметить соответствие текста в обрамлении с помещенными в центре литерами или монограммами. Так, на печати Або помещена монограмма «A» «sigillum:civitatıs: aboensis» (лат. «печать города Або»), у Борго литеры «C» от «castrum» (лат. «замок»), Нодендаль имел на круглом поле литеры «vg», увенчанные короной, от латинского названия конвента Св. Биргитты «Monasterium vallis gratiæ» (лат. «Монастырь благодатной долины»), на печати Улвсби была помещена лишь литера «W» от латинского сокращения названия поселения «WLPS»¹⁰. Использование литер не является чем-то уникальным для средневековой геральдики Финляндии. Например в Швеции одним из старейших городских гербов обладает город Вестерос (1307 г.). На средневековой печати этого города помещена литера «A» – от латинского названия города Agos, однако исследователи видят в изображении зашифрованную аббревиатуру «AM» – от Ave Maria (лат. «Дева Мария»)»¹¹. Пограничный город Векше на оттиске городской печати 1493 г. имел литеру «W», стилистически идентичную символу Улвсби¹². Примеры использования литер можно обнаружить в шведской провинции Блекинге, входившей в состав Датского королевства до 1660 г., на гербах городов Аваскэр «A» (1584), Люко «L» (1584), Меделстад «M» (1552), Ronneby «R» (1542), Сельвесборг «S» (1535). На этих гербах литеры, как правило, увенчаны короной¹³.

В Северных странах использование литер на печатях городских советов схоже с традицией использования бюргерами иероглифических владельческих знаков *bomärke* (швед. «бумэрке») или *puumerkki* (финн. «пуумерки»), аналогичных русской «тамге». Период расцвета хождения бумэрке приходится на XIV–XVIII вв., хотя ранние примеры датируются эпохой викингов. Более того, в Скандинавии символика бумэрке, зачастую, представляла из себя комбинацию рун. В Северных странах в эпоху Высокого средневековья владельческие знаки помещались на печатях незнатных горожан, крестьян, городских корпораций и, зачастую, располагались в геральдическом щите¹⁴. Как правило, на крестьянских гербах изображались фигуры, которые не только указывали на географию тех мест, из которых происходил владелец эмблемы, но и сообщали о том, что он владеет какими-то постройками. Очевидно сходство таких фигур с клеймами, которыми метили скот¹⁵. Многочисленные примеры использования подобных печатей в средневековой Финляндии помещены в работе Р. Хаузена¹⁶.

Три короны на Выборгском гербе также оставили поле для толкований. Большинство исследователей едины во мнении, что три короны в выборгском гербе заимствованы из государственного герба Швеции – «тре крунур»¹⁷. Хотя в краеведческой литературе можно встретить мнение, что использование трех корон на городском гербе символизирует союз трех Северных стран – Кальмарской унии¹⁸. Вероятно, основанием для подобного толкования послужил тот факт, что Выборг получил городские права от персоны с титулом «короля трех стран» – Эрика XIII Померанского. Однако гербом унии служил личный герб короля, на котором помещались династические символы Дании, Швеции, Норвегии, Померании. Именно такой герб запечатлен на печати, скрепившей пергамент с городскими правами Выборга¹⁹.

В Швеции «тре крунур» в качестве королевского герба утвердился еще до 1397 г.²⁰ Согласно устоявшейся версии, герб с тремя коронами встречается на монетах периода правления Магнуса Эрикссона (1319–1364), но лишь при его преемнике Альбрехте Мекленбургском (1364–1389) этот символ стали помещать на королевскую печать, т.е. он стал государственным символом²¹. В 1980-х гг. в городе Авиньон в ходе реставрационных работ в доме кардинала Гийома Пьера Годена, занимаемого теперь доминиканским монастырем, при вскрытии перекрытия зала собраний был обнаружен средневековый потолок с частично сохранившимся фризом, украшенным гербами. Среди сохранившихся в южной части зала 23 щитов до наших дней дошли изображения трех золотых корон на голубом фоне. На основе сохранившегося комплекса гербов исследователи смогли датировать находку временем понтифика Бенедикта XII, не позже 1336 г.

Шведский король Магнус Эрикссон при рождении получил в наследство от матери кроме шведского престола еще и норвежский. В 1332 г. в результате междоусобной войны датские провинции Сконе, Блекинге и Халланд также оказались под властью Магнуса. Политические мотивы могли побудить короля сменить традиционный для средневековой Швеции герб со львом династии Фолькунгов на «три короны». После включения датских земель

в шведско-норвежскую монархию Магнус преследовал цель заменить национально-подчеркнутый герб шведского престола на символику, которая могла бы символически объединить поданных. Соответственно, три короны символизировали земли, включенные в титул монарха²². Изображение трех королей на фризе авиньонского дома датируются периодом включения новых земель в состав королевства, что подтверждает эту гипотезу.

Широту толкования символики трех королей обеспечивает распространенность этого символа в Средние века. Так, популярный персонаж средневековых легенд – Король Артур в иконографии того периода обладал собственным гербом: «на лазури три золотые короны»²³. Однако наиболее значимым и первостепенным смыслом в средневековой символике обладали религиозные мотивы. Три короны на шведском гербе скорее относятся к католическому культу трех мудрых царей Востока – трех волхвов, получивших в эпоху Раннего Средневековья имена Каспара, Мельхиора и Балтазара. В XII в. раку с мощами волхвов-царей поместили в часовне, на месте которой затем был возведен Кёльнский собор. Таким образом, символ царей на гербе Швеции, территориально близкой к паломническому центру католической монархии, кажется логичным. Также в шведский «тре крунур» мог быть вложен смысл общехристианского символа Святой Троицы²⁴.

Несомненно, три короны в гербе Выборга напоминали о принадлежности города к шведской Короне. Однако, зачастую возникает вопрос, почему в местном гербе короны помещены в пояс (горизонтально) – вопреки каноническому изображению государственного герба 2 + 1. Однако разгадка лежит на поверхности: как справедливо заметил К. Лаурла, поскольку короны лежат в верхней части поля щита, то «горизонтальное размещение кажется более естественным»²⁵. Например, на гербе провинции Блекинге, окончательно вошедшей в состав Швеции в 1660 г., три короны помещены вертикально, пророщенными через дуб²⁶.

В финской геральдической литературе устоялось мнение, что щит получил горизонтальное разделение в 1448 г.²⁷. Исследователь финляндской геральдики Д. А. Бойко заметил, что за линию деления предшественниками были приняты «горизонтальные черточки, которыми оканчивалась литера W»²⁸. Внимательное рассмотрение оттисков печати выборгского магистрата на пергаментах 1440–1480-х гг., которые хранятся в Национальном архиве Финляндии и Городском архиве Таллинна, позволяет согласиться с вышеупомянутым предположением²⁹. Линия разделения щита появляется на оттисках печати выборгского магистрата не ранее XVI в.³⁰. В XVII в. на изображениях городского герба (на печатях, гравюрах и пр.) на месте деления щита появляется золотой пояс. Не совсем понятным остается назначение деления щита на две части, а затем появление золотого пояса. Деление поля пополам подразумевает разделение цветов полей щита, в то время как на выборгском гербе до конца XVIII в. все золотые фигуры располагались на лазоревом (голубом) фоне³¹.

Рассмотрев средневековый герб Выборга в контексте средневековой геральдики Северных стран можно сделать следующие выводы: вплоть до эпохи Раннего Нового времени изображение выборгского герба встречает-

ся лишь на оттисках городской печати. Средневековый герб представлял из себя треугольный остроконечный (варяжский) щит, на лазоревом (голубом) поле которого размещена золотая (желтая) литера «W», над нею три короны в поясе. Сине-желтые цвета герба традиционны для шведской средневековой геральдики. Литера «W» – первая буква в латинском названии города «Wiburgensis». Использование первых литер и монограмм из названий городов характерно для геральдики Северных стран. Три короны из герба королевства символизировали принадлежность города шведской короне. Размещение этих фигур в пояс обусловлено композиционными требованиями. Средневековый символизм «тре крунур» связан с почитанием культа «трех кельнских царей» или «трех волхвов». Разделение щита на два поля и золотой пояс появились на выборгском гербе уже в эпоху Раннего Нового времени, равно как и ангелы-щитодержатели.

1. Геральдика Ленинградской области: Альбом. / Башкиров К. С., Калашников Г. В., Романова Н. М., Штейнбах С. Ю. СПб, 2017. С. 200.
2. *Соболева Н. А.* Российская городская и областная геральдика XVIII–XIX вв. М., 1981. С. 154–155.
3. Кальмарская уния – личная уния королевств Дании, Норвегии и Швеции под верховной властью датских королей (1397–1523).
4. *Пастуро М.* Геральдика. М., 2003. С. 21.
5. *Лаурла К.* История Выборгского герба // Страницы Выборгской истории. Т. II. СПб., 2004. С. 76.
6. *Пашков А. М.* Гербы и флаги Карелии. Петрозаводск, 1994. С. 34–35.
7. *Бойко Д. А.* Геральдика Великого Княжества Финляндского с приложением 1500 рисунков и 11 карт. Запорожье, 2013. С. 146.
8. *Татарников К. В.* Знамена и полковые гербы времен правления Екатерины I и Петра II (1725–1730) // История военного дела: исследования и источники. 2012. Т. I. С. 104.
9. Геральдика Ленинградской области. С. 201.
10. *Hausen R.* Finlands medeltidssigill: Les sceaux finlandais du moyen age. Helsingfors, 1900. S. 28, XIX.
11. *Rasmusson N. L.* Svenska stadsvapen med helgonbilder förr och nu: ett diskussionsinlägg // Fornvännen: Journal of Swedish Antiquarian Research. № 37 1942. S. 194–198.
12. *Ibid.* S. 200–202.
13. *Raneke J.* Skåne, Halland, Blekinge: landskapens vapenbilder // Historisk tidskrift för Skåne, Halland och Blekinge. № 4. 1998. S. 29.
14. *Tønnesen A.* Bomærker og runer // Heraldisk Tidsskrift. № 51 (23). 1985. S. 23–34.
15. *Пастуро М.* Геральдика. С. 45.
16. *Hausen R.* Finlands medeltidssigill. S. 29–32; XX–XXII.
17. *Лаурла К.* История Выборгского герба. С. 75; *Пашков А. М.* Гербы и флаги Карелии. С. 34–35; *Бойко Д. А.* Геральдика Великого Княжества Финляндского. С. 147.
18. Выборг – центр притяжения. Информационно-адресный справочник-путеводитель. Второе издание. Выборг, 2018. С. 5.
19. *Kansallisarkisto.* Pergamentti-kokoelma. Asiakirjat. Viipuri 1403–1403 (6).
20. В 1397 г. была образована Кальмарская уния.
21. *Nordisk familjebok.* Vol. 23. Retzius – Ryssland. Stockholm, 1916. S. 398.
22. *Loye de G.* Om ursprunget till det svenska riksvapnet Tre Kronor // Heraldisk tidskrift. № 6. 1986. S. 155–171.
23. *Пастуро М.* Геральдика. С. 89.
24. *Вилинбахов Г., Медведев М.* Геральдический альбом: Лист 3: Знамя, упавшее с небес [Дания]. Огонь вулканов и вода гейзеров [Исландия]. Три короны [Швеция]. Лев Святого Олафа [Норвегия]. Заносящий меч и попирающий саблю [Финляндия] // Вокруг света. 1990. № 6. С. 53–56; *Бойко Д. А.* Геральдика Великого Княжества Финляндского. С. 147.
25. *Лаурла К.* История Выборгского герба. С. 75.

**Монеты и медали Шверинского мюнцкабинета
как нумизматические источники
по истории Балтийского региона**

26. *Raneke J.* Skåne, Halland, Blekinge: landskapens. S. 28.
27. *Rancken A. W., Pirinen K.* Suomen vaakunat ja kaupunginsinetit. Porvoo; Helsinki: Werner Söderström Osakeyhtiö, 1949. S. 82; Лаурла К. История Выборгского герба. С. 75.
28. *Бойко Д. А.* Геральдика Великому Княжеству Финляндского. С. 147–148.
29. *Viipurin läänin historia: 2, Viipurin läänin synty / Kaukiainen Y., Korpela J., Nurmiainen J.* Jyväskylä, 2004. S. 256.
30. *Granfelt G. F.* Finlands städers vapenbok. Helsingfors, 1892. S. 39.
31. *Татарников К. В.* Знамена и полковые гербы времен правления Екатерины I и Петра II (1725–1730). С. 201–202.

Литература

- Антонов В. А.* Датская геральдика XII–XVII веков. М.: Наука, 2008. 560 с.
Бойко Д. А. Геральдика Великому Княжеству Финляндского с приложением 1500 рисунков и 11 карт. Запорожье, 2013. 356 с.
Вилинбахов Г., Медведев М. Геральдический альбом: Лист 3: Знамя, упавшее с небес [Дания]. Огонь вулканов и вода гейзеров [Исландия]. Три короны [Швеция]. Лев Святого Олафа [Норвегия]. Заносящий меч и попирающий саблю [Финляндия] // *Вокруг света*. 1990. № 6. С. 53–56.
Выборг – центр притяжения. Информационно-адресный справочник-путеводитель. Второе издание. Выборг: МБУ «Городской информационный центр», 2018. 112 с.
Геральдика Ленинградской области: Альбом. / Башкиров К.С., Калашников Г.В., Романова Н.М., Штейнбах С.Ю. СПб.: Историческая иллюстрация, 2017. 504 с.
Лаурла К. История Выборгского герба // Страницы Выборгской истории. Т. II. СПб.: Европейский Дом, 2004. С. 76.
Пастуро М. Геральдика. М.: Издательство АСТ, 2003. 144 с.
Пашков А. М. Гербы и флаги Карелии. Петрозаводск: КАРЭКО, 1994. 350 с.
Соболева Н. А. Российская городская и областная геральдика XVIII–XIX вв. М.: Наука, 1981. 263 с.
Татарников К. В. Знамена и полковые гербы времен правления Екатерины I и Петра II (1725–1730) [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. Т. I. 2012. С. 51–215.
Granfelt G. F. Finlands städers vapenbok. Helsingfors: Särtryck ur Historiallinen arkisto, 1892. 33 s.
Hausen R. Finlands medeltidssigill: Les sceaux finlandais du moyen age. Helsingfors: Statsarkivet, 1900. 42 s.
Laurila K. K. Viipurin vaakunat ennen ja nyt. Helsinki: Collegium Heraldicum Fennicum, 1996. 23 s.
Loye de G. Om ursprunget till det svenska riksvapnet Tre Kronor // *Heraldisk Tidsskrift*. № 6. 1986. S. 155–174.
Nordisk familjebok. Vol. 23. Retzius – Ryssland. Stockholm: Nordisk familjeboks tryckeri, 1916. 1514 s.
Rancken A. W., Pirinen K. Suomen vaakunat ja kaupunginsinetit. Porvoo; Helsinki: Werner Söderström Osakeyhtiö, 1949. 133 s.
Rasmusson N. L. Svenska stadsvapen med helgonbilder förr och nu: ett diskussionsinlägg // *Fornvännen: Journal of Swedish Antiquarian Research*. № 37. 1942. S. 194–205.
Raneke J. Skåne, Halland, Blekinge: landskapens vapenbilder // *Historisk Tidskrift för Skåne, Halland och Blekinge*. № 4. 1998. 44 s.
Tønnesen A. Bomærker og runer // *Heraldisk Tidsskrift*. № 51 (23). 1985. S. 23–34.
Viipurin läänin historia. Osa 2: Viipurin läänin synty. Jyväskylä: Gummerus, 2004. 363 s.

Шверинский мюнцкабинет является частью Государственного музея города Шверина, основанного в 1160 г. и являющегося в настоящее время столицей федеральной земли Мекленбург – Передняя Померания. Музей включает в себя комплекс зданий, в которых размещаются художественные и декоративно-прикладного характера экспозиции, а в фондах содержатся весьма разнообразные коллекции произведений искусства. Одновременно главное здание государственного музея – Шверинский замок, является еще местом, где проводят свои заседания депутаты местного парламента (ландтага) земли Мекленбург – Передняя Померания.

Действительно, Мекленбургские земли были когда-то важнейшей территорией Священной Римской империи германской нации. Они были связаны со всеми странами Балтийского региона, на их территориях в той или иной степени происходили важные исторические события в процессе развития этого региона. Всему этому остались не только многочисленные письменные свидетельства, но и вещественные источники, среди которых важное место занимают нумизматические коллекции. Главным образом это монеты Ростока, Висмара и других ганзейских городов.

В результате в Шверинском мюнцкабинете сейчас располагается весьма редкая коллекция монет, медалей, орденов. Причем эта коллекция считается одной из самых больших нумизматических собраний Германии. В ней содержится около 30 тысяч монет и медалей, хронологический охват – с X в. до наших дней¹. В Мюнцкабинет также есть очень богатая коллекция орденов, наградных знаков, а также мекленбургских почтовых марок и писем домарочного периода. Часть этих коллекций выставлена непосредственно в Шверинском замке, но основные экспонаты и фонды Мюнцкабинета находятся в особняке, построенном в 60-х гг. XIX в. для проживания в нём гофмаршала, барона Отто Хеннинга фон Штенглина (1802–1885). Любопытно, что это здание было передано Государственному музею Шверина лишь только в самом конце XX в., поскольку после окончания Второй мировой войны до 1994 г. в нём также располагалась комендатура Группы советских войск в Германии. После некоторой перестройки именно здесь расположились главные хранилища, мастерские и библиотека мюнцкабинета.

В результате, оценивая представленные в Шверине фонды, содержащие предметы денежного обращения, можно четко проследить, например, как функционировал Вендский монетный союз (Wendischer Münzverein). Как известно, он возник в 1379 г., когда ганзейские города на базе любекской серебряной марки (234 грамма) стали чеканить общую монету – виттен. Монетный союз, способствовавший развитию и укреплению экономических и политических связей на территории всей Северной Германии, просуществовал до 1569 г.

Среди музейных предметов Шверинского мюнцкабинета видное место занимают также талеры, большие красивые серебряные монеты, бывшие даже стандартом для европейских серебряных монет на протяжении 400 лет. На многочисленных экземплярах видно, как с 1566 г. имперский талер в Северной Германии делится на 32 шиллинга, в центральных землях Германии – на 24 грошена, а в Южной Германии – на 68 кройцеров².

Мекленбургские герцоги были участниками споров за *Dominium Maris Baltici*, но во многих событиях, в том числе и в Северной войне 1700–1721 гг.³ они выступали в роли младших партнёров. В целом, внешние политические задачи правители этих земель в XVII–XIX вв. стремились решать не на поле брани, а в матримониальной сфере, создавая и укрепляя династические связи.

Великолепным репрезентативным материалом для освещения этой стороны жизни небольших государственных образований Северной Германии являются памятные медали, выбитые в честь заключения тех или иных брачных союзов. Одна из таких медалей отчеканена в 1695 г., когда принцесса Луиза фон Мекленбург-Гюстров вышла замуж за датского принца, впоследствии короля Фридриха IV⁴. Монетные коллекции также хорошо иллюстрируют то, что Мекленбургский дом имел тесные контакты с царствующим домом Романовых. Этому есть значительное число свидетельств в виде нумизматических памятников, которые, безусловно, заслуживают отдельного освещения⁵.

Таким образом, мы можем с уверенностью утверждать, что нумизматическое собрание Шверинского мюнцкабинета является важным источником для освещения политических, военных, экономических и культурных аспектов истории Балтийского региона.

-
1. См: *Virk W. Mecklenburgische Münzen und Medaillen aus dem Münzkabinett des Staatlichen Museums Schwerin. Schwerin, 1988.*
 2. *Kahnt H. Das große Münzenlexikon von A bis Z. Regenstauf, 2005. S. 477.*
 3. В немецкой историографии её называют Великой Северной войной.
 4. *Kunzel M. Die Gnadenpfennige und Ereignismedaillen der regierenden Herzöge und Großherzöge von Mecklenburg 1537 bis 1918// Veröffentlichungen der Historischen Kommission für Mecklenburg, Reihe B: Schriften zur mecklenburgischen Geschichte, Kultur und Landeskunde 9. – Rostock: Schmidt-Römhild, 1995. S. 69. Nr. 22.*
 5. См: *Метелкин Е. Н., Фрид Т. Шверинский мюнцкабинет: нумизматические свидетельства династических связей между Мекленбургом и Россией // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. СПб., 2018 (2). С. 218–223.*

Литература

Балтийский регион в Новое и Новейшее время: история и региональная политика. Калининград: Изд-во Балтийский федеральный университет им. Канта, 2016. 322 с.

Ильина Т. Н. Награды императора Александра I в собрании Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи Санкт-Петербурга // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. СПб., 2018 (2). С. 224–233.

Метелкин Е. Н., Фрид Т. Шверинский мюнцкабинет: нумизматические свидетельства династических связей между Мекленбургом и Россией // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. СПб., 2018 (2). С. 218–223.

Kahnt H. Das große Münzenlexikon von A bis Z. Regenstauf: Gietl Verlag, 2005. 544 s.

North M. Geschichte Mecklenburg-Vorpommerns. München: Beck, 2008. 352 s.

Veröffentlichungen der Historischen Kommission für Mecklenburg, Reihe B: Schriften zur mecklenburgischen Geschichte, Kultur und Landeskunde 9. Rostock: Schmidt-Römhild, 1995. 154 s.

Virk W. Mecklenburgische Münzen und Medaillen aus dem Münzkabinett des Staatlichen Museums Schwerin. Schwerin: Staatliches Museum Schwerin, 1988. 182 s.

Балащенко Ю. Д. Судьба внуков И. Е. Репина Гая и Дия после 1917 года.

Дети Юрия Ильича Репина Гай 1906 и Дий 1907 годов рождения до 1917 г. жили в доме своего отца. Дом-студия, который получил название «Вигвам», находился на территории усадьбы И.Е. Репина «Пенаты» на Карельском перешейке в Финляндии. Жизнь внуков Репина после Октябрьской Революции сложилась по-разному. Гай, окончив в 1924 г. русскую Гимназию в Териоках (ныне Зеленогорск), отправился продолжать образование в Прагу. Дий же, отучившись только 5 лет в Реальном училище в Териоках, стал моряком. Плавал на шведских парусных судах. Затем вернулся в Финляндию. Пытался найти работу, перепробовав разные специальности – шофера, сапожника, парикмахера. В 1935 г. нелегально перешел советско-финскую границу, был арестован и приговорен 10 июня 1935 г. военным трибуналом Ленинградского военного округа к расстрелу. Что касается Гая, то получил ли он диплом о высшем образовании или нет, доподлинно не известно. В Праге он прожил до июня 1945 г., числясь русским художником. В конце 40-х гг. XX в. он оказался на лечении в Центральном госпитале города Ансбах в Баварии. Умер в 1974 г.

Balatsenko Jr. D. The fate of I. E. Repin's grandsons Gaj and Dij after 1917.

Until 1917, the sons of Yuri Ilyich Repin, Gaj (born 1906) and Dij (born 1907) lived in their father's home – a studio house named Wigwam that was located on the I. E. Repin's Penaty estate in the Karelian Isthmus in Finland. After the October Revolution, fates of Repin's grandsons went different ways. Having completed his studies at the Russian gymnasium in Terijoki (now Zelenogorsk) in 1924, Gaj went to Prague to continue his education. Dij, on his part, spent only 5 years at Realschule in Terijoki and became a sailor. For several years he worked on Swedish sailing ships and returned to Finland in 1929. In search for a job, he tried different occupations of a driver, shoemaker and a barber. In 1935, he illegally crossed the Soviet-Finnish border, was arrested, accused of terrorist intentions against the top leaders of the USSR, and on 10 June 1935 sentenced to death penalty by shooting by the Court-martial of the Leningrad Military Region. As for Gaj, it is not known for certain, whether he received a diploma of higher education, or not. Registered as a Russian artist, he lived in Prague till June 1945. In the late 1940's, he was treated in a hospital in Bavaria, being almost blind and disabled. He died in 1974.

Ключевые слова: История, Финляндия, Гай Репин, Дий Репин.

Keywords: History, Finland, Gay Repin, Diy Repin.

Барышников В. Н. Латышский большевик И. Т. Смилга и его роль в революции и гражданской войне в Финляндии.

О деятельности в Финляндии революционера И. Т. Смилга написано весьма мало. Однако его роль в Финляндии была весьма значительной. Он с сентября 1917 г. являлся председателем облизполкома армии, флота и рабочих Финляндии. Смилга активно участвовал в подготовке Октябрьского восстания в Петрограде и имел тесную связь с В. И. Лениным. В 1917–1918 гг. он также являлся одним из главных организаторов русского революционного движения в Финляндии. С 4 декабря (21 ноября) 1917 И. Т. Смилга являлся уполномоченным Советской России в Финляндии. Он в январе 1918 г. принимал участие в подготовке революции в этой стране. Однако для Смилга победа революции в Финляндии не являлась главной целью его политической деятельности.

Baryshnikov V. N. The Latvian Bolshevik Smilga I. T. and his role in the Revolution and the Civil War in Finland.

Very little has been written about revolutionary Smilga in Finland. However, his role in Finland was very significant. From September 1917 he was the Chairman of the Regional Committee of the Soviet of Army, Navy and Workers of Finland. Smilga actively participated in the organization of the October Revolution in Petrograd and he had a close relationship with V. I. Lenin. In 1917–1918, he was also one of the main organizers of the Russian revolutionary movement in Finland. From December 4 (November 21), 1917, I. T. Smilga was the Representative of Soviet Russia in Finland. In January 1918 he took part in the preparation of the Revolution in this country. However, for Smilga, the Victory of the Revolution in Finland was not the main task of his political activities.

Ключевые слова: история Финляндии, И. Т. Смилга, В. И. Ленин, Областной исполком армии, флота и рабочих Финляндии, революция 1918 г. в Финляндии, гражданская война в Финляндии.

Keywords: history of Finland, I. T. Smilga, V. I. Lenin, the Regional Committee of the Soviet of Army, Navy and Workers of Finland, Revolution of 1918 in Finland, Civil War in Finland.

Бочков Е. А. Особенности организации тылового обеспечения действующей Красной армии в советско-финляндской войне (1939–1940 гг.)

В статье освещаются особенности тылового обеспечения действующей Красной армии в период Советско-финляндской войны (1939–1940 гг.). Автор анализирует просчеты высшего военно-политического руководства Советского Союза в планировании военной операции против Финляндии, вскрывает недостатки в мобилизационной подготовке органов тыла РККА накануне войны. По мнению исследователя, отрицательное влияние на состояние материального снабжения войск Красной армии оказала непоследовательность в осуществлении мобилизационных мероприятий в СССР. С началом боевых действий промышленность и транспорт не были переведены на военный режим работы. Автор развенчивает миф о том, что личный состав РККА не был обеспечен теплым обмундированием и обувью. По мнению автора, большое количество обмороженных в соединениях и частях было обусловлено аномальными морозами и реальными условиями боевой обстановки. Многие соединения и части РККА оказались заблокированы финскими рейдовыми отрядами на лесных дорогах и отрезаны от своих тыловых подразделений.

Bochkov E. A. Features of the logistics organization of the Red Army troops during the Soviet Finnish War (1939–1940).

The article tells about the features of the logistics organization of the Red Army troops during the Soviet Finnish War (1939–1940). The author analyses miscalculations of the USSR top military-political echelon in planning of the military operation against Finland; exposes shortcomings in preparedness activity of the rear services in the eve of the war. On author's opinion inconsistency in realization of mobilization measures in the USSR exerted negative influence on the material and technical support of the Red Army. The industry and transport weren't transferred into the military regime with the beginning of combat operations. It was not true that the personnel of the workers and peasants' Red Army weren't ensured with warm uniform and footwear. The author believes that a large number of frost-bitten people in units were caused of abnormal frosts and real conditions of combat situation. Many units and divisions of the workers and peasants' Red Army were blocked on the forest roads by the Finnish raid troops and were separated from their rear subdivisions.

Ключевые слова: Советско-финляндская война, Красная армия, тыловое обеспечение армии, материально-техническое снабжение войск, боеприпасы, продовольствие, фураж, горячие и смазочные материалы, фронтная база снабжения, дивизионный обменный пункт, интендант, обмундирование, окружение.

Keywords: Soviet-Finnish war, Red army, rear supply of the Army, material and technical support of forces, ammunition, provision, forage, combustible and lubricating materials, front-line support base, divisional exchange office, commissary, outfit, encirclement.

Возгрин В. Е. Альма Сёдергельм, историк из Выборга – от апологии революции до участия в белом движении.

Героиня статьи – Альма Сёдергельм, историк Французской революции из финского Выборга. Она стала европейски известным учёным благодаря своим трудам, основанным на французских и шведских архивах. В них она выявила материалы, ранее никем не использованные. Это позволило ей открыть неизвестные факты из жизни Марии-Антуанетты, близкого ей шведского графа А. Ферсена и дипломата А. Барнаве. Кроме историописания, она проявила себя как талантливая романистка, открыв для шведов новый жанр психо-эротической прозы.

Vozgrin V. E. Alma Söderhjelm, a Historian from Vyborg – From the Apology of the Revolution to Participation in the White Movement.

The heroine of the article is Alma Söderhjelm, a historian of the French Revolution from Finnish Vyborg. She became a famous scientist in Europe thanks to her writings based on

the French and Swedish archives. She opened materials previously not used by anyone. This allowed her to discover unknown facts from the life of Marie-Antoinette, who was close to Swedish earl A. Fersen and diplomat Antoine Barnave. In addition to historiography, she showed herself as a talented novelist, opening a new genre of psycho-erotic prose for the Swedes.

Ключевые слова: Альма Сёдергельм, Мария-Антуанетта, Выборг, Финляндия, Швеция, Франция, революция.

Keywords: Alma Söderhjelm, Marie-Antoinette, Vyborg, Finland, Sweden, France, Revolution.

Козлов Д. Ю. «Шведский фактор» в планах применения Российского флота накануне Первой мировой войны (1907–1914).

В преддверии Первой мировой войны военно-морской потенциал Швеции и возможность её участия в будущей войне на стороне Германии являлись постоянными факторами, влиявшими на направленность и содержание стратегического и оперативного планирования в российском Морском министерстве. Не планируя наступательных действий на Балтийском морском театре, российское военно-политическое руководство и военно-морское командование агрессивных планов не строили и в отношении Швеции.

Kozlov D. Yu. «Swedish factor» in the operational plans of the Russian Baltic Fleet on the eve of the First World War (1907–1914).

On the eve of the First World War, the naval potential of Sweden and the possibility of its participation in a future war on the side of Germany were constant factors that influenced the direction of strategic and operational planning in the Russian Naval Ministry. Without planning offensive actions at the Baltic theater of naval operations, the Russian military-political leadership and the naval command did not build aggressive plans against Sweden.

Ключевые слова: Балтийский флот, Швеция, Первая мировая война, стратегические планы.

Keywords: Baltic Fleet, Sweden, World War I, strategic plans.

Корчагин О. В. Третьи пехотные финские командные курсы в Петрограде.

После окончания Гражданской войны в Финляндии Петроград стал одним из центров «красной» финской эмиграции. Статья посвящена истории создания и функционирования в этом городе Третьих пехотных финских командных курсов. Анализируются причины и предпосылки появления курсов. Рассмотрены внутренняя структура, учебная программа, преподавательский и курсантский состав, а также отличительные особенности деятельности данных курсов.

Korchagin O.V. The Third Finnish Officer Course of the Infantry in Petrograd.

After the end of the Civil War in Finland, Petrograd became one of the centers of the «red» Finnish emigration. The article is dedicated to the history of the creation and operation of the Third Finnish Officer Course of the Infantry in this city. The reasons and prerequisites for the formation of the courses are analyzed. The internal structure, curriculum, teaching and cadet staff, as well as the distinctive features of the activities of these courses are studied.

Ключевые слова: «красные финны», «красные офицеры», Финляндская коммунистическая партия, Третьи пехотные финские командные курсы, Интернациональная военная школа, П. И. Изместьев.

Keywords: «Red Finns», «Red officers», Finnish Communist Party, Third Finnish Officer Course of the Infantry, International War School, P. I. Izmestiev.

Лобанова Д. Р. Новый подход финских исследователей к изучению гражданской войны в Финляндии во второй половине XX века.

В статье проводится анализ финской историографии второй пол. XX в. С 1960-х гг. стало активно внедряться в финскую историографию более нейтральное определение по отношению к событиям, произошедшим в 1918 г. Стремясь к более объективной оценке и пониманию мотивов обеих враждующих в Финляндии сторон, а также в связи с утверждением дружественных отношений с СССР, исследователи начали использовать термин «гражданская война». В финском научном и общественном

мнении назревал своеобразный переворот, связанный с попыткой понять истинный ход событий и мотивы обеих враждующих в Финляндии сторон. На первый план выносятся проблемы террора, который имел место в гражданской войне как со стороны «красных», так и «белых». Ученых начинают интересовать точные данные о количестве погибших и раненых, поскольку сведения, преобладавшие ранее имели тенденцию к занижению. Немаловажную часть занимают исследования отношений между Финляндией и Германией. В обусловленный период был развенчан миф о благородной немецкой помощи в освобождении от русских угнетателей.

Lobanova D. R. The new approach of Finnish researchers to study the Civil War in Finland in the second half of XX century.

The article analyzes the Finnish historiography of the second half of the XX century. Since 1960s began actively introduce into Finnish historiography more neutral definition in relation to the events that took place in 1918. In an effort to more objectively assess and understand the motives of both sides hostile to Finland, and also in connection with the establishment of friendly relations with the USSR, researchers began to use the term «civil war». In Finnish scientific and public opinion, a peculiar revolution was brewing, connected with an attempt to understand the true course of events, and the motives of both sides hostile to Finland. The problems of terror that took place in the civil war, both from the «red» and «white», are brought to the fore. Scientists interested in accurate data on the number of dead and wounded, because the information that prevailed earlier tended to underestimate. An important part is occupied by the study of relations between Finland and Germany. During the stipulated period, the myth of noble German aid in the liberation from Russian oppressors was debunked.

Ключевые слова: Гражданская война в Финляндии, «освободительная» война в Финляндии, историография.

Keywords: Finnish Civil War, «liberation» war in Finland, historiography.

Мартынова А. Г. Выражение тоски о потерянном городе в ностальгических работах выборгских финских художников эвакко (1939–1944).

До 1940 г. Выборг – третий по величине город Финляндии, значительный художественный центр. После того как финны ушли из Выборга, их живописные и графические работы наполнены ностальгией о родном городе. В российском искусствоведении о творчестве трех финских художников, уроженцев Выборга – Вайно Раутио, Унто Пуса и Ээли Аалто, практически ничего неизвестно. Мастеров, вынужденных покинуть Выборг в 40-е гг. XX в., объединяют ностальгические пейзажные работы, выражающие чувства солидарности в защиту жителей Карельского перешейка. Анализ живописных работ художников позволяет автору предложить ввести в искусствоведение новый термин «ностальгический пейзаж». Работы выборгских финских художников-эвакко мифологизированы и пронизаны «духом места», картины символичны по отношению к родному городу.

Martynova A. Expression of longing about the lost city in the nostalgic works of Vyborg Finnish evakko artists (1939–1944).

Until 1940, Vyborg was the third largest city in Finland, a significant art center. After Finns left Vyborg, their paintings and graphic works are filled with nostalgia about their hometown. In Russian art criticism works of three Finnish artists born in Vyborg – Väinö Rautio, Unto Pusa and Eeli Aalto, are not known practically. These masters are united by nostalgic landscape works expressing feelings of solidarity in defense of the inhabitants of the Karelian Isthmus, who were forced to leave Vyborg in the 40s of the 20th century. The analysis of the paintings of these masters allows the author to propose to introduce a new term «nostalgic landscape» into art-criticism. Works of Vyborg Finnish evakko artists are mythologized and penetrated by the «spirit of the place», their pictures are symbolic regarding their native city.

Ключевые слова: эвакко, Вайно Раутио, Унто Пуса, Ээли Аалто, Выборг, ностальгический пейзаж, ностальгия, пейзаж, модернизм, кубизм, абстракционизм, живопись, финская живопись, финское искусство.

Keywords: evakko, Väinö Rautio, Unto Pusa, Eeli Aalto, Vyborg, Viipuri, nostalgic landscape, nostalgia, landscape, modernism, cubism, abstractionism, painting, Finnish art.

Мельнов А. В. Городской герб Выборга в контексте средневековой геральдики стран Северной Европы.

В статье автор предпринял попытку обобщить публикации, посвященные истории возникновения одного из старейших в России городских гербов. Символику средневекового герба Выборга предлагается рассмотреть в контексте геральдических традиций Северных стран. Настоящее исследование позволяет уточнить существующие толкования элементов герба.

Melnov A. Town's coat of arms of Vyborg in the context of medieval heraldry of the North countries.

In this article the author had attempt to generalize publications on history of one of the oldest coat of arms of city in Russia. The symbolics of medieval vyborgs coat of arms are researching at the context of medieval heraldry of the North countries. This is research can refine on a modern interpretation coat of arms of Vyborg.

Ключевые слова: геральдика, герб Выборга, городская геральдика, геральдика Северных стран, *tre kronur*.

Keywords: heraldry, coat of arms of Vyborg, civic heraldry, heraldry of Northern country, *tre kronor*.

Метелкин Е. Н. Монеты и медали шверинского мюнцкабинета как нумизматические источники по истории Балтийского региона.

Статья посвящена истории создания и составу коллекции Шверинского мюнцкабинета (Мекленбург – Передняя Померания, ФРГ). Мекленбургские земли были участниками многих исторических событий Балтийского региона, что нашло отражение в коллекции монет и памятных медалей Шверинского мюнцкабинета, которые, по мнению автора, можно использовать как источники по истории Балтийского региона.

Metelkin E. N. Coins and Medals of the Schwerin Münzcabinet as Numismatic Sources of History of the Baltic Region.

The article is devoted to history of creation and composition of the collection of the Schwerin Münzkabinet (Mecklenburg – Western Pomerania, Germany). The Mecklenburg lands were participants in many historical events of the Baltic region. This fact is reflected in the collection of coins and memorable medals of the Schwerin Münzcabinet. The author proposes to consider these artefacts as historical sources on the history of the Baltic region.

Ключевые слова: нумизматика, монеты, медали, вспомогательные исторические дисциплины, мюнцкабинет, Шверин.

Keywords: numismatics, coins, medals, auxiliary historical disciplines, Munzkabinet, Schwerin.

Мошник Ю. И. «Дайте нам короля». Дискуссия о форме правления в выборгской прессе 1918 г.

Дискуссия о форме правления в 1918 г. стала отражением серьезных политических разногласий в финляндском обществе послевоенного периода. Этот конфликт в значительной мере определил выбор внутри- и внешнеполитического курса страны и вызвал кризис партийной системы. В приграничном Выборге, с его влиятельными консервативными силами и развитым рабочим движением, дискуссия о форме правления приняла особенно острую форму. На страницах партийных газет и еженедельных журналов обсуждались вопросы, касающиеся готовности финского общества к демократии, обосновывались преимущества монархической формы правления. Поражение Германии в Первой мировой войне и последовавшее за ним отречение избранного короля, принца Фридриха Карла Гессенского, вызвало новую волну политических споров о будущем страны, не затихших даже после утверждения новой, республиканской, формы правления и избрания первого президента Финляндии летом 1919 г.

Moshnik J. I. «Give us a king». The discussion on the form of government in Vyborg press in 1918.

The discussion of the form of government in 1918 appeared serious political differences in the Finnish society of the postwar period. This conflict largely determined the direction of the domestic and foreign policy of the country and caused a crisis in the party system. In cross-border Vyborg, with its influential conservative forces and developed labor movement, the discussion about the form of government took on an especially acute form. The

issues of the Finnish society's readiness for democracy were discussed on the pages of party newspapers and weekly magazines, and the advantages of the monarchical form of government were substantiated. The defeat of Germany in the First World War and the subsequent abdication of the elected king, Prince Friedrich Karl, caused a new wave of political disputes about the future of the country, which did not subside even after the approval of the new republican form of government and the election of the first President of Finland in the summer of 1919.

Ключевые слова: Финляндия, форма правления, король Финляндии, монархия, республика, газета.

Keywords: Finland, form of government, Finland's king, monarchy, republic, newspaper.

Мусаев В. И. Финско-лютеранская экспансия в православной Карелии в начале XX в.

В статье речь идет о духовно-идеологическом противостоянии в финляндской Карелии в начале XX в. В связи с ростом национализма и сепаратизма в Финляндии финляндские патриотические круги, при поддержке лютеранских и свободно-церковных проповедников, начали вести активную миссионерскую деятельность среди православного населения Ладожской Карелии. Цель этой деятельности заключалась в том, чтобы вывести местных карелов из-под православного влияния, которое ассоциировалось с «русскостью». Это, как они считали, должно было способствовать их более тесной интеграции в состав финской нации. Благоприятные условия для деятельности финляндской патриотической общественности создавались благодаря либерализации религиозной и общественной жизни в России в 1905 г. Наглядными проявлениями финской экспансии были насаждение в Ладожской Карелии финских народных школ, деятельность Сердобольской учительской семинарии. Финско-лютеранский натиск на карелов представлялся тем более опасным, что вслед за финляндской, он начинал угрожать и российской – Олонецкой и Беломорской (Архангельской) – Карелии. Враждебные по отношению к православию настроения просматривались и в финляндском социалистическом движении, которое набирало силу в начале XX в. и для которого были характерны атеистические тенденции. Всё это вынуждало российские власти и структуры Православной церкви к принятию ответных мер для защиты православия.

Musaev V. I. Finnish-Lutheran Expansion in Orthodox Karelia in the Early 20th Century.

The article deals with spiritual and ideological opposition in Finnish Karelia in the early twentieth century. Finnish patriotic circles, in connection with general growth of nationalism and separatism in the country, launched active missionary activity among the Orthodox residents of Ladoga Karelia. They were assisted by the Lutheran and free-church preachers. These activities were aimed at dissociating the local Karelians from the Orthodox church, which was connected with Russian influence. The final goal was closer integration of the Karelians into the Finnish nation. Favorable conditions for activities of the Finnish patriotic public circles were created by liberalization of the social and religious life in the Empire from 1905 on. This Finnish expansion manifested itself quite vividly in imposing Finnish folk schools in Ladoga Karelia, as well as in activities of the teachers' seminary in Serdobol (Sortavala). This Finnish-Lutheran onset upon the Karelians seemed the more dangerous since it began to threaten not only the Finnish Karelian regions, but also Russian – Olonets (Aunus) and Archangel (Viena) Karelia. Hostile attitudes towards Orthodoxy displayed themselves also within the Finnish socialist movement, with its atheistic trends. All that urged the Russian authorities and the institutions of the Orthodox Church to retaliate in order to defend Orthodoxy in both parts of Karelia.

Ключевые слова: Финляндия, Карелия, православие, лютеранство, национализм.

Keywords: Finland, Karelia, Orthodoxy, Lutheranism, Nationalism.

Наземцева Е. Н. Российская военная эмиграция в Финляндии в советско-финляндских отношениях 1920-х гг. (по документам Архива внешней политики Российской Федерации).

В статье на основе документов НКВД СССР рассмотрено влияние деятельности русской, преимущественно военной, эмиграции на советско-финляндские отношения

1920-х гг. Особое внимание уделено последствиям операции советских спецслужб «Трест». Охарактеризованы переговоры советских и финских дипломатов о высылке русских эмигрантов из Финляндии, противоречия между представителями двух стран, цели и задачи, решаемые в ходе переговоров. Показано отношение руководства Финляндии к русской послереволюционной эмиграции, а также стремление избежать осложнений в отношениях с СССР. На основе документов Архива внешней политики Российской Федерации продемонстрированы особенности стратегии советских дипломатов 1920-х гг. в решении внешнеполитических задач. Выявлено значительное влияние эмигрантского фактора на отношение СССР и Финляндии 1920-х гг. Проанализированные в статье документы свидетельствуют об однозначно жёсткой позиции советского руководства в отношении деятельности русской эмиграции в Финляндии. Советские власти требовали от финляндских коллег не только её расследования и пресечения, но и подтверждения этого на официальном уровне. Это имело большое значение, так как подтверждало заявления руководства Финляндии о его дружественном отношении к СССР и свидетельствовало об укреплении положения СССР на международной арене. Кроме того, за счет эмигрантского вопроса советское руководство стремилось достичь собственных целей на северо-западном направлении своей внешней политики. Руководство Финляндии стремилось показать свою независимость во внешнеполитических и внутриполитических вопросах, что было особенно важно на этапе становления независимого государства, но не могло допустить серьёзных репрессивных мер в отношении русских эмигрантов, опасаясь негативной реакции международного сообщества.

Nazemtseva E. N. Russian military emigrants in Finland in the Soviet-Finnish relations 1920s (on documents of the Archive of the Russian Federation's Foreign Policy).

In the article, based on the documents of the People's Commissariat of Foreign Affairs of the USSR, the influence of the activities of the Russian, mainly military, emigration on the Soviet-Finnish relations of the 1920s is considered. Particular attention is paid to the consequences of the Soviet special services' operation «Trust». The author described the talks the Soviet and Finnish diplomats on the expulsion of Russian immigrants from Finland, the contradictions between the two countries, the goals and objectives of negotiations. Shows the attitude of the leadership of Finland to the Russian post-revolutionary emigration, as well as its desire to avoid complications in relations with the USSR. Based on the documents of the Archive of the Russian Federation's Foreign Policy, the features of the strategy of Soviet diplomats of the 1920s in solving foreign policy tasks are demonstrated. The documents testify to the tough position of the Soviet leadership regarding the activities of the Russian emigration in Finland. The Soviet authorities demanded from the Finnish colleagues not only its investigation and suppression, but also confirmation of this at the official level. This was of great importance, since it confirmed the statements of the leadership of Finland about its friendly attitude towards the USSR and testified to the strengthening of the position of the USSR in the international arena. In addition, at the expense of the emigrant issue, the Soviet leadership sought to achieve its own goals in the northwestern direction of its foreign policy. The Finnish government sought to show its independence in foreign policy and domestic issues, which was especially important at the stage of formation of an independent state. However, Finland could not allow serious repressions against Russian emigrants for fear of a negative reaction from the international community.

Ключевые слова: русская военная эмиграция, Финляндия, СССР, советско-финляндские отношения, дипломатия.

Keywords: Russian military emigration, Finland, USSR, Soviet-Finnish relations, diplomacy.

Николаев Н. И. Советско-финляндские переговоры в Раяйоки в 1920 г. на страницах газет «Правда» и «Известия».

Встреча советской и финляндской делегаций в местечке Раяйоки, проходившая с 12 по 24 апреля 1920 г., стала первой попыткой урегулирования отношений между двумя странами с августа 1918 г. Несмотря на то, что апрельские переговоры о перемирии окончились безрезультатно, они стали толчком к организации мирной конференции в Тарту, которая открылась уже 12 июня 1920 г. Именно в Раяйоках были озвучены те позиции сторон, которые станут впоследствии основой на переговорах в Эстонии.

Обращение к официальной и партийной печати РСФСР, которая освещала переговоры о перемирии, является очень важным с точки зрения определения официальной позиции по отношению к происходящим событиям. Сравнение с архивными источниками позволяет определить, какие вопросы, которых касались делегации на переговорах, были сознательно опущены. Это также показывает, какие проблемы советско-финляндских отношений являлись наиболее болезненными для высшего руководства на тот период.

Nikolaev N. I. Soviet-Finnish negotiations in Rajajoki (April 1920) in the pages of «Izvestia» and «Pravda».

Meeting between Soviet and Finnish delegations in Rajajoki (12–24 April 1920) was a first attempt of regulation relationship between two nations since August 1918. Despite the fact that the meeting did not lead to results, the negotiations were the impetus for the organization peace conference in Tartu that opened 12 June. It was in Rajajoki that the positions of the parties were voiced that would become the basis for negotiations in Estonia. Appeal to the official and party press of the RSFSR, which covered the negotiations for a truce, is very important in terms of determining the official position in relation to the events taking place in Rajajoki. A comparison with archival sources allows us to determine which issues that the delegation in the negotiations had concerned were deliberately omitted. It also shows which problems of the Soviet-Finnish relations were the most painful for the top leadership of the RSFSR at that time.

Ключевые слова: советско-финляндские отношения, пресса как исторический источник, переговоры о перемирии в Раяйоках.

Keywords: Soviet-Finnish relations, the press as a historical source, peace talks in Rajajoki.

Партала М. А. Г. А. Кьяндский – офицер Финляндского радиотелеграфного дивизиона: портрет «в интерьере эпохи». (По материалам из фондов Мемориального музея А. С. Попова).

Статья посвящена военным страницам в биографии профессора Ленинградского Электротехнического института Г. А. Кьяндского. Уточнены детали и обстоятельства его поступления на военную службу в период Первой мировой войны, а также его службы в Красной Армии. Приведены дополнительные данные для атрибуции его фотографических портретов в военной форме (1916–1917). Используются новые документальные источники из фондов Мемориального музея А. С. Попова.

Partala M. A. G. A. Kyandsky, an officer of Finland Wireless Telegraphy Division: a portrait «against the background of the epoch». (Adapted from documents provided by the Memorial Museum of A. S. Popov).

The article dwells upon the military «pages» of the biography of G. A. Kyandsky, a professor of Leningrad Electrotechnical Institute. We have ascertained details and circumstances of the military service he enlisted in during the First World War, as well as his service in the Red Army. We have provided the additional data in order to attribute the photographic portraits of him in the military uniform (1916–1917). We have referred to new documentary sources provided by the Memorial Museum of A. S. Popov.

Ключевые слова: Г. А. Кьяндский, Петроградский Политехнический институт, Электротехнический институт, Первая мировая война, Финляндский радиотелеграфный дивизион, Мемориальный музей А. С. Попова.

Keywords: G. A. Kyandsky, Petrograd Polytechnic Institute, Electrotechnical Institute, the First World War, Finland Wireless Telegraphy Division, the Memorial Museum of A. S. Popov.

Петров П. В. Создание военно-морских баз и береговой обороны Краснознаменного Балтийского флота в Выборгском заливе и Бьёркском архипелаге весной 1940 – весной 1941 годов.

Строительство советской береговой обороны на территории Выборгского залива и Бьёркского архипелага после советско-финляндской войны долгие годы было малоизученной темой. Внимание исследователей привлекало в большей степени аналогичное береговое строительство в Прибалтике, где строились тяжелые береговые батареи крупного калибра. Береговая оборона в Выборгском заливе и в районе Бьёрке носила более скромный характер, но её судьба оказалась очень схожей в 1941 г. Несмотря на то, что к началу Великой Отечественной войны большинство береговых

батарей Выборгского укрепленного сектора были успешно построены, их гарнизонам не удалось в полной мере проявить себя в летне-осенних боях начала войны. Из-за общей тяжелой ситуации, сложившейся на Карельском перешейке в августе 1941 г. и окружения советских войск под Выборгом, советскому командованию пришлось спешно эвакуировать все гарнизоны береговых батарей и отправить их морем в Кронштадт. В итоге, советские береговые батареи, построенные перед войной, не смогли нанести противнику серьезного боевого урона.

Petrov P. V. Creation of naval bases and coastal defenses of the Red Banner Baltic Fleet in the Vyborg Gulf and the Bierk archipelago in the spring of 1940 – in the spring of 1941.

The construction of Soviet coastal defense in the territory of the Vyborg Gulf and the Björk archipelago after the Soviet-Finnish war for many years was a little studied topic. The attention of researchers was attracted to a greater extent by a similar coastal construction in the Baltic countries, where heavy coastal batteries of large caliber were built. Coastal defense in the Vyborg Bay and in the Björk area were less powerful, but its fate was very similar in 1941. Despite the fact that by the beginning of the Great Patriotic War most of the coastal batteries of the Vyborg fortified sector were successfully built, their garrisons failed to fully manifest themselves in the summer-autumn battles of the beginning of the war. Because of the general difficult situation that arose on the Karelian Isthmus in August 1941 and the encirclement of the Soviet troops near Vyborg, the Soviet command had to quickly evacuate all the garrisons of coastal batteries and ship them to the sea in Kronstadt. As a result, Soviet coastal batteries built before the war could not inflict serious combat damage on the enemy.

Ключевые слова: остров, военно-морская база, береговая оборона, укрепленный район, батарея, орудие.

Keywords: island, naval base, coastal defense, fortified area, battery, cannon.

Смолин А. В. Советско-финские переговоры в Тарту. Первый этап 12 июня – 14 июля 1920 г.

В статье речь идёт о начале переговоров между Советской Россией и Финляндией. В статье рассказывается о позициях, с которыми Советская Россия и Финляндия пришли на переговоры о дискуссиях, которые возникли по поднятым проблемам. Твёрдая позиция сторон привела к перерыву переговоров.

Smolin A. V. The talks between Soviet Russia and Finland in Tartu. First period 12 June – 14 July 1920.

The article deals with the beginning of negotiations between Soviet Russia and Finland. The article describes the positions with which Soviet Russia and Finland came to the negotiations on the discussions that have arisen on the issues raised. The firm position of the parties led to a break in negotiations.

Ключевые слова: Тарту, делегация, переговоры, территория, уступки.

Keywords: Tartu, delegation, negotiations, territory, concessions.

Шкваров А. Г. Крепость Вильманstrand и ее гарнизон в 1750–1850-х гг.: по материалам Национального архива Финляндии.

Статья рассматривает изменения состава русского гарнизона Вильманstrand на протяжении столетия и царствования четырех монархов – с момента включения в состав Российской империи в 1743 г. и до Восточной войны 1853–1856 гг. Вильманstrand долгое время был пограничным форпостом России против Швеции. Этим определялась его специфика. Поименные списки офицеров и нижних чинов, находящиеся в Национальном архиве Финляндии, дают нам исчерпывающую информацию о количественном и качественном составе гарнизона в различные годы, рассказывают о преобразованиях, проходивших в армии, а также развитии крепости в инженерном отношении.

Shkvarov Aleksei G. Fortress Wilmanstrand and its garrison in 1750–1850: documents from the National Archive of Finland.

The article examines changes in the composition of the Russian garrison of Wilmanstrand for over a century and the reign of four monarchs, from the time of inclusion the fortress under the power of Russian Empire in 1743 till Eastern war of 1853–1856. Wilmanstrand for

a long time was a frontier outpost of Russia against Sweden. This defines its specificity. The lists of names of companies and different teams, officers, non-commissioned officers and privates from the National archives of Finland give us comprehensive information about quantitative and qualitative composition of the garrison in different years, narrate about the transformations that took place in the army, as well as the development of the fortress in weapons engineering.

Ключевые слова: Русская армия в Финляндии, Вильманstrand, пограничная крепость, пехота, артиллерия, инженерный корпус, Сайменская флотилия, именные списки гарнизона.

Keywords: The Russian army in Finland, Wilmanstrand, frontier fortress, infantry, artillery, corps of engineers, Saimaa Navy, lists of names of garrison.

Шувалова А. Н. Церковь во имя Рождества Христова в Выборге в середине XVIII столетия.

Статья посвящена судьбе Рождественского собора г. Выборга в XVIII в. Важным источником по истории этого православного храма являются документы Святейшего Синода. В этих бумагах повествуется о деятельности различных священников и прихожан церкви. Также имеется значительное количество документов, описывающих работы по восстановлению собора в данный период.

Shuvalova A. N. Church in the name of the Nativity of Christ in Vyborg in the middle of the 18th century.

The article is devoted to Nativity Cathedral in Vyborg in the XVIII century. An important source on the history of this orthodox church are documents of the Holy Synod. These papers narrative about the activity of various priests and parishioners of the church. There is also a significant number of sources describing the work on the restoration of the cathedral in this period.

Ключевые слова: Рождественский собор, Выборг, история XVIII века.

Keywords: The Nativity Cathedral, Vyborg, history of the 18th century.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Балаценко Юрий Дмитриевич, Музей-усадьба И.Е. Репина «Пенаты», yurabal@gmail.com.

Барышников Владимир Николаевич, д.и.н., профессор Санкт-Петербургского государственного университета, vbaryshnikov@mail.ru, v.baryshnikov@spbu.ru.

Бочков Евгений Анатольевич, д.и.н., профессор, Академия военно-исторических наук, be57@yandex.ru.

Возгрин Валерий Евгеньевич, д.и.н., профессор Санкт-Петербургского государственного университета, vozgrin60@mail.ru, v.vozgrin@spbu.ru.

Козлов Денис Юрьевич, д.и.н., Институт российской истории РАН, kozloff_d@mail.ru.

Корчагин Олег Викторович, Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета, oleg7169@yandex.ru.

Лобанова Дарья Ростиславовна, Санкт-Петербургский государственный университет, d.lobanova@spbu.ru.

Мартынова Анастасия Геннадьевна, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, MartynovaNastjia@mail.ru.

Мельнов Алексей Витальевич, к.и.н., ГБУК ЛО «Выборгский объединенный музей-заповедник», alexmelnov@yandex.ru.

Метелкин Евгений Николаевич, к.и.н., доцент Санкт-Петербургского государственного университета, metelkin@mail.ru, metelkin@spbu.ru.

Мошник Юлия Игоревна, к.и.н., ГБУК ЛО «Выборгский объединенный музей-заповедник», julia.moshnik@gmail.com.

Мусаев Вадим Ибрагимович, д.и.н., Санкт-Петербургский институт истории РАН, vmusaev62@mail.ru.

Наземцева Елена Николаевна, к.и.н., Научно-исследовательский институт военной истории Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации, elenanazz@mail.ru.

Николаев Никита Иванович, Институт Истории Санкт-Петербургского государственного университета, madnickhistory@gmail.com.

Партала Михаил Анатольевич, к.т.н., доцент Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета, par_ma@mail.ru.

Петров Павел Владимирович, д.и.н., Государственный музей-заповедник «Петергоф», kbf1939@rambler.ru.

Смолин Анатолий Васильевич, д.и.н., профессор Санкт-Петербургского государственного университета, a.smolin@spbu.ru.

Шкваров Алексей Геннадьевич, д.ф., университет Хельсинки, Финляндия, shkv-aleksej@yandex.ru.

Шувалова Анастасия Николаевна, Библиотека РАН (БАН), nastia_220295@mail.ru.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Balacenko Yuriy D., I. E. Repin memorial estate «The Penates», yurabal@gmail.com.

Baryshnikov Vladimir N., PhD (History), professor of Saint Petersburg State University, vbaryshnikov@mail.ru, v.baryshnikov@spbu.ru.

Bochkov Eugene A., PhD (History), professor, The Academy of Military-historical sciences, be57@yandex.ru.

Kozlov Denis Yu., PhD (History), Institute of the Russian history of the Russian Academy of sciences, kozloff_d@mail.ru.

Korchagin Oleg V., Institute of History, Saint Petersburg State University, oleg7169@yandex.ru.

Lobanova Darja R., Saint Petersburg State University, d.lobanova@spbu.ru.

Martynova Anastasija G., Leningrad State University named after A. S. Pushkin, MartynovaNastjia@mail.ru.

Melnov Alexey V., PhD (History), Vyborg's associated heritage museum, alexmelnov@yandex.ru.

Metelkin Evgeniy N., PhD. (History), associated professor of Saint Petersburg State University, metelkin@mail.ru, metelkin@spbu.ru.

Moshnik Yuliya I., PhD. (History), Vyborg's associated heritage museum, julia.moshnik@gmail.com.

Musaev Vadim I., PhD (History), the St.-Petersburg institute of a history of the Russian Academy of sciences, vmusaev62@mail.ru.

Nazemtseva Elena N., Ph.D (History), research associate, Military History Research Institute Military Academy of General Staff Russian Armed Forces, elenanazz@mail.ru.

Nikolaev Nikita I., Institute of History, Saint-Petersburg State University, madnickhistory@gmail.com.

Partala Mikhail A., Ph.D, associated professor of Saint Petersburg Electrotechnical University, par_ma@mail.ru.

Petrov Pavel V., PhD (History), The State museum-reserve «Peterhof», kbf1939@rambler.ru.

Shkvarov Aleksei G., PhD (History), University of Helsinki. shkv-aleksej@yandex.ru.

Shuvalova Anastasiia N., The Library of the Russian Academy of Sciences, nastia_220295@mail.ru.

Smolin Anatolit Vs., PhD (History), professor of Saint Petersburg State University, a.smolin@spbu.ru.

Vozgrin Valeriy Je., PhD (History), professor of Saint Petersburg State University, valerijvozglrin@mail.ru, v.vozgrin@spbu.ru.

Научное издание

Санкт-Петербург и страны
Северной Европы
20 (№1)
тематический выпуск

РОССИЯ, ФИНЛЯНДИЯ
И СКАНДИНАВИЯ:
КЛЮЧЕВЫЕ СОБЫТИЯ
В ИСТОРИИ

Материалы восьмых ежегодных
Барышниковских научных чтений

Подписано в печать с готового оригинал-макета 15.12.2018.
Формат 70х90/16. Бум. офсетная. Гарнитура РТ.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,5.
Тираж 200 экз. Заказ № 212.

195248, г. Санкт-Петербург, пр. Энергетиков д.30, к. 10/11 лит. А
Издательство: ООО «Центр Сохранения Культурного Наследия»
Тел. (812) 935-49-47
E-mail: info@zskn.ru URL:<http://zskn.ru/>

Отпечатано в типографии ООО «ЦСКН»
Санкт-Петербург, пр. Энергетиков, д.30, к. 10/11 лит. А